В. А. БЕЛЯЕВСКИЙ.

Голгофа

ОЧЕРКИ ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ

1882 — 1964 гг.

—

С ПРЕДИСЛОВИЕМ В. Д. МЕРЖЕЕВСКОГО.

1965 — САН ПАУЛО — БРАЗИЛИЯ — 1965

Полковник
Василий Арсеньевич Беляевский

В. А. БЕЛЯЕВСКИЙ.

Голгофа

ОЧЕРКИ ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ

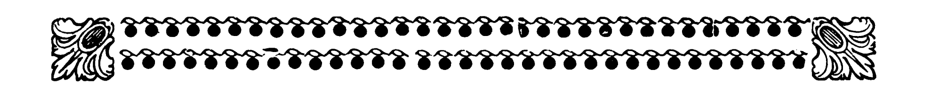
1882 — 1964 гг.

—

С ПРЕДИСЛОВИЕМ В. Д. МЕРЖЕЕВСКОГО.

—

1965 — САН ПАУЛО — БРАЗИЛИЯ — 1965

Предисловие

Выпуская в свет новую книгу полковника В. А. Беляевского, необходимо сказать несколько слов о личности автора. Василий Арсеньевич Беляевский — коренной казак Войска Донского. Родился он 14 марта 1882 года в семье скромной, религиозной и пользовавшейся всеобщим уважением. Отец Василия Арсеньевича был участником русско-турецкой войны 1877 года, вахмистр, имевший полную колодку георгиевских крестов за военные отличия, в числе которых значилось спасение знамени полка.

Отец и мать В. А. Беляевского дали своим детям воспитание религиозное, в духе трезвости и трудолюбия. Арсений Беляевский был многие годы атаманом.

В январе 1904 года В. А. Беляевский поступил в 5-ый Донской Казачий полк на правах вольноопределяющегося и позднее служил в 14-ом Донском Казачьем полку, а затем был причислен в штаб 14-го армейского корпуса, где состоял заведывающим продовольственным отделом. В январе 1914 года был откомандирован в Варшавское Интендантское Управление для прослушания курсов по снабжению войск, каковые окончил успешно.

С объявлением войны Германией в июле 1914 года, 14-ый армейский корпус развернулся в 8-ую армию, которой командовал первоначально ген. Брусилов, а затем ген. А. М. Каледин. С первых дней войны В. А. Беляевский был назначен начальником продовольственного отде-

ла интендантской части армии и в этой должности прослужил до окончания войны с Германией.

В. А. Беляевский участвовал в Суворовском восстании на Дону, на Царицынском фронте, которым командовал ген. Мамонтов, Беляевский занимал должность интенданта. После избрания войсковым атаманом Всевеликого Войска Донского П. Н. Краснова, он был переведен в главный войсковой штаб и занимал должность инспектора по снабжению. По этой должности Беляевский был в непосредственном подчинении генерала Богаевского, от которого получал личные задания.

Во время второй мировой войны Беляевский занимал должность по снабжению в штабе походного атамана С. В. Павлова, а после его смерти был откомандирован ген. П. Н. Красновым в Главное Управление ген. Власова для связи и информации.

Личная эпопея Беляевского и трагедия всего казачества описана в книге «Вторая мировая война», вышедшей в 1963 году в нашем издании.

Этот документальный труд описывает роль казачества во второй мировой войне и его трагедию. После выдачи казаков в Лиенце и убийства ген. Краснова и всего командного состава, Беляевский взял на себя роль казачьего летописца и с честью выполнил эту задачу.

В своих книгах он описал роль казачества, которое как один человек стало на защиту России от большевизма и во время Новороссийской эвакуации было предано ген. Деникиным.

Во время второй мировой войны казачество пыталось стать также на защиту родной земли от большевизма и после отступления немцев, ушло с женами и детьми заграницу, лишь бы не оставаться под властью безбожной власти. Благодаря предательству Черчила и Рузвельта,

заключивших в Ялте соглашение с большевиками о выдаче беженцев, казаки были насильно выданы советам и погибли под пулями чекистов и в ссылке. Всю эту эпопею казачества можно прочитать в книгах Беляевского «Правда о Деникине», «Кто виноват», «Вторая мировая война», которые по нашему мнению являются лучшими книгами, описывающими трагедию казачества, которое до конца оставалось верным Царю и России. Книги Беляевского в особенности ценны тем, что они являются свидетельским показанием непосредственного участника тех событий, которые привели к гибели России, они рассказывают о том какие были причины этой гибели, какие были попытки к спасению ее и почему все таки большевики победили. Конечно, история русской революции еще ждет своего Карамзина, как хорошо сказал в предисловии к одной из своих книг сам Беляевский, а писания современников и участников всегда субъективны, но это обстоятельство не мешает им быть ценными свидетельствами, только на основании которых в будущем и будет написана беспристрастная история событий, которых нам пришлось быть очевидцами.

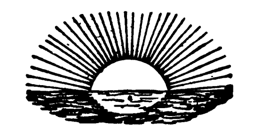
Писать Беляевский стал уже на склоне своей жизни, но это не только не умаляет, но увеличивает ценность его литературных трудов. Самое главное, что они проникнуты любовью к России, верностью казачьим идеалам и исторической правдой. Как писатель В. А. Беляевский продолжил славные традиции, оставленные нам П. Н. Красновым.

В одной из своих книг, Беляевский хорошо сказал, что, «мертвые сраму не имут, но ошибки и правду о них потомство должно знать и учиться на них». Стратегические и политические ошибки ген. Деникина привели к гибели До-

бровольческой Армии и в частности казачества, ошибки Гитлера привели немцев к поражению в войне, которую они могли выиграть.

Стратегические ошибки Деникина были использованы большевицким командованием, политические и военные ошибки Гитлера дали возможность союзникам победить Германию и в результате этого освобождение России от большевизма отдалилось на неопределенное время. Будем надеяться, что время это придет, востанет Императорская Россия и тогда вместе с ней возродится и казачество, которое от революции так жестоко пострадало.

В. Мержеевский.

Очерки из моих воспоминаний.

1882 — 1964 гг.

Петь песни никогда не устану
Про родимую степь и реку-Дон.
Не устану молиться о павших
За пороги отчизны моей,
За заветы казачьи наши,
За сияние правды лучей!..
Лихолетья пройдут роковые.
Цепь безбожной коммуны падет!
Храмы вновь оживут вековые!
Солнце правды над Россией взойдет!
Возродятся казачьи станицы!
Разбросают вишневый наряд!
Поведут хороводы девицы,
Обжигая сердца казачат!!

ГЛАВА I.

ИЗ РАССКАЗОВ МОЕГО ОТЦА О МОЕМ ДЕТСТВЕ.

Была ранняя весна, половина марта 1882 года. Дни были солнечные, дул восточный легкий ветерок.

Зима была обильная снегом, но наступившая весна быстро растворила снежное покрывало и горы снеговых сугробов исчезли. Снег таял, земля жадно впитывала в себя обилие влаги. Ручейки там и сям стекали в более низкие места, образуя лужи. Лужи переполнялись, вода до краев заполняла углубления, вытекая из них, спускалась в овраги, а затем — в реки.

Старики умудренные опытом уверенно высказывали свои предположения. Они говорили — весна благоприятствует хорошему урожаю.

Казаки весело насторожились. Они как муравьи, выползли из своих куреней и копошились во дворе, готовясь к весеннему севу. Чинили плуги, бороны и всякий необходимый инвентарь... Казачки тоже готовили огородные семена, расчищали и вскапывали на огородах гряды, вынимали двойники оконных рам, чистили и освежали свои курени, закопченные за длинную зиму. Выпускали за двор выводки гусят, утят и прочую птицу. Маленькие, желтенькие клубочки-птенцы, охотно набрасывались на зеленую травку, которая только что показалась на бугорках. Старые утки и гуси охраняли своих малышей от бегающих тут же детей, и вообще проходящих, они вытянув свои длинные шеи,

шипя их провожали. А малыши задорно щипали зеленую травку, иногда споря между собой. Они хохлились, прыгали и всплескивали своими голыми не оперенными крылышками.

Небо голубое и ясное казалось выше обыкновенного. Солнце поднималось высоко и грело землю прямыми лучами. Земля парилась. Воздух был свеже-благоухающий. Ранняя весна пробуждала жизнь и все оживало.

Муравьи показались и сейчас же принялись за работу. Разные букашки ожили и копошатся, поднимая свои брони и расправляя крылышки, как будто собираясь лететь. Кое-где уже порхали бабочки. А воробьи весело чирикали, прыгали и как будто купаясь, взъерошивая свои перья, отряхивались и задорно спорили между собою. Со стороны казалось, что они решают важные вопросы. Там на крыше ворковали голуби, радуясь наступившей весне и целовали друг друга.

Все живое торжествовало. Казаки и казачки перекликались и весело приветствовали друг друга.

Семья Беляевских тоже приготовлялась к полевым работам и радовалась наступившей благоприятной весне.

Но в этом семействе была двойная радость. У них родился сынишка — белокурый с пушистыми волосенками, со светло голубыми глазами, опушенными длинными ресницами и густыми бровями.

Николаевна — повивальная бабушка говорила: какой он необыкновенный, да и родился то в рубашке, — счастливый будет! Эту рубашку Николаевна сняла, передала матери ребенка и убедительно сказала: — «Храни, Фотеевна, эту рубашку, когда выростет сынок, — передай ему и пусть он носит ее вместе с крестом, как талисман счастья».

Через три-четыре дня мальчик занемог. Николаевна настаивала скорей крестить, боясь что умрет некрещеным.

Церковь от нашего хутора находилась в четырех верстах в Нижне-Гнутове. Отец ребенка и Николаевна повезли младенца для крещения. Там-же, в этом хуторе, недалеко от церкви, жили кум и кума с которыми было заранее договорено, что они будут воспреемниками.

Таинство крещения совершил отец Василий Кручинин. Свидетелями при крещении были: крестный отец Сергей Арефьевич Гнутов и крестная мать Анна Ивановна Калмыкова.

Возвращаясь домой, после крещения Николаевна облегченно вздохнула и сказала: — «Слава Богу окрестили ребенка, теперь, если и умрет крещенный, он будет причислен к святым ангелам.

Отец ребенка всю дорогу шутил. Вот люди собираются пахать землю, а я вожусь с этим карапузом, мог же родиться он зимой, когда делать нечего. Хитрый боялся купаться во время крещения в холодной воде. Николаевна, смеясь защищала новорожденного: — небось и ты, Арсяша, родился еще хуже — в молотьбу.

— «Да, правда, я родился под первый Спас, но меня крестили осенью. Я, ведь, не такой хилый был, как он», — сказал отец, указывая на малютку сына. Николаевна продолжала защищать новорожденного: — «Не сетуй, не плачь, Нефедьевич, младенец поправится, выростет большой и будет хороший и послушный сынок. Ты погоняй, Нефедьевич, виш, туча-то какая черная со стороны Рязанкина, и гром гремит, не дай Бог застанет нас в пути с ребенком дождь, да еще возможно с градом»...

— «Да и правда, — сказал отец, — ну, лошадки...» Махнул кнутом и они весело побежали по мягкой дороге, еще не просохшей и не накатанной.

Приехали домой. Николаевна принесла ребенка в комнату матери, которая лежала еще в кровати, больная.

— «Ну, Фотеевна, привезла тебе крещенного сынишку, — восторжено заявила она, — и зовут его Васяткой. Батюшка сказал, что он будет хороший казак и почтительный сын».

— «Дай Бог, пусть растет на благо родины и на нашу радость» — ответила мать, принимая на руки сынишку.

Это ласкательное имя «Васятка» сохранилось за мною на долгие годы, и даже тогда, когда носил военный мундир и имел своих сыновей, меня продолжали называть Васяткой, конечно, старшие.

Николаевна не ошиблась: только приехали, отец еще не успел выпрячь лошадей, хлынул дождь с громом и молнией, а затем тучи кругом обложили небо, и дождь с небольшими промежутками лил два дня. Проходили туча за тучей и казалось не будет этому конца, дождь лил, как из ведра... Два дня солнце из-за туч не было видно... Наконец тучи рассеялись, дождь перестал лить и солнышко засияло. После дождя солнце особенно грело, а земля еще больше парилась, подогреваемая изнутри и снаружи.

С утра золотые, косые лучи проникали вглубь земли и все, что замирало на зиму, теперь под влиянием влаги от дождя и солнечных лучей оживало. Травка на глазах поднималась, на деревьях набухали почки и показывались зеленые нежные листочки.

В небе трелью заливались птички. Грачи весело каркали, суетились, перелетая с дерева на дерево, ища свои гнезда, которые они оставили, улетая в теплые края на зиму.

В эту пору особенно хотелось жить, наслаждаться чудным творением Божиим, благодарить и хвалить Всемогущего Творца за Его милость к нам и создание божественно неописуемой красоты.

Земля скоро подсохла и народ хлынул в поле. Потянулись дроги, телеги, нагруженные боронами, плугами и мешками с семенным зерном.

Молодые казаки и казачки по дороге весело разговаривали, шутили, обгоняли друг друга, а некоторые собирались на одну телегу и пели песни...

Полевые работы были в разгаре. Ранние посевы, как то пшеница всех сортов, ячмень и овес были закончены быстро, т. к. погода благоприятствовала, — дождей во время работы не было.

Всходы были замечательные. Ранние пшеница и ячмень быстро покрыли землю зеленым ковром. А рожь и озимка настолько были хороши, что шли уже на ствол.

В воскресенье, несмотря на полевые работы и усталость, услышав призыв колокольного звона молодые и старые, со всех концов хутора спешили в церковь. В это время из-за садов и левадов выплывало солнце, оно радостно блестело на нарядах молодых казаков и казачек. Женщины, шелестя цветными юбками и белыми кружевами белья, — оглядывали друг друга.

Молодые казаки в белых вышитых рубашках, в шароварах с красными лампасами, в вычищенных блестящих сапогах и с вихром чуба на боку, проходили мимо девчат, затрагивая их, а те смеялись, поглядывая вслед бравым казакам.

А потом — хороводы, песни, смех и развлечения до позднего часа.

Старики после богослужения собирались у атамана узнать новости, поделиться впечатлениями и успехами полевых работ. Радовались благоприятной весне, хвалились хорошими всходами и питали надежду на хороший урожай.

В понедельник с раннего утра все были в поле и продолжали заканчивать посев. И в этом году все полевые работы были закончены до Пасхи.

Казаки, освободившись от тяжелых полевых работ, отдыхали. Занимались домашними работами по хозяйству: чинили базы, телеги, и другой необходимый инвентарь. Готовились к покосу и молотьбе, а также копались в огородах и садах, помогая своим хозяйкам.

Можно сказать, что это самая хорошая пора у казаков для отдыха перед страдной, тяжелой работой уборки хлебов.

Начало мая, дни солнечные, тихие, с прохладой в тени. Изредка перепадают дожди, а затем опять солнце. Деревья густо покрываются листьями, в садах начинается цветение. В огородах появляются ранние овощи.

Наступил праздник Святой Троицы. День выдался исключительно хороший. Заборы, ворота украшены березками. В домах на полу настелена душистая зеленая трава и цветы. Иконы в домах также украшены ветками берез и цветами. Все это придавало торжественность и вносило в сердца людей радость и праздничное настроение.

Отец и мать приехали из церкви с Васяткой.

— «Арсяша, — сказала мама, — когда причащала Васятку, батюшка обратил внимание на него и повторил слова,— помнишь, что он сказал при крещении, — казак будет хороший, берегите и любите его. Мне очень приятно, что батюшка радует нас — хорошим сыном и будущим примерным казаком». Отец сказал — «Дай Бог, чтобы он был таким, как обещал нам батюшка, но, моя дорогая Марфуша, чтобы наш сын был хорошим, мы родители, должны помочь своему сыну.

Мама поцеловала Васютку, положила в люльку и тихо сказала: — «Расти, мой ангел, и будь добрым, как обещал батюшка».

Ребенок утомленный дорогой быстро уснул.

— «Ну, Марфуша, — собирай обедать, после обеда поедем в поле, полюбуемся хлебами, сегодня день прекрасный, грех дома сидеть.

После обеда отец запрег в тарантас пару лошадей: рыжего и буланую кобылицу, мама взяла с собой ребенка и поехали осматривать урожай.

В трех-четырех верстах от хутора начинались поля. А перед полями на толоке хуторяне садили арбузы. Эта толочная земля принадлежала хутору, делилась на три поля: через каждые три года на этих полосах сеяли попеременно: первый год на перегаре раннюю пшеницу, на второй год рожь, а затем арбузы.

— «Марфуша, — сказал отец, — заедем посмотрим какова уродилась рожь на арбузной земле». Свернули и поехали без дороги.

Перед хлебами на толочной земле, куда скот не подходит, трава выросла в рост человека, — густая и с полевыми цветами. Лошади не нагибаясь рвут зубами траву. Воздух в поле чистый и свежий.

Вдали как будто море волнуется, то поднимаясь, то опускаясь, казалось, что волны гонялись друг за другом. Птицы от неожиданных посетителей взлетали на воздух,

но не улетали далеко от своих гнезд с птенчиками. Подъехали ко ржи, она родимая стоит, как стена, то и дело шевелится без ветра и кланяется своими наливными полными большими колосьями. Вдруг из под ног лошадей вылетели с шумом перепелки. Лошади вздрогнули, дали в сторону, но опять стали спокойно щипать сочную, душистую траву.

От внезапного толчка, Васятка проснулся. Мама распеленала его, оставила в одной рубашонке, подняла на руках высоко, он как большой рассматривал все кругом. Для него все было ново и окружающее забавляло его, улыбаясь вдыхал запах полевых растений.

Мама с умилением и любовно смотрела на все окружающее и сына и с сердечным восторгом сказала: – «Боже, как хорошо здесь и все это Господь дал человеку, чтобы он жил, не сердился, был доволен и наслаждался чудесным творением Божиим».

Отец подтвердил: — «Да, Марфуша, чуден мир, созданный Богом, но люди не умеют пользоваться разумно и с благодарностью этим прекрасным мирозданием».

Свернули на полевую дорогу, которая заросла подорожником и другими травами. По бокам справа и слева, то рожь, то пшеница и другие злаки. Издали лошадей не видно, они утопали в море этих растений.

В воздухе мелькали красивые, разноцветные, то белые, то желтые, то пестрые с оттенком разных цветов бабочки, — где то в гуще цветов и трав своими ножками, как цимбалами, звучно щелкали кузнечики. А в небе заливаются разными трелями птицы, особенно выделяется жаворонок, он, как бы плавает высоко в воздухе, оглашая воздух своим пением. И все живое радовалось и восхваляло Бога.

Отец и мать до самого вечера наслаждались виденной красотой природы и богатством полей. — «Ну, Марфуша, скоро надо будет засучать рукава, да приниматься за работу, — урожай хороший, только убрать нужно будет во время». Мать весело добавила — «с помощью Божией уберем, было-бы здоровье».

По дороге домой ехали низиной, где посеяно просо. Мать удивленно заметила — «что это, камыш?» — «Нет, Марфуша, это наше просо».

А оно густое, высокое, с мочками, как виноградные кисти, тихо, тихо двигается, лениво перемещая свои сочные, тяжелые мочки, наполненные густо зерном...

Немного уставшие, но довольные всем виденным, приехали домой.

После Троицына дня в воскресенье в полдень было очень жарко. Майское солнце бросало свои лучи на зеленую

крышу двухэтажного дома Беляевских, но в доме не было душно, он был окружен со всех сторон садами, откуда веяло прохладой. Сады были покрыты белой пеленой цветения. Аромат цветов наполнял воздух, который проникал в открытые окна дома.

В доме шли приготовления к встрече гостей, это было заметно по шороху передвигаемых столов и стульев и по звону посуды. В доме было шумно от веселых голосов женщин.

Хозяин дома Арсений Нефедьевич, ожидая гостей нарядился в свой казачий мундир и новые шаровары синего сукна, с широкими лампасами; подойдя к зеркалу, неторопливо одевался, стряхнул пылинки с мундира, прицепив к груди бант георгиевских крестов и медаль за усердие, он самодовольно поглядел в зеркало. Из зеркала смотрел представительный, молодой, выглядевший бравым, красивый вахмистр, георгиевский кавалер. Большой его лоб и казачья шевелюра волос придавали лицу глубокомысленное выражение. В его серых выразительных глазах, светился ум и казачья отвага. А красивая, окладистая борода делала внушительным это строгое и приятное лицо.

Надев казачью фуражку, атаман еще раз оглянул себя в зеркало и медленно вышел на крыльцо. В это время подошла к нему моя мама и ласково сделала ему комплимент: — «Мой милый красавец-казак, как ты рыцарски выглядишь в этой чудной форме» — и не ожидая ответа поспешила в столовую, где она продолжала сервировать стол для гостей. В это время к голубым тесовым воротам подъехали тарантасы, наполненные гостями... Хозяин дома открыл ворота и сделал жест рукой, приглашая гостей въехать во двор. Гости подъехали к парадному крыльцу. У крыльца, нарядно одетая, весело улыбаясь стояла хозяйка дома, радушно приглашая гостей. Из тарантаса вышли: отец Василий с матушкой, кум с женой и кума с мужем, отец дьякон и учитель. Местные гости были уже в доме.

Столы были приготовлены в большой светлой комнате, где все гости были посажены по своему рангу и положению.

Когда гости разместились, то под руководством дьякона торжественно была пропета молитва. Отец Василий благословил трапезу.

Первый тост был провозглашен за новорожденного Васятку, т. к. это празднование было в честь его рождения и дня ангела. Отец Васятки извинился перед гостями, что раньше не мог созвать гостей — мешали полевые работы. Кум Сергей Арефьевич пошутил: «Лучше поздно, чем ни-

когда». Гости весело рассмеялись. Пили за здоровье матери и отца Васятки, пили за кума, куму и других гостей.

Скоро отец Василий, сказав прочувственную речь, пожелал всем здоровья и уехал с матушкой домой.

Когда о. Василий уехал общество еще больше оживилось. Дьякон отец Николай имел прекрасный голос и умел управлять хором. Он по просьбе хозяйки, которая любила веселиться и петь, откашлялся и спросил: — какую же?

— Давайте «Ай казак по Дону гуляет» — попросил Сергей Арефьевич, дьякон взмахнул рукой и мощно затянул:

Ай по Дону гуляет, казак бравый молодой,
Ай он конёчком своим разъезжает по-над
быстрою рекой...

Остальные подхватили:

Ой конечком своим разъезжает по-над
быстрою рекой...

Дьякон весело окидывая всех поющих своим взором, продолжал:

Ай да там сидит же девченочка, плачет.
Ай рекою слезы льет...

Когда только окончился последний аккорд песни, заиграл гармонист.

В это время выскочили два молодых бравых казака. Плясали хорошо, публика шумно аплодировала... А затем гармонист заиграл: «Сени мои сени. Сени новые и кленовые». Все гости пошли ходором. Был пир горой, было шумно весело...

Позже для всех гостей был предложен поздний ужин, кум, мой отец крестный Сергей Арефьевич, рассказал про трагическую историю полка, в котором он служил с моим отцом во время войны с турками в 1877 году.

Воспоминания о прошлом вызвали слезы на глазах у обоих:

— «Как же не помнить незабываемое»... — сказал отец, — «продолжай, Сережа, рассказывай дальше, публика интересуется». Гости тоже стали просить, рассказать дальнейшее.

Сергей Арефьевич продолжал: «Одна из пехотных дивизий нашего корпуса отходила под давлением превосходных сил противника, или меняла свою диспозицию. Наш полк прикрывал это перемещение. Когда части дивизии оторвались от соприкосновения с противником, турки оставили преследование дивизии, но разъединив нас с последней, свои силы бросили на наш полк. Обстреливали нас со

всех сторон, оставляя нам единственную дорогу лесом. Моя 6-я сотня шла в хвосте полка, как бы прикрывая отход. Когда полк вошел в чащу леса, турки прекратили обстрел. Казаки от напряженного и бесперестанного боя за сутки, казалось получили передышку. Но это к сожалению было зловещее затишье перед бурей. Моя сотня еще не входила в лес, а была на опушке его. Видно было, как наш полк входил в дремучий лес, который оказался для него роковым и смертельным мешком. Тяжелое и зловещее предчувствие давило мою грудь. Я был в раздумьи: куда идти? Я остановил своего коня и вся сотня, по инерции и без команды, остановилась. Идти за полком инстинкт моего сознания задерживал. В эту минуту раздумья и душевной тревоги, я услышал голос и прислушался. Стал осматриваться во все стороны и увидел недалеко от меня под деревом человека. Человек в турецкой голубой феске. Он кричал, повторяя все время одни и те же слова: — «православные христиане, поверните с дороги направо, вот по этой тропинке, указывал он рукой, а в противном случае все погибнете».

Я толкнул ногой своего боевого коня и дал повод в сторону тропинки, подчиняясь голосу, неизвестного спасителя и своему собственному инстинктивному желанию. Сотня также без команды последовала за мной. В это время я оглянулся в сторону полка, его уже небыло видно, он скрылся в темноте и гуще леса. Командир полка, который шел во главе полка, очевидно не слышал человека в феске или не придал значение его словам.

Много у нас было суждений и предположений о человеке в голубой турецкой феске, но говорившем по русски. Были разные предположения, но это вероятно наш соотечественник, казак Некрасовец, рабочий или служащий турецкого лесничества. Во всяком случае, это был посланник Божий, и мы оставшиеся в живых, за наше чудесное спасение от неминуемой гибели благодарим его и Господа Бога.

Трудно было ехать по узкой тропинке, протоптанной очевидно только дикими зверями. Я скомандовал спешиться и приказал вести своих лошадей на поводу и мы пошли гуськом, один за другим. Лошади наши сильно измученные, едва тащили ноги. Я рвал по пути травку и давал своему боевому товарищу, он жадно выхватывал из моих рук и охотно ел и пырскал поминутно от удовольствия. Казаки также кормили из рук своих лошадей, и некоторые из них грызли уцелевшие в сумах сухари.

Я был все время настороже, и держал оружие на готове. Казаков также предупредил быть готовыми ко всяким случайностям. Местность нам была неизвестная и весьма подозрительная. Если бы это не был голос Божий, ведь мы тоже могли попасть в ловушку турок, как и наш полк.

Долго мы шли по этой узкой, извилистой и неудобной тропинке, перепутанной мелким кустарником и разными ухабинами. Наконец, вышли на ровную полянку с редкими кустами, какого то колючего шиповника. Было уже совсем темно, наступила ночь. Я остановил сотню, велел стать с лошадьми в кольцо, а так как нас осталось 38 казаков, то кольцо было небольшое. Казаки, держа своих лошадей в поводу, приблизились ко мне. Я им разъяснил, что дальше идти ночью некуда, ибо дороги не видно. Тропинка, по которой мы шли с выходом на полянку потерялась. Остановимся здесь до рассвета, тем временем наши лошади отдохнут, да и мы тоже. Казаки были рады моему предложению, так как они до крайности устали. Я распорядился передать лошадей с таким расчетом, чтобы один казак держал трех лошадей и кормил их подножным кормом. Трава на поляне была хорошая. Остальные казаки свободные от лошадей отдыхали, как могли. Я предупредил всех вести себя тихо, не выдавая себя противнику.

А сам вот с этим Арсяшей всю ночь не спали, прислушивались к каждому шороху, и смотрели за порядком и сменой казаков. Ночью мы слышали душераздирающие крики, ржание лошадей оттуда, где уничтожался наш полк, попавший в засаду к туркам.

С рассветом мы скоро отыскали дорогу и нагнали один из пехотных полков дивизии, отступление которой прикрывал наш полк. Этот полк благополучно отступал другой дорогой, и в данный момент расположился для отдыха в поле.

Командир указанного пехотного полка выслушав наши рассказы о случившемся, приказал моей сотне временно остаться при его полку. Я повиновался и был очень рад, так как в нашей сотне не было ни одного офицера, они пали в последнем бою. К вечеру к нам подошли еще несколько казаков нашего полка, которые случайно спаслись и рассказали нам про трагическую гибель всего полка попавшего в турецкую ловушку.

Полк шел лесной дорогой и надеялся скоро выйти из леса, но турки завалили дорогу толстыми срубленными деревьями со всех сторон и как только вошел в эту ловушку, то турки, до сего времени притаившиеся, стали расстреливать казаков со всех сторон. Весь полк поголовно был варварски уничтожен.

Теперь моя сотня с подошедшими пешими казаками состояла из 65 казаков».

Все время Сергей Арефьевич рассказывал об этих событиях ясным, твердым и убедительным голосом, только иногда было заметно, что спазмы и слезы прерывали его повествование о трагической гибели родного полка. Продолжал он дальше:

— «Так как знамя полка Арсяша сохранил на своем теле под рубашкой, то полк не считался погибшим. Скоро начальник нашей дивизии получил уведомление о случившемся с нашим полком и с нашей сотней и приказал мне немедленно явиться в штаб дивизии. Я незамедлительно прибыл с остатками полка и с развернутым на древке знаменем полка. Полк наш встречал начальник дивизии со всеми чинами штаба. Начальник дивизии благодарил меня, знаменщика и остальных казаков. Все мы были награждены за этот подвиг Георгиевскими крестами, Арсяша кроме того был произведен в вахмистры, как спаситель полкового знамени.

Скоро полк получил пополнение, был полностью укомплектован всем положенным и продолжал участвовать в дальнейших славных боях, позже получил Георгиевское знамя за славное дело в боях с турками. Да, дорогие слушатели, много мог бы рассказать вам о славных делах нашего полка, да думаю, что утомил вас и не пора ли расходиться по домам!?»

Солнце брызнуло своими золотыми лучами в скважины ставней окон горницы. Было уже утро и соловей в саду начинал свою песнь громкой трелью, похожею на марш. И под эту песнь соловья гости расходились по домам.

СОЛНЦЕ ТАК НИГДЕ НЕ ГРЕЕТ

Солнце так нигде не греет,
Как в стране моей родной!
Ветер так нигде не веет,
Как над степью донской!
Песня так нигде не льется
Серебристою волной!
Сердце так нигде не бьется
Нежным чувством и тоской!
Голубое небо летом
Долгим взором не достать!
Светится оно приветом,
Словно ласковая мать.
Не увижу в целом мире
Балк, травы, таких кустов,
Разливающих в эфире
Нежный запах их цветов!
Не увижу резвый трепет
Жаворонка в небесах!
Не услышу птичий щебет
В ярких солнечных лугах!..
Степь ковер необозримый
Распростерла до морей,
Лаской всех дарит незримой,
Бедных нищих, богачей.
Нет нигде на свете лучше,
Чем былинный Тихий Дон!
Там орлы парят над тучей
Там небесный слышен звон!

ГЛАВА II.

ДЕТСТВО, ШКОЛА И МОЛОДОСТЬ.

Начало весны, солнце грело по весеннему. Снег таял. Вода ручейками стекала со всех сторон в нашу маленькую речушку — Лозной, вода начинала поднимать лед и ломать его, постепенно отрывая куски льда, которые уносила по течению.

Это был первый год, когда я поступил в приходскую школу.

В одно из воскресений, вместе с другими школьниками, я пошел на берег речки. С нашей стороны лед на речке еще держался, но уже стал кое-где отрываться от берегов, так как вода от таяния снега прибавлялась и поднимала лед. Другая сторона речушки была не такая пологая, а с крутыми берегами и там было глубоко.

Вода с той стороны бурлила и ломала постепенно лед и уносила его по течению. Мы, дети, помогали палками проталкивать этот лед дальше и не заметили, как под нами отломился лед и вся эта льдина вместе с нами стала отходить от берега. Я на этой льдине стоял дальше всех и не успел спрыгнуть, но не растерялся и увидел, что льдина шла медленно и течением воды поворачивала к нашему берегу, и когда она уперлась одним концом в берег, я прыгнул, мне казалось на лед, но к моему несчастью, это у берега был не лед, а вода со снегом и я погрузился по грудь в эту холодную смесь: барахтался в этом ледяном шквале, и с большим трудом все же выбрался на берег. Весь промок, купаясь в этой холодной ванне, а пока добрался до дома сильно прозяб. После этого скоро заболел, как говорила мама, воспалением легких. Болезнь протекала в тяжелой форме, но без осложнений благодаря строжайшему наблюдению, моей матушки.

Наступила весна с ясным солнцем и нежным запахом свежей зелени, как всегда дети особенно с нетерпением ожидают это благодатное время года. Освободившись от тяжелой зимней одежды, целый день бегают босые и в одних рубашонках, шумно и без умолка веселятся на улице. А я бывало поднимусь на кроватке к окну и долго смотрю на детей; хотелось и мне попрыгать и повеселиться с ними, но к сожалению болезнь меня надолго приковала к постели.

Только через полтора месяца я смог вернуться в школу. Пропустил много уроков по болезни, но все же был переведен во второй класс.

В школе у нас два раза в неделю преподавались военное дело и гимнастика. Я особенно любил эти занятия: ин-

структор подметил это и за мои старания и успехи на экзамене второго года я был произведен в урядники, что мне льстило и я этим чином гордился. Этот чин, конечно, не давал мне никаких привилегий, но все таки ребенку получить это звание было приятно и лестно, а другие даже завидовали.

Приходское училище я окончил со свидетельством, написанным золотыми буквами. У нас такие свидетельства выдавались только отличным ученикам. После окончания приходской школы я поступил в двухлассное училище в станице Есауловской.

Будучи уже во втором классе, я заболел скарлатиной и находился при смерти. Дядя мой, родной брат моей мамаши, Василий Фотиевич Золотов, дал родителям телеграмму, из которой они поняли, что я умер. Скарлатина, действительно, душила меня. Соседка, жена оружейного мастера И. Карсаева, помогла мне: перед этим у нее болела скарлатиной дочка — Наташа, которая училась вместе со мной, и у нее остались лекарства, какие-то порошки. Я получил облегчение и через некоторое время чувствовал себя совсем хорошо.

Когда папа и мама въехали во двор, я в это время сидел у окна и мама, увидя меня живого, поспешила выйти из саней и бегом — к окну, и со слезами радости говорила: —«слава Богу, мой дорогой сыночек жив, а я ведь приехала хоронить своего ненаглядного и дорогого Васятку, да как же это так перепутал телеграф, напугал меня до смерти, но теперь я тебя не оставлю здесь, заберу домой»... И, действительно, они забрали меня домой и я там поправился от своей болезни. Первое время я сильно скучал о школе, не зная что делать и чем заняться.

В Есауловском двухклассном училище со мной учился с нашего же хутора Сергей Карсаев. Когда он приехал на летние каникулы, много рассказывал про нашу школу и наших общих друзей и между прочим сказал, что учитель несколько раз спрашивал его про меня и сожалел, что школа потеряла хорошего ученика.

Каникулы мы проводили весело и я надеялся, что осенью опять вернусь в школу и буду продолжать учиться. Каникулы прошли. Сергей начал собираться. Я со слезами просил родителей отпустить меня ехать с Сережей в школу учиться, но они категорически запротестовали.

Сергей уехал, а я остался на хуторе дома. Я опять не находил себе дела и переживал очень тяжело невозможность учиться и быть в школе со своими друзьями.

К моему счастью я вскоре познакомился с молодым человеком, учителем из нашей хуторской школы. Я очень был доволен этим знакомством и учитель также был рад, что нашел компаньона, так как ни он, ни я не имели других друзей. Учитель Карп Захарьевич жил на квартире у одного богатого казака Ивана Ивановича Малюгина, когда то полкового писаря. У Малюгина была хорошенькая дочка Таня с ней дружили моя младшая сестра Гаша и сестра Сережи Карсаева — Ксения. Все мы часто собирались у Тани Малюгиной, где квартировал учитель Карп Захарьевич, который принимал живое участие в наших развлечениях. Карп Захарьевич, как было заметно, был неравнодушен к Тане и Таня отвечала тем же. Скоро эта взаимная дружба перешла в настоящую любовь, но они это очень скрывали, даже друг другу боялись в этом признаться. Я с Карпом Захарьевичем был в сердечной дружбе и мы доверяли друг другу. Однажды Карп Захарьевич признался мне, что любит Таню и не прочь бы жениться на ней, но не решается сказать ей об этом, так как боится отца Тани.

Карп Захарьевич, как он говорил, любил Таню, а я по детски был неравнодушен к Ксении и она мне отвечала тем же.

Богатый дом Малюгиных стоял в непосредственной близости от маленькой речушки — Лозной, не глубокой, но широкой, зимой всегда покрытой ровным, блестящим, как зеркало, льдом. Эта речка разделяла наш хутор на две половины, нижнюю и верхнюю. На этой как бы нейтральной площади часто по праздникам собиралась молодежь повеселиться и порезвиться на льду. По праздникам наша дружная компания всегда собиралась у Тани Малюгиной. Карп Захарьевич имел разные книги, получал газету и некоторые журналы. Он умел читать и с юмором рассказать прочитанное. Мы все, и особенно девочки, хохотали до слез.

Последний день масленницы — воскресенье. Это воскресенье у нас называлось «Прощенным воскресеньем», так как был обычай перед Великим постом в этот день просить прощение у родителей и даже знакомых.

В этот день как правило мы были все у Тани. День был тихий, солнечный, февральский легкий морозик, на солнце снежок искрился алмазными переливами. В окно из Таниной комнаты хорошо было видно площадку реки, где собиралась молодежь. Мы из окна наблюдали, как молодежь танцуя, кружилась, перехватывая друг друга, с песнями и веселым смехом, без конца веселилась.

Тут же вокруг веселой толпы молодых девчат и парней, — дети весело катались на коньках, показывая свое

искусство друг перед другом, выделывая разные фигуры, ребятишки радостно визжали, чтобы обратить на себя внимание.

Карп Захарьевич также следил в окно вместе с нами за этой веселой сценой. Он заметил, что парни из общей группы расходятся, делясь на две партии. Он спросил меня, что это значит? Я тоже обратил внимание на эту группировку и пояснил, что видно молодежь собирается устроить кулачный бой.

Ксения предложила пойти посмотреть на этот бой, добавив, что она любит смотреть на это интересное зрелище, остальные девочки в один голос поддержали ее желание.

И уже через несколько минут мы все были в общей веселой толпе, наблюдали как парни построились шеренгами и наступали друг на друга, держа свои кулаки наготове, нападая или отражая нападение противника.

Нашу группу, где участвовал мой старший брат Яков, стала противная сторона теснить, и мы в общей массе остались позади кулачного боя. Вдруг, ко мне подскочил один из противной группы, угрожая ударить. Я, не долго думая, сбросил пальто на руки Ксении и приготовился к бою. Он с большей яростью набросился на меня и я, не допуская его до себя, отскочил в сторону и ударил его кулаком в лицо с такой силой, что он упал на лед, обливаясь кровью. Увидев нашу схватку, его товарищи набросились на меня и я с трудом отбивался от нескольких человек, но в этот момент на выручку поспешил мой брат и другие бойцы из нашей группы. Завязалась горячая схватка, которая к нашему благополучию закончилась в нашу пользу.

Нужно сказать, что Тимоша Титов, который напал на меня, отличался ловкостью в драке и считался хорошим бойцом.

После драки, когда все сошлись вместе и девочки стали высмеивать Тимошу, он подзадоренный этим, вызвал меня на поединок. Хотя он по годам был старше меня, здоровый и хороший боец, я все же смело и уверенно принял его вызов. Но он, очевидно, еще чувствовал боль от моего удара, который оставил следы на его лице и мое смелое и уверенное согласие принять его вызов устрашили его, он струсил и ушел со льда осмеянный как нашей группой, так и своей. Наши девочки и особенно Ксения были в восторге, они были довольны моей ловкостью и смелостью. После этого случая наши девочки звали меня рыцарем.

Дружба нашей группы продолжалась больше двух лет. Кончилась тем, что Карп Захарьевич женился на Тане и

скоро его перевели учителем в городскую школу. Они уехали с Таней в станицу Цимлянскую, где Карп Захарьевич уже в городской школе продолжал учительствовать. Некоторое время мы переписывались, делились впечатлениями, сожалели, что не вместе.

На втором году у них родился сын Алеша, они с восторгом описывали какой он у них хороший и как они любят его. Они записали меня крестным отцом, но к сожалению я так и не видел своего крестного сына.

Хотя я был и молод для женитьбы, но сделал предложение Ксении и она согласилась, но родители ее отказали, под предлогом, что оба мы еще юны.

Скоро Ксения простудилась и заболела воспалением лагких. От этой болезни, получив какое то осложнение, она умерла.

Я думал до военной службы не жениться, но в те времена не мы женились, а нас женили. Мои родители, особенно моя матушка, настаивала на этом, она говорила: «я хочу довести дело до конца пока жива».

И я женился на девушке с хутора Сизова Анфисе Денисовие Брыкалиной.

Через год после женитьбы у нас 2-го января 1902 года родился первенец, мальчик Вася.

ДЕТСТВО МОЕ ПРОШЛОЕ, ХУТОР ЛОЗНОЙ, ГДЕ ВЫ ТЕПЕРЬ?

Казачьи усадьбы. Хутор Лозной.
Речка степная, весений разлив.
Яркий наряд созревающих нив.
Время досуга. Веселые свадьбы.
Песни сердечные, про казачий быт.
Игры кулачьи. Смех в хороводах.
Зимняя вьюга. Вечеринки до утра.
Проводы в полк. Рассказ о походах
Долгий о подвигах доблестных толк.
С неизъяснимою прелестью быта,
В сердце вы слились давно, навсегда!
Многое, многое будет забыто.
Край же родной никогда, никогда!
Дон мой милый, Дон родимый
Не забуду тебя никогда.

ГЛАВА III.

МАЙСКИЕ ЛАГЕРНЫЕ СБОРЫ.

Перед действительной военной службой, молодые казаки призывного возраста, зимой под руководством инструкторов, урядников и вахмистров, проходили ученье, все, что требовалось знать казаку в полку, как-то: изучали

винтовку, ее части, как владеть ею, как владеть шашкой. Молодых казаков научили военной выправке, дисциплине, отличию чинов, знакомству с военным уставом.

Весной, в мае месяце, эта призывная молодежь вызывалась в лагерь на месяц, на своих собственных лошадях, и там их муштровали, обучали верховой езде, строю и искусству владеть пикой и шашкой.

В конце майского лагерного сбора для проверки знаний молодых казаков назначался смотр. На эти смотры приезжал окружной атаман со своей свитой, станичные атаманы, родственники молодых казаков и вообще много народа с окрестных хуторов и станиц. На этом смотру производилась призовая стрельба и призовая джигитовка, на которой молодые казаки удивляли начальство и зрителей своим искусством.

На майских сборах в 1903 году, я получил первый приз за стрельбу — серебрянные часы «Павел Буре», которые привез с собой в Америку.

Участвовал также и в джигитовке, но приза не получил, так как их было только три, а отчаянных казаков, которые джигитовали лучше меня, было много.

Первым понесся Андрей Звездин, он разогнав своего коня и держась руками за переднюю луку седла, спрыгнул налево, сильным ударом ног оттолкнулся от земли и мгновенно перелетел через лошадь, а потом обратно, и затем стал мелькать над седлом быстро и легко. Публика из толпы зрителей кричала: смотрите! смотрите! Вот это джигит! Он получил первый приз.

Несся новый всадник. Внезапно ухватившись рукой за грудь, он безжизненно повис, тащась руками по земле у самых ног скачущей во весь дух лошади. Испуганные крики раздавались в толпе. Какая то женщина истерически завизжала — «остановите лошадь, раздавит она человека!» Но всадник на мгновение очутившись в седле, опять безжизненно повис с другой стороны лошади. Это был отчаянный джигит Александр Землянухин, получивший второй приз.

Через плац скачут три казака, один за другим. Средний из них, вскинув из за плеча ружье, прицеливается в первого всадника и тот камнем падает с лошади на землю. Третий казак на всем скаку останавливает свою лошадь и помогает «раненному» взобраться на ее шею. Лошадь вскакивает на ноги, казак на ходу взлетает в седло и увозит «раненного». — «Ловко!» — восхищается окружной атаман. Публика кричит «ура!» Этот казак Николай Карсаев по-

лучил третий приз, а два казака, участники этой операции, получили личную благодарность окружного атамана.

Кончилась призовая джигитовка. Тут же были розданы призы лично окружным атаманом.

Вахмистр Чикалов скомандовал нам: «садись по коням», затем — «марш в лагерь».

Майские сборы казаки проводили в специальном поле отведенном для этой цели и вдали от жилья. Весной это поле утопало в зелени и было усеяно душистыми полевыми цветами. И вот здесь стройными рядами были расположены наши палатки, где мы жили. Множество птиц с раннего утра и до поздней ночи забавляли нас своими песнями. Воздух чистый и приятный вносил в наши молодые души радость и веселье. Мы с песнями, веселые возвращались со смотра и джигитовки, были рады, что от окружного атамана и начальства получили благодарность. Но больше всего были рады тому, что завтра возвращаемся по своим домам, к своим родным.

Поставив своего золотистого боевого товарища-коня на коновязь, я направился к палаткам, а мне навстречу бегом спешит моя жена на руках неся моего дорогого первенца — Васю. А за ними, важно, не спеша, улыбаясь шел мой дорогой папа, в форме, при георгиевском кресте, герой турецкой войны — Арсений Нефедьевич. Он присутствовал на скачках и на смотру, как атаман, которым был бессменным многие годы.

На другой день утром мы были уже дома. Нас встречали: мама, братья и младшая сестра Гаша. Встречали как настоящего служивого. Распрашивали, как было там в лагере. Они говорили, что скучали по мне. Я им показал призовые часы полученные за отличную стрельбу и они все рассматривали их как какую то необыкновенную диковинку и восхищались их красотой. Они радовались моему отличию. Младшая моя сестра Гаша, больше всех гордая и довольная моим отличием, ожидала еще большего и обращаясь ко мне важно заявила: «А где же приз за джигитовку?»

Папа мой всегда умел во время выручить из неловкого положения другого и тут пришел ко мне на помощь. Обращаясь к Гаше он строго сказал: — «Ну что ты, Гашутка? Что бы ты хотела, чтобы твой брат, Васятка, забрал все призы, нужно оставить и другим». Этим он дал понять, что приза за джигитовку я не получил. И разговор на эту тему прекратился. В это время маленький Вася, мой сын, закричал, очевидно потеряв свою соску. Мой отец опять пошутил — «вот и он недоволен, что его отец не получил приза за джигитовку». Все рассмеялись.

* * *

После майского лагерного сбора в 1903 году, в январе месяце 1904 года меня проводили в 5-ый Донской казачий полк, который в то время стоял в городе Вилюне, Калишской губернии, неся охранную службу для защиты западных границ от внешнего врага.

В этом полку я прослужил почти четыре года.

ГЛАВА IV.

МОЙ ПЕРВЫЙ ОТПУСК ИЗ ПОЛКА.

В конце своей службы в 5-м Донском Казачьем полку я получил отпуск на родину. Полк в это время стоял в гор. Лодзи Петрок. губ., куда перешел, готовясь к отправке на Дальний Восток. Полк был уже готов к походу, но в это время был заключен мир с Японией и полк был оставлен в этом районе, тем более что в это время были волнения рабочих и сотни полка были разбросаны по всей губернии для усмирения.

Конец октября. Погода не холодная, но сырая. Шли дожди, как обыкновенно бывает в это время в Польше.

Несмотря на пасмурную погоду, у меня настроение было хорошее.

Мысленно я был на родине и это мне создавало радостное, бодрое состояние. Мне только хотелось скорей домой, к своим, на родину. Но самое главное, что там у меня остался маленький сын. Когда я уходил в полк, ему было всего около двух лет, а теперь ему около пяти, совсем большой. Конечно, он меня не узнает. А как он будет держать себя при встрече — меня это очень занимало. Вез я ему много подарков и сладостей.

Поезд со станции Лодзь на Киев отходил в 5 часов вечера. Когда я садился, шел сильный дождь. Услужливые носильщики помогли мне войти в вагон с несколькими чемоданами и хорошо устроиться. Вскоре я с мыслями о доме уснул.

Утром проснулся, когда поезд стоял на одной из станций. Проводник принес чай. Я уселся у окна, пил чай и наблюдал, как поезд быстро мчал меня на родину. Деревни, города и поля то и дело мелькали. На полях иногда виднелись поселяне-поляки, которые копошились, убирая картофельные поля.

Поезд был скорый и останавливался только на больших станциях, стоянки были короткие. Выходить на станцию было незачем, у меня был запас продуктов, а что не доставало, то проводник был к моим услугам. Да и погода не располагала выходить из вагона.

В 5 часов утра на другой день поезд прибыл в Киев. Станция большая, народа много, все куда то торопились. Дежурный по станции то и дело выкрикивал отход и приход поездов по разным направлениям.

На станции Киев у меня была пересадка. Проводник, с которым я ехал от Лодзя до Киева, посоветовал мне сесть на скорый поезд ном. 16 — Киев-Ростов. Этот поезд мне пришлось ожидать около восьми часов.

Мне так хотелось скорей домой, что эти восемь часов показались мне вечностью; но я решил использовать это время, чтобы посмотреть Киев — мать городов русских.

На станции Киев я случайно познакомился с одним военным, который тоже ехал в отпуск, в город Таганрог. Так как он служил близ Киева, много раз бывал в нем, то знал его очень хорошо. Мы вместе поехали осматривать город и его достопримечательности.

Когда мы вернулись на станцию, поезд уже стоял. Только успели занять свои плацкартные места, как дали третий звонок и поезд тронулся. Я поместился наверху, а мой спутник разместился внизу и таким образом мы были опять вместе и имели возможность продолжить нашу беседу и поделиться впечатлениями о славном городе Киеве. Нам было весело и мы не заметили, как поезд подошел к станции Таганрог. Мы дружески расстались и пообещали друг другу писать.

Последняя моя пересадка была в Ростове. В Ростове на поезд в Царицин я попал сразу и через короткое время был на станции Морозовская. Эта станция от нашего хутора находится в 40 верстах (Лозной, станицы Есауловская).

Рано утром поехал на почтовых. Станица к этому времени пробуждалась. Казаки или казачки выгоняли своих коров и другой скот на выгон за станицу. Пастух соединял этот скот в одно стадо. Он, помахивая палкой, гнал свое стадо на пастбище. Стадо овец, бывшее у кого то на ночлеге на скотном дворе, шло беспорядочной гурьбой впереди по нашей дороге, поднимая тучу пыли. Ямщик сдерживал лошадей и мы ехали тихо, так как он опасался, чтобы овцы не попали под ноги лошадей, или под колеса. Когда мы свернули на другую дорогу, где не было уже этой противной густой пыли, ямщик махнул кнутом и лошадки весело

побежали, мотая головами и пырская своими ноздрями, очевидно им не нравился запах овец и пыли.

Дорога широкая, хорошо накатанная и ровная как скатерть.

Была осень, начало ноября. Хлеба были убраны. Свежесложенные огромные скирды соломы и горы половы на гумнах показывали обилие урожая этого года. Скирды соломы были хорошо завершены и полова укрыта соломой. На гумнах был порядок.

Смотря вдаль, кое где были видны запряженные быками плуги, это некоторые запоздавшие казаки, заканчивали пахоту, подготовляя землю для весеннего сева по зяби.

Один плуг шел совсем близко от дороги. Я заметил, что этот плуг был с дугой и на цепях. Быки шли довольно свободно, скоро. Погоняла их красивая чернобровая молоденькая казачка, которая шла около быков, помахивая кнутом с длинным кнутовищем. Широкая, длинная и к концу съуженная палица плуга поднимала землю кольцом и красиво переворачивая ложила ее бурунами. Ряды бурунов пашни лоснились притертые железом. Когда девушка вывернула плуг, то палица его блестела на солнце, как зеркало.

Я поздоровался с казачкой, она улыбнулась и сказала: — «Служивый, на побывку едете?»

Я ответил: — «Да, моя милая красавица, еду на хутор Лозной».

Она махнула рукой и сказала: — «Добрый час, милый служивый».

Быки довольные минутной остановкой, пережевывали и смотрели в нашу сторону, как будто понимали наш разговор. Девушка мне незнакомая, но я был доволен и с удовольствием разговаривал с молодой, красивой станичницей.

Поля были серые, не было зелени, как это бывает весной. Птицы уже не пели, они улетели в теплые края. На гумнах по скирдам и по голому току прыгали, оставшиеся на зиму, грачи, вороны и сороки белобоки.

Несмотря на глубокую осень, серые, без зелени, поля имели для меня свою прелесть, ибо были для меня родные. По межам вырос высокий и уже застарелый чернобыл и мне хотелось сорвать, помять и вдохнуть его острый и знакомый с детства запах. Ведь я почти четыре года не видел своих родных привольных степей и плодородных полей и не дышал их воздухом.

Ямщик погонял лошадей, спеша вернуться обратно домой. А мне хотелось слезть и походить по родной земле и пощипать, хотя высохшую, но мне милую родную травку.

Я уже теперь не спешил, ибо ощущал и осязал свою родину.

Родные ожидали меня, но когда именно, в котором часу я буду, они не знали.

Когда подъехал мой тарантас, запряженный парой, наши услышали звон бубенцов и выбежали встречать меня.

Первая подошла ко мне моя матушка, она за руку вела мальчика лет пяти. Мама обняла мою шею, плакала от радости и долго долго не отрывалась, а мальчик держался за полу моего мундира и все время повторял: «папа, папа».

Когда мама освободила меня из объятий, я взял на руки своего милого и дорогого первенца Васю, он обнял меня коротенькими рученками и прильнул к моему лицу своими розовыми, мягкими, как бархат, щечками и целовал.

Тут же около меня стояла мама Васи, умиленно улыбаясь, а на пухлых, румянных ее щеках повисли капли слез. Мельком взглянул на эту молодую с голубыми глазами, чернобровую, полной жизни красавицу, прочел в ее глазах просьбу — «приласкай же и меня, ведь я больше трех лет была с тобой в разлуке». Но я все еще держал на своих руках своего пятилетнего сына и кланялся собравшемуся народу, пришедшему меня встретить. Моя дорогая и милая жена не выдержала и бросилась ко мне на шею и вместе с сыном целовала меня. Подошел и мой отец, тот самый георгиевский кавалер, который спас знамя полка во время войны с турками. Он обратился не ко мне, а к своему внуку, моему сыну, которого я держал на руках: «ну разреши же и мне обнять твоего героя отца, вот какой он у нас нарядный, весь в серебре».

Взял Васю от меня и передал матери, а сам прижал меня своими сильными руками и три раза поцеловал, направо и налево, по казачьи, и сказал:

— «Ну, слава Богу, дождались, долго ждали тебя, дорогой мой сын, и наконец то ты явился перед нами во всей красе и форме. Ты, Васятка, перещеголял чинами меня и своих братьев».

День был тихий, солнечный. Было тепло. Во дворе долго задержались.

Народ все приходил и всем хотелось приветствовать служивого. Ведь это все были наши близкие и дорогие хуторяне.

Мама с невестками незаметно ушла в дом — готовить и накрывать стол.

Через некоторое время моя дорогая матушка вышла на крыльцо и в руках у нее на подносе были хлеб и соль.

Папа поднялся к ней и тоже взялся рукой за поднос приветствуя меня хлебом и солью, приглашая гостей к столу.

Братья мои, Иван Арсеньевич и Яков Арсеньевич, взяли меня под руки и подвели к родителям. Я еще раз поцеловал маму, а когда проходил в горницу, она посыпала мою голову душистым хмелем. Это был обычай у некоторых казаков так приветствовать при встрече служивого.

В большой светлой горнице стояло в ряд несколько столов, заставленных разными явствами и напитками. Этими приготовлениями и сервировкой занимались мои милые и дорогие сестры и невестки, под руководством матушки.

Сестры — Даша, Улиточка и Гаша со своими мужьями и две невестки Анна Петровна и Ульяна Ивановна радостно приветствовали служивого и поочередно подходили и целовали своего младшего брата. Когда то они его нежили и ласкали. Их искренний восторг и радость отражались на их лицах. А дорогая мамуся все время наблюдала за этим и не отрывала своих глаз от меня. Она так долго ждала, когда вернется ее ненаглядный сын из далекой Польши. Она весело улыбалась, но по мягким, еще красивым щекам, катились слезы радости.

А затем мамаша и сестры рассаживали гостей и меня посадили на почетное место в передний угол, рядом со мной сидела жена, а с другой стороны мой сын, он все время прижимался ко мне и засматривал в глаза. А затем все другие гости размещались по старшинству и близости родства.

Дом был полон гостей. Пошли поздравления, распросы, а затем песни, и пир был горой до поздней ночи.

На другой день, в воскресенье, приехали новые гости посмотреть на служивого. Мой тесть Денис Осипович с тещей и с двумя сыновьями. А с хутора Нижне-Гнутова приехал мой крестный отец Сергей Орефьевич с супругой, в том же большом тарантасе, в котором он приезжал на мои крестины и привез священника о. Алексея с матушкой. Того священника, который меня крестил, уже не было в живых. Отец Алексей был моим законоучителем в приходской школе. С ним приехал учитель той же школы, Михаил Корнеевич Скобцов. Теперь он был старичек и уже в отставке. Отец Алексей и Михаил Корнеевич любили меня за мою скромность и хорошие успехи. Они помогли мне и заложили первые основы воспитания на всю мою жизнь. Мой крестный отец Сергей Арефьевич был в той же школе преподавателем гимнастики и военного дела. Всем этим воспитателям, равно как и моим родителям я весьма благодарен.

В отпуску время проводил чудно, все время в гостях со своими родными и дорогими.

Наступило время отъезда. Моя дорогая мамуся жаловалась, что у нее болит бок, это очевидно был гнойный аппендицит, и к моему отъезду она чувствовала себя совсем больной. Уже в доме я со всеми попрощался и, когда садился в тарантас, то услышал голос своей матери, которая стояла на крыльце дома и со слезами звала меня к себе. Я поднялся к ней на крыльцо и она, обливаясь горькими слезами, обняла меня и сказала: «дорогой мой сыночек, Васенька, я чувствую, что это мой последний поцелуй и я тебя больше не увижу», — она больная и взволнованная не могла стоять на ногах, и просила меня отвести ее в кровать и там в последний раз я обнял и поцеловал свою родную и дорогую маму, просил ее не волноваться и уверял, что она будет здорова и мы еще увидимся.

Тяжело было мне оставлять больную, дорогую мать, но что делать — служба, я уехал с тяжелым чувством горести, оставляя всех своих родных, но особенно мне было тяжело расставаться с больной матерью.

Маленький мой сын Вася также плакал, не хотел, чтобы его папа уезжал, но я его утешил, обещая, что скоро заберу его с матерью к себе на службу, в Польшу.

И действительно, через некоторое время я получил письмо, что моя дорогая мама умерла.

Много-много лет в чужбине
Не в родной я живу,
И от первых дней доныне
Образ в сердце я ношу.
Образ несказанно милый,
Материнский лик родной.

Получил я весть печальную
Моя мама умерла,
Но в глазах моих и ныне
Мама светится ласковым огнем,
Лик ее, как изваянье,
Я храню до гроба в душе своей.

* * *

Когда я вернулся из отпуска, то был переведен в 14-й Донской Казачий полк в город Бендин Петроковской губ.

В скором времени ко мне приехала жена с моим дорогим и милым сыном Васей. Там мы прожили до 1912 года, после я был переведен на службу в штаб 14-го армейского корпуса в город Люблин.

ГЛАВА V.

ИНСПЕКТОРСКИЙ СМОТР ПОЛКА. МОЙ ПЕРЕВОД НА СЛУЖБУ В КОРПУС.

В полку был очередной инспекторский смотр. Командир 14-го армейского корпуса генерал Брусилов, с чинами своего штаба, инспектировал полк по всем отраслям, как строевой, так и хозяйственной части.

Была суббота, инспектирование полка еще не закончено. Командир корпуса решил остаться до понедельника. Командир полка полковник Корнеев пригласил к обеду генерала Брусилова и начальника штаба. Другие чины были приглашены офицерами полка, а я позвал к себе адъютанта по хозяйственной части подъесаула Сивохина. Он был мой давнишний друг. Вдвоем за рюмкой водки, в воспоминаниях о детстве, мы незаметно засиделись до самого утра.

В полку я вел хозяйственную часть по делопроизводству. Сивохин выссказал восхищение хорошей постановкой делопроизводства в полку. Я на это сказал: «для того, чтобы иметь такой порядок, мне ежедневно приходится работать с утра и до 12-ти часов ночи, с перерывом только на обед».

Он был удивлен и сказал: — «а мы работаем с 10-ти часов утра до 2-х часов дня. А затем свободны, как птицы».

Он стал советовать мне бросить эту каторжную работу и серьезно стал предлагать перейти в корпус.

— «Да, кстати, добавил он, я имею задание подобрать работника на имеющуюся в штабе вакансию». Хлопнул меня по плечу и воскликнул:

— «Идея. Вот ты как раз и подойдешь нам. Хочешь? Соглашайся».

Я отказывался, мотивируя тем, что привык к полку и что мой уход может обидеть командира полка, да и возможно, что он не отпустит меня.

— «Вася, (мы называли друг друга по имени) ты говоришь вздор и не в свою пользу, ибо перемена службы даст тебе большие преимущества для будущего, но самое главное ты избавишься от этой тяжелой работы и будешь в штабе корпуса. Ты оцени это, Вася, и сравни свою работу с нашей, ну, да ты, надеюсь, понимаешь меня, и не думаю, чтобы ты упустил такую выгодную службу. Я беру на себя устроить тебя в штаб корпуса, только дай свое согласие».

Доводы моего приятеля были совершенно правильны, да и мне улыбалось с ним работать, ибо он был замечательный товарищ. Я дал согласие. Он обнял меня, поцеловал. Правда, беседа эта происходила под сильным хмельком.

Когда мы окончили этот разговор, часы пробили 4 утра. Спать нам почти не пришлось, так как в 8 часов утра в полковой церкви заблаговестили к службе.

Когда мы шли в церковь Сивохин меня предупредил, что постарается обо мне переговорить с начальником штаба и там все выяснится о моем переводе.

Церковное богослужение прошло очень торжественно. Хор пел очень хорошо. Певцы были офицеры, казаки и полковые дамы. Хором управлял подъесаул Демидов. Священник сказал прочувственную проповедь. Командир корпуса остался доволен и был в хорошем настроении. Выйдя из церкви, он здоровался с казаками учебной команды, которые были в строевом порядке и принял рапорт от начальника учебной команды есаула Караваева. Потом весело разговаривал с дамами полка и здоровался с офицерами.

В это время Сивохин разговаривал с начальником штаба, с ним был и командир полка. После разговора начальник штаба и подъесаул Сивохин подошли ко мне. Начальник штаба прямо заявил: — «ваш перевод состоялся, командир полка дал согласие», и добавил, «надеюсь, вам будет у нас хорошо и мы будем вами довольны», и указывая на Сивохина, улыбаясь сказал: «очень хвалит вас ваш коллега». Я поблагодарил начальника штаба и добавил, что постараюсь быть полезным. И мы разошлись.

Известие о моем переводе в штаб корпуса разнеслось быстро по полку.

В это воскресенье дамы и товарищи поздравляли меня с переводом. Но я как то не считал это за большое счастье и в разговорах высказывался, что неохотно оставляю полк. Гуляя по полковому двору со своими приятелями, мы встретили двух дам: Ольгу Ивановну, жену подъесаула Демидова, и Марию Ивановну, жену одного из офицеров полка. Они рассказали, что только что были у хироманта и расхваливали его.

Из разговора со мной они заметили, что я волнуюсь и нерешительно отношусь к своему переводу в штаб корпуса. Дамы не долго думая, предложили мне пойти к хироманту, а чтобы я не отказался, взяли меня под руки и направились в город.

Наш полковой городок разделялся с городом Бендином только полотном железной дороги. Через 10-15 минут мы были уже у хироманта. Сеанс стоил три рубля. Он сказал мне о прошлом и настоящем очень удачно, и подробно обрисовал будущее. Несмотря на то, что я не верю ни в какие гадания, его предсказания меня как то успокоили, и настолько понравились, что я попросил его записать все, что он мне сказал. Он охотно исполнил мою просьбу.

Когда я вышел от хироманта к сопровождавшим меня дамам, они наперебой засыпали меня вопросами: — «Ну, что? Ну, как?» Я поделился своими впечатлениями и они были довольны, что предсказания оказались для меня бла-

гоприятными. Мы вернулись в полковой городок и я расстался с любезными дамами.

Записочку хироманта я хранил многие годы и убеждался, что он меня не обманул. На днях я постарался отыскать эту записочку, которая за долгие годы настолько пришла в ветхость, что я едва мог ее перечесть. Там говорилось: — «вся жизнь ваша будет протекать удачно, будут многие препятствия, но вы их с честью обойдете и доживете до глубокой старости, но самый конец этой старости будет с тяжелыми переживаниями для вас, но не от врагов, а от своих близких».

Наступил день отъезда. День был знойный солнце немилосердно палило. Меня провожали — жена с детьми и некоторые близкие знакомые по полку. Мы стояли у железнодорожной будки, которая была против ворот полкового двора, где была минутная остановка поездов. Ожидая поезд со стороны Сосновицы, мы весело разговаривали, шутили и в это время, пыхтя, лениво, незаметно подошел ожидаемый поезд. Через минуту я раскланялся из окна вагона с провожающими меня. Поезд, ускоряя ход уходил вдаль, казармы моего родного полка быстро скрылись из глаз.

Долго сидел у открытого окна в думах, о новой предстоящей мне жизни, совсем непохожую на полковую. В полках я прослужил много лет, сроднился с полковой жизнью. А там, в штабе корпуса, меня ожидает неизвестное.

Утром на второй день поезд остановился на ст. Люблин. Меня встретил Жора — подъесаул Сивохин. Он был рад моему приезду и торжествовал свою победу, что его желание исполнилось и теперь мы будем служить вместе. Взяли извозчика и вскоре были у него на квартире.

В корпусе мне работа понравилась и я скоро вошел в курс дела. Я привык в полку работать много, и эта привычка сохранилась за мной на долгое время. На работу я в корпус приходил раньше всех, успевал и посидеть в Александровском саду, который находился рядом с нашим штабом, подышать его прекрасным воздухом, а затем, придя в штаб, просматривал первым долгом почту, касающуюся меня и других отделов.

Непосредственным моим начальником был старый, добрый генерал Копылов, скромный и очень добродушный человек. Он иногда, также любил заскочить в штаб раньше всех и почти всегда заставал меня там. И ему, очевидно, нравилось мое отношение к работе.

Генерал Копылов, разбирая утром почту, запросы из дивизий и полков, обращался иногда ко мне, как будто за советом, и тем проверял мои знания, как новичка. В пол-

ковых вопросах я легко разбирался, так как сам был оттуда и к тому же я успевал почту просмотреть и познакомиться с ней до прихода генерала, почему легко давал ответы на вопросы генерала, что и расположило его ко мне. Хорошее отношение непосредственного начальства убедило меня, что я останусь на этой службе.

С помощью приятеля и его знакомой Зои я нашел хорошую квартиру и прилично обставил ее.

Семья моя временно оставалась в городе Бендине в 14-м полку. Когда у меня было все готово, я воспользовался недельным отпуском и перевез свое семейство к себе в город Люблин.

Семья моя к тому времени состояла уже из шести человек: я, жена, и четыре сына: Вася — 10 лет, Коля — 4-х, Геня — 2 лет и Женя шести месяцев. Новым местом мы все были довольны. Вася поступил в местную гимназию. Жена увлеклась устройством на новом месте, работала по хозяйству и главное возилась со своими малышами. У нее было много работы, но она была молода, здорова и любила семью. Она говорила, что ей не тяжело, а по сравнению с Бендином она даже отдыхает. Днем к нам за небольшую плату приходила старушка, очень милая и добрая женщина, когда жена уходила в город, или возилась на кухне, смотрела за детьми. Дети ее очень любили, да и было за что.

Квартира была в центре города, недалеко от нашего управления и Александровского сада, где жена часто гуляла с детьми.

Жизнь в Люблине в то время была дешевая. С базара жена не могла унести всего, что набирала для стола и хозяйства; она нанимала извозчика и все это стоило не более одного рубля.

Вася учился хорошо, но пошаливал и скучал по полковой жизни; когда мы были в полку, он любил проводить время с казаками. Конюшни для полка были построены близко от нашей квартиры. Напротив конюшен была площадь и казаки, окончив свою работу по уходу за лошадьми, собирались там вечером с музыкой, песнями и танцами. Вася принимал участие в этих развлечениях: в казачьих песнях и плясках особенно поражал своей ловкостью и виртуозностью в плясках казачка и лезгинки.

Все казаки и офицеры полка знали и любили Васю.

Будучи в Люблине в гимназии он с другими учениками устроил шутку над старичком преподавателем истории. Этот педагог имел дурную привычку — во время урока потирать свой нос руками. Однажды ученики, из озорства, перед его уроком натерли кафедру нюхательным табаком.

Урок начался. Учитель по обыкновению положил руки сначала на кафедру, а затем схватился за нос и чем больше его тер, тем больше стал чихать, и так, что рассмешил весь класс. Преподаватель догадался, что ученики устроили над ним шутку и доложил директору. Выяснились имена шалунов и в их числе оказался наш сын — Вася. С трудом родители упросили директора, чтобы за эту провинность не исключили детей из гимназии.

Спустя некоторое время Вася опять доставил нам много волнений и тревог, которые тяжело отразились на здоровье матери и моем.

Дело было в 1912-1913 годах — во время Балканской войны.

Гимназисты, конечно, интересовались войной, прислушивались к разговорам родителей, и три мальчика, в том числе и Вася, решили отправиться на войну. Достали карту военных действий, чтобы знать куда им направляться, и убежали. Один из них, по каким то причинам, остался, а двое — Вася и Петя Цветков добрались до города Янова, где были задержаны полицией.

Я и мать Пети Цветкова наняли парный экипаж и помчались за своими детьми в город Янов, где и нашли своих «воинов». Вася, когда увидел меня, выбежал навстречу и со слезами просил меня: — «папочка, прости меня, я знаю, что заслужил наказание, но все равно, я хочу домой, и к маме и к братишкам. Я буду послушным и хорошим, я не буду больше огорчать вас».

Мать с нетерпением ожидала своего проказника сына, и, как после призналась, боялась, что я его сильно накажу.

При встрече она обнимала, целовала его и со слезами просила не наказывать; она уверяла, что он будет хорошим и послушным. Его братья тоже окружили «служивого» и, отталкивая друг друга, лезли целовать Васю. Они были рады ему, как настоящему военному, вернувшемуся с Балканского фронта.

Все обошлось хорошо, без всяких наказаний. Вася дал слово маме и мне исправиться, и действительно, он сдержал свое слово.

Вася был не по годам развит и по успехам в гимназии был первым учеником. Прекрасно рисовал, играл на пианино, и вообще был с большими способностями.

Вася много перенял из полковой жизни. Знал строй, ездил хорошо верхом, любил военное дело и мечтал быть офицером. Елки, спектакли без его участия не обходились. Он был нашей радостью во всех отношениях.

Когда была объявлена война в 1914 году, я свою семью отправил на хутор Сизов станицы Есауловской, где имел домик с хорошим садиком, в центре, около церкви. В этом хуторе жили родители жены и все ее родственники. Все свое основное жалование я перевел в Окружное Управление, для выдачи жене и этих денег ей вполне хватало на содержание семьи. Вася в это время поступил в реальное училище в Нижне-Чирской и во время каникул навещал меня на фронте, где я служил при штабе 8-ой армии. В реальном училище Вася находился до самой революции и когда началось Белое движение он был со мной вместе на Царицинском фронте.

ГЛАВА VI.

СКАЧКИ В ГОРОДЕ ЗАМОСТЬЕ. ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ ГЕРМАНИЕЙ в 1914 г. и ЕЕ КОНЕЦ.

В 1914 году я был в городе Замостье на скачках, которые были организованы первой Донской казачьей дивизией.

Скачки были за городом на обширной площадке. Собралось много народа, как военных, так и штатских из города Замостья и других окрестностей, чтобы посмотреть на это необыкновенное зрелище казачьего искусства.

Перед самыми скачками послышался звук трубы горниста, объявлявшего сбор господ офицеров. Когда все офицеры собрались около начальника дивизии, окружив его стройным кольцом, то последний зачитал телеграмму об объявлении войны Германией. После чего он отменил скачки и приказал всем явиться в свои соответствующие части.

Военные немедленно покинули место скачек и отправились по своим частям. Зрители разочарованные в том, что им не пришлось посмотреть на казачью удаль и ловкость расходились, обеспокоенные вестью о начавшейся войне.

От Замостья до Люблина примерно 65 верст. Эти города соединялись хорошей шоссейной дорогой, по которой ходили дилижансы для перевозки пассажиров, подобие современных автобусов, только на лошадях.

Поздно вечером я с Васей и Жорой добрались до города Люблина. Мой вестовой встретил меня с срочной повесткой — немедленно явиться в штаб корпуса.

* * *

С утра 15 июня закипела работа и до 20 июня корпус выступил в поход.

Я был оставлен на несколько дней для оформления сдачи городскому управлению ненужного в походе корпусного имущества. После сдачи я должен был нагонять корпус. Со мной были: мой вестовой, вахмистр Сухов, и три солдата 49 Рязанского полка. Части корпуса и штаб быстро подвигались вперед и нагнать штаб пришлось уже в Австрии.

На двух обывательских подводах, мы ехали по проселочной дороге и по сосновому лесу. Далеко в лесу я заметил группу австрийских солдат, которые были вооружены винтовками. Шли они по направлению к нам, но очевидно нас не замечали. Я приказал лошадей с подводами спрятать в глубокой котловине, окруженной соснами, а затем собрал всех своих людей и объяснил им в чем дело. Австрийских солдат было довольно много, но они о нашем присутствии не подозревали. При себе я имел карабин и револьвер, также и вахмистр Сухов, солдаты были вооружены винтовками. Спрятавшись в котловине, мы ожидали приближения к себе австрийцев. Сидели тихо и были готовы встретить противника залпом. Я предупредил свою команду, чтобы по моей команде, когда они подойдут к нам совсем близко, внезапно выскочить и обезоружить их.

Австрийцы шли гурьбой в беспорядке, шутили между собой смеялись. Винтовки у них были за плечами и до последнего момента они нас не замечали.

Когда подошли совсем близко, я скомандовал «пли» и мы с криком выбежали им навстречу. Австрийцы от неожиданности и перепугу побросали оружие. Мы оттеснили их от брошенного ими оружия, не давая им опомниться. Всего их было 20 солдат и они дрожали от испуга, видя направленные на них дула. В это время, по моему приказанию, наши извозчики (поляки), собирали брошенные австрийцами винтовки и укладывали их на свои подводы. Это быстрое, с нашей стороны, нападение ошеломило их, и таким образом, они оказались у нас в плену. Почти все пленные австрийцы говорили по польски и в разговоре с нами, они сознались, что даже искали пленения. Своих пленных мы тщательно обыскали и затем построили их и под охраной вахмистра Сухова и солдат направили их впереди наших подвод. Я и мой вестовой находились при подводах, зорко следя за каждым движением пленных. Через недолгое время мы дошли до комендантского поста, которому и сдали под расписку пленных и оружие.

Здесь я узнал, где наш штаб остановился на ночевку. Штаб каждый день перемещался и шел за частями, ибо части продвигались вперед очень быстро.

На другой день мы присоединились к штабу. Я доложил начальнику штаба о случившемся, и он остался очень доволен моими действиями и доложил командиру корпуса. В этот день за обедом присутствовал командир корпуса, который приказал мне подробно рассказать об этом случае. Я рассказал все, с подробностями, о нашей встрече с австрийцами и как они были взяты в плен. Командир корпуса спросил меня — взял ли я документ у коменданта о сдаче. Я показал ему расписку коменданта. Он взял ее и передал начальнику штаба, приказав представить меня к боевой награде, и поблагодарил меня за эту операцию.

В начале 1915 года я был переведен в штаб 8-й армии на должность начальника продовольственного отдела, где и пробыл до конца войны.

Штаб 8-й армии стоял долго в городе Черновицы-Буковина. Много было различных приятных и неприятных событий за это время. Про все не расскажешь и всего не опишешь.

* * *

В начале 1916 года я заболел воспалением легких и был помещен в городской лазарет, города Черновицы. В этом лазарете, почти полностью, врачебный персонал был австрийский, но, были, конечно, и наши врачи и сестры.

За мной в этом лазарете жертвенно ухаживала молоденькая и, довольно, хорошенькая сестра милосердия — Виктория. Она мне нравилась и за время болезни я к ней привык и доверялся ей во всем, как своей близкой и родной и эта привязанность потом перешла в любовь. Еще не вполне выздоровев я переехал на квартиру. Виктория и там продолжала навещать меня и также внимательно смотрела за мной и помогала мне.

Заходили ко мне и русские сестры того госпиталя, из которого я выписался и иногда заставали у меня Викторию. Вскоре в госпитале начались нежелательные для нас разговоры. Виктория предложила мне перейти к ней на квартиру. Квартира у нее была большая и хорошо обставленная. Хозяйством в доме занималась племянница Виктории — пятнадцатилетняя Маруся, очень миленькая девочка. В семье они говорили по румынски, в госпитале по немецки, но понимали и по русски, так как отец Виктории был русин.

Когда я перешел на квартиру к Виктории, то мы совсем сблизились и я сделал ей предложение. С первой моей женой, Анфисой Денисовной, у нас раньше уже был развод по ее заявлению.

Виктория мое предложение приняла с радостью, так как любила меня и моего предложения ожидала. Скоро мы повенчались. На торжестве присутствовало много офицеров и чиновников штаба. Родители Виктории на свадьбе не были, так как жили в 30-ти верстах от Черновицы в своем имении, в селе Буденец. Всю войну Виктория провела со мной и числилась сестрой милосердия при штабе.

Первое время армией командовал ген. Брусилов, и после него ген. Каледин, а затем уже при Керенском генерал Черемисов. Когда же к власти пришли большевики принял армию прапорщик Александрович.

С приходом к власти Керенского, армия потеряла дисциплину, а затем пришел зловещий Октябрь с большевицким переворотом.

К октябрю армия отступала по направлению к Киеву. Казачьи части, которые находились в 8-й армии и некоторые другие, большевицкой власти не признали и выделились в отдельную организованную часть армии со своим штабом.

ГЛАВА VII.

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ КАЗАЧЬИХ ЧАСТЕЙ, ОБЩЕЕ РАЗЛОЖЕНИЕ АРМИИ и КАТАСТРОФА РОССИИ.

Когда все казачьи части, которые входили в 8-ю армию, были отправлены на Дон — наш казачий штаб самоликвидировался.

Я со своей женой Викторией пробирался на Дон. В это время на железной дороге творился произвол и безобразие.

Везде на станциях рыскали большевицкие агенты, они вели коммунистическую пропаганду, возбуждали народ к грабежу, насилию и убийству. Со всеми теми, которые им препятствовали, или протестовали, они бесчеловечно расправлялись.

Трудно и опасно было пробираться по железной дороге. Поезда были переполнены демобилизованными солдатами, которые группами врывались к начальнику станции,

с требованием отправки, не считаясь с графиком движения поездов.

Были частые стычки одной группы с другой. Не подчиняющиеся им начальники станций и другие служащие жестоко ими избивались.

Я пробирался с женой в станицу Нижне-Чирскую и уже, будучи на станции Морозовской на Дону, в наш вагон вошла группа оборванцев, вооруженных до зубов. Они проходили по вагонам с целью «проверки» и меня задержали, как подозрительного. Тогда я только узнал, что станция Морозовская и Нижне-Чирская, куда я пробирался, были заняты большевиками. Когда они вели меня под своей строгой охраной, — их окликнул человек, который оказался моим знакомым по 5-му Донскому казачьему полку, вахмистр 5 сотни — Афанасий Донсков.

Он, как после я узнал, был председателем Морозовского окружного совета и как влиятельное лицо освободил меня от ареста.

Когда мы остались одни, он посоветовал мне остаться на некоторое время под его покровительством и между прочим добавил: «это для сохранения вашей жизни». Я не видел другого выхода и согласился до поры до времени. Когда мы вошли в вагон за женой, где она оставалась, то застали ее в отчаянном состоянии; она горько плакала, не зная, что делать без меня. Мы успокоили ее и Донсков заверил, что все будет в порядке и обещал временно приютить нас. Он помог нам вынести вещи и мы остались в Морозовской.

Донсков устроил нас на квартире у своих знакомых, в отдельном флигеле, недалеко от станции.

Когда мы шли со станции, то натолкнулись на ужасную, душу раздирающую сцену. Мимо нас пробежал с шашкой в руках молодой офицер в гимнастерке с погонами прапорщика. За ним гналась та самая вооруженная банда, которая задерживала меня. Очевидно, в вагоне эти «контролеры» обнаружили его и пытались забрать, но он сопротивлялся и, выскочив из вагона, бежал. Только что минул нас, как раздался выстрел и он раненный упал, обливаясь кровью. Разъяренные красные бандиты, приблизившись к нему, раненному, начали колоть его штыками, как дикого и опасного зверя. Но этот мальчик, как после я узнал, по фамилии Петров, был жителем Морозовской станицы и погиб по своей детской наивности, не желая расстаться с погонами офицера. Донсков свернул на другую улицу, чтобы

не проходить мимо умирающего несчастного прапорщика Петрова.

Я весь дрожал, готовый вмешаться. Донсков, заметив мое волнение, посоветовал быть спокойнее и благоразумнее, добавив, что в противном случае меня ожидает та же участь, что и этого несчастного. Кроме того, я могу подвести и его, так как он взял меня на поруки. После некоторого молчания Донсков, видя что я понял его и до некоторой степени успокоился, с глубоким вздохом сказал: «подобные сцены повторяются здесь каждый день и вы думаете, что я случайно здесь на станции? Нет, я почти каждый поезд встречаю и провожаю, при мне эти звери, которые называют себя чекистами, до некоторой степени воздерживаются творить самосуды. Тому пример с вами: если бы я не встретил вас, то и вас ожидала бы участь Петрова. Я стараюсь облегчить положение вашего брата, но нужно сказать, что мое положение — весьма незавидное. Я нахожусь между двух огней. Поймут ли в будущем белые мою роль и работу на благо облегчения несчастных людей, попадающих в руки этих изуверов — сомневаюсь, но что будет в будущем увидим, пока буду продолжать свою работу. Спас не одного офицера и в станице много семейств избавил от насилий и разграблений. Вот жалко Петрова, он ускользнул от моей защиты, мы с вами увидели, когда они его приканчивали штыками и мое вмешательство было бы бесцельным, а потому я предложил повернуть на другую улицу...»

И действительно, скоро я убедился в этих злодеяниях. Пьяная ватага, именуемая ЧЕКА, во главе которой стоял глупый, жестокий рабочий железнодорожного депо, Капустин, встречали каждый приходящий поезд, вылавливали «подозрительных лиц», и тут же на месте, без суда и следствия, расправлялись с ними. Этот безумный террор наводил страх и отчаяние на жителей станицы и окрестностей. Находились и такие люди, которые торжествовали и приветствовали эти силы разгула, ненависти и зла.

Свобода грабежа, жажда власти и безумного разврата стали путеводителями этих темных сил. Лучшие люди, офицеры, чиновники, духовенство и другие, именуемые «буржуями», избивались и убивались, женщины насиловались, имущество расхищалось. Конкурировал с ЧЕКА своей жестокостью местный начальник полиции Попов (кузнец). Всегда пьяный, он наслаждался избиением людей, которые у него находились при полиции под арестом. Он пьяный врывался к арестованным и без причины избивал их плетью, с которой никогда не расставался. Эта плеть была «необыкновенная», в которую, во всю ее длинну, был вплетен сви-

нец. Попов хвастался перед своими собутыльниками, что он своей плетью убьет человека с одного удара. Эти садисты действительно проделывали кошмарные жестокости: они связывали жертву, клали ее спиной вверх, после чего Попов бил своей плетью вдоль спины по позвочнику и человек в судорогах и мучениях кончался. От этого звероподобного человека много хороших людей погибло. В том числе погиб последний атаман Морозовской станицы Петр Сергеевич Гнутов вместе со своей женой и сыном учителем Александром Петровичем.

И все это творилось на глазах у тех, которые имели оружие, но потеряли казачий дух. Эти казаки фронтовики, убаюканные лживой пропагандой большевиков и измученные четырехлетней войной с Германией соглашались жить под девизом: «пролетарии всех стран соединяйтесь».

Эти казаки не слышали голоса своего атамана генерала Каледина, который призывал к защите родного края от большевиков. Многие из них притаились в гуще бушующего большевицкого разгула, и потом с горечью раскаивались, ожидая случая исправить, с оружием в руках, свою ошибку. Но к сожалению некоторые из этих фронтовиков казаков, под давлением большевицкой власти, принимали участие в рядах красной армии, сражались против своих отцов и детей, чем усилили большевицкую силу.

ГЛАВА VIII.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ПОЕЗД МОСКОВСКОМУ СОВЕТУ. МОЙ ПОБЕГ ИЗ МОРОЗОВСКОЙ в СТАНИЦУ НИЖНЕ-ЧИРСКУЮ.

Морозовский Революционный Окружной Совет зная, что Москва голодает и чтобы заслужить внимание перед московскими главковерхами, решил сформировать поезд из застрявших на железнодорожных станциях грузов с продовольствием, шедших по инерции для снабжения армии, которой в это время уже не существовало, и отправить в Москву, как подарок «от благодарного пролетариата». Это было в конце января 1918 года.

Афанасий Донсков часто заходил ко мне на квартиру, чтобы поделиться новостями. Он сообщил мне об этом поезде, и высказал опасение, что взялись сопровождать этот поезд люди совершенно к этой работе неподходящие, ко-

торые с этой задачей не справятся. В пути вагоны с продовольствием могут быть «опытными» железнодорожниками подменены и расхищены. Он предложил мне ехать в Москву с этим поездом, чтобы помочь им и в Москве оформить сдачу этого груза документами. Я в это время сидел в Морозовской без денег и сильно нуждался. Во время этого разговора у меня явилась мысль о возможности получить свои деньги из Московского Народного банка, где у меня хранилось около десяти тысяч рублей. Недолго думая я дал свое согласие.

В отправляемом поезде было несколько вагонов с замороженной птицей, а также много муки, крупы и другого продовольствия.

По дороге в Москву я обдумывал, как получить свои деньги из Народного банка. Заранее приготовил две пары гусей, хорошо упаковал их, и когда приехал в Москву, то с этим подарком явился на извозчике к директору банка. Представился ему сказав, что я приехал с Дона, сопровождая продовольственный поезд, как подарок Московскому Совету, а чтобы он был снисходительнее к моей просьбе, добавил, что это не последняя партия, ибо на Дону изобилие продуктов и обещал при следующей партии доставить ему все, что он закажет.

После этих сладких разговоров директор совсем просиял, но когда я объяснил ему, что у меня в Народном банке вложены деньги и попросил выдать их мне, то он замялся, ибо такую сумму в то время частному лицу выдавать не разрешалось. В этот момент я открыл свой сверток и предложил гусей директору. Директор посмотрел на этих жирных гусей, сладко улыбнулся и без дальнейших разговоров пригласил в свой кабинет начальника соответствующего отдела и договорился с ним. Деньги свои я получил незамедлительно — гуси помогли.

В Москве в эти дни в театре Зимина заседал Совет, на котором обсуждался вопрос об утверждении мирного Брестского договора с Германией.

Московский совет в благодарность сопровождающим за доставленное продовольствие, снабдил нас пропусками на указанное заседание. Я и один из проводников воспользовались предложенными билетами и в качестве зрителей побывали в театре Зимина. На этом собрании заседали: Сталин, Луначарский, Зиновьев, профессор Покровский и другие.

Театр Зимина был переполнен зрителями по особым пропускам.

Первым докладчиком выступил профессор Покровский. Он обрисовал невыгодность этого договора. Указал, что граница немцев будет проходить от Петрограда в тридцати верстах, т. е. на пушечный выстрел. Он говорил, что мы не можем быть спокойными при этих условиях и не должны согласиться подписать этот договор.

Выступали и другие ораторы. В заключении выступил Зиновьев, говорил с большим юмором и, соглашаясь во всем с профессором Покровским, заявил, что воевать с немцем мы сейчас не можем. Он дал пример: у нас много рабочих в Петрограде, которые записались добровольцами и они обещали во всякое время выступить с оружием в руках, но когда понадобился спешный набор, чтобы приостановить быстрое движение немцев, то мы с трудом набрали три тысячи «бойцов», которых обмундировали и вооружили. Увы, при первой встрече с немцами, эти добровольцы разбежались, бросив оружие. Нам нужно время, говорил Зиновьев, и теперь мы должны подписать этот договор, ибо другого выхода нет.

Было постановлено: — Брестский договор подписать.

На другой день газеты «Правда» и «Известия» поместили на своих страницах доклады членов заседания и постановление о подписании Брестского договора.

Не задерживаясь в Москве, я благополучно вернулся в Морозовскую и в тот же день пришел ко мне Афанасий Донсков за новостями. Я привез с собой московские газеты и мы разбирали их, я не стеснялся и говорил, что настроение у главковерхов не важное, что и сам он это мог видеть из газет.

Он мне сказал, что в Морозовской сегодня открывается Окружной Съезд казаков всего Морозовского Округа, и предложил мне доложить съезду новости из Москвы. Я ему заявил, что думаю, что эти новости для съезда будут не интересны, и не в пользу советов, а главное, что местные коммунисты могут мои сообщения понять по своему. Донсков продолжал настаивать и добавил, что там посоветуемся с председателем съезда товарищем Зеленским (директор Коммерческого училища в Морозовской, в здании которого и происходил съезд).

Откровенно говоря, мне очень хотелось поделиться этими новостями, но я сильно побаивался, так как не мог предвидеть исхода этого собрания, а потому просил Донскова быть настороже и, в случае нужды, защитить меня. Он обещал и добавил, что они мне доверяют.

Мы пришли к моменту открытия собрания, которое происходило в большом зале Коммерческого училища, ко-

торый был уже наполнен казачьими представителями от станиц и хуторов Морозовского округа и публикой по выданным пропускам. Донсков, как председатель окружного совета, занял место в президиуме, для которого было устроено возвышение — нечто вроде сцены.

Ожидать мне пришлось недолго. Зеленский открыл собрание и не спрашивая меня сразу же объявил, что сегодня приехал из Москвы товарищ Б. и сообщит новости из столицы.

Проводники продовольственного поезда еще не вернулись, они были в пути, почему, я кратко сообщил, что продовольственный поезд сдан московскому совету. Совет благодарит за этот богатый и своевременный подарок. Документы о сдаче и благодарственное письмо Московского совета находятся у старшего группы проводников, который по возвращении представит их по принадлежности. Было много вопросов, как с мест, так и президиума. Между прочим, я рассказал, что Московский совет, в знак благодарности, доставил мне и товарищу Петрову*) билеты в театр Зимина, где происходило заседание об утверждении Брестского договора, на котором нам удалось слышать «высоких комиссаров» и перечислил, кто были. Я уже собирался закончить свое сообщение, как из президиума и с мест послышались голоса, спрашивая, что вожди говорили относительно договора с немцами и что решили...

Я несколько замялся и сказал, что привез газеты — «Правду» и «Известия» и там сказано, что говорили о договоре и что решили. Газеты переданы мною председателю Окружного Совета товарищу Донскову, так что надо просить его обо всем доложить.

В это время публика с мест потребовала, чтобы я, как живой свидетель этого заседания, сам доложил обо всем виденном и слышанном. Донсков встал и в свою очередь обратился к президиуму с просьбой, чтобы доклад сделал я, а не он.

Я обо всем доложил, как было, но конечно с поправками так что из моего доклада получилось, что советам приходит конец.

Выступил один из представителей окружного съезда — урядник Селезнев и заявил: — «нам здесь делать нечего и никаких вопросов разрешать не следует, так как из доклада Б-ского видно, что скоро будет конец всей этой лавочке».

Председатель Зеленский пытался успокоить собрание, говоря что докладчик преувеличил, но публика заволнова-

*) Петров родной брат убитого чекистами прапорщика Петрова.

лась и, не слушая председателя, разошлась. В это время Донсков, воспользовавшись суматохой, подошел ко мне и шепнул, чтобы я шел за ним. Я догадался в чем дело и последовал за ним. Он вывел меня через черный ход, ибо знал, что на парадном меня ожидали, чтобы арестовать. Здание школы, из которой мы вышли, находилось в нескольких саженях от железной дороги, и он со мною пробежал к товарному поезду, который к моему счастью стоял на парах. Я вскочил в пустой вагон, Донсков захлопнул дверь вагона и, через несколько минут, поезд отошел по направлению станицы Нижне-Чирской.

Когда Донсков провожал меня, он дал мне коротенькое удостоверение с печатью и его подписью, что я якобы отпущен в отпуск и добавил, что это на всякий случай и может пригодиться.

Я просил Донскова зайти к моей жене и сообщить ей о создавшемся положении и в случае необходимости защитить ее и также передать ей, что я все время буду помнить о ней и искать пути для выезда ее ко мне.

Была ночь, товарный поезд шел медленно, но все таки к утру я был на ст. Чир. В товарном поезде ночью было темно и только к утру я заметил в углу прижавшегося человека, который был без пальто и от холода дрожал, как лист. Я приблизился к нему и мы разговорились. Этот молодой человек отрекомендовался мне сельским учителем и рассказал, как он попал в этот вагон. На хуторе Вишневом, где он учительствовал, в его школе было собрание и на этом собрании, выступая он сказал такое, что товарищам не понравилось и к нему стали придираться и грозить. После чего оставляя собрание впопыхах он не успел даже одеть пальто. Когда он вышел из школы, то заметил, что его преследуют два субъекта и решил спасаться от них на станцию, не возвращаясь на квартиру. Он вскочил в поезд, чтобы отправиться в Нижне-Чирскую, где живут его родители. Мы оказались друзьями по несчастью. Недоезжая станции Чир, когда поезд замедлил ход, мы спрыгнули и пошли в станицу Нижне-Чирскую.

В станице я имел знакомых, у которых на квартире жил мой сын Вася, которого я застал дома. Вася встретил меня с радостью. Он не знал, что ему делать. Реальное училище к этому времени было закрыто, ученики распущены по домам. Он пытался уехать к дедушке на хутор Лозной, который находится в 60 верстах от станицы Нижне-Чирской, но не мог, а идти пешком боялся, так как время было тревожное. С этих пор Вася находился со мной во все время борьбы белых с большевиками.

ГЛАВА IX.

КРАЖА ЖЕНЫ ВИКТОРИИ ОТ БОЛЬШЕВИКОВ. МЫ НА ХУТОРЕ ЛОЗНОМ. ВСТРЕЧА С ЕГОРУШКОЙ.

Будучи в станице Нижне-Чирской, меня все время беспокоила мысль о жене, оставшейся в Морозовской, после моего побега. Я стал обдумывать и вырабатывать план, как бы вывести ее оттуда, от большевиков, для чего выехал со станции Нижне-Чирской на хутор Нижне-Гнутов, где жила моя родная сестра Даша. Там договорился с ее мужем, Иваном Васильевичем Павловым. Я сообщил ему свой план действий и он согласился содействовать мне в этой опасной операции.

В выбранный нами день, Иван Васильевич запрег свою небольшую, но быструю кобылицу в рабочую арбочку, положил сзади боком бочку, с выбитым дном, где я спрятался. Арбочку наполнили сеном, прикрыв им бочку. Сверху сена положил грабли и вилы. Эта маскировка была для отвода большевицких глаз, чтобы думали, что он едет с работы.

Рано утром, когда все еще сладко спали, мы подъехали к дому, где жила в отдельном флигеле моя жена, оставленная мною после моего побега от большевиков. Я осторожно вылез из бочки и тихонько постучал в окно спальни и она впустила меня. Несмотря на радость встречи, время терять было нельзя. Наскоро уложили в корзину необходимые вещи и, стараясь быть незамеченными, вышли. Жена моя была одета в крестьянскую одежду, которой снабдила ее сестра моя Даша, на голову набросила большой казачий пуховый платок и села рядом с Иваном Васильевичем, а я поместился в бочку.

Когда мы отъехали от станицы и уже чувствовали себя в безопасности, я вылез из бочки, расправил свои мускулы и свободно вздохнул.

Было раннее утро. Вдали на горизонте за голыми полями поднималось яркое солнышко, обрамленное бледно пурпуровым сиянием, еще не потухшей зари. Солнце при восходе, как будто трепетало, отбрасывая во все стороны свои алмазные лучи. На душе было радостно, ибо опасность миновала и мы снова вместе с Викторией. Она прижималась ко мне, всматривалась в глаза, на ее щеках я заметил капли слез, но это были слезы радости. Обнимая меня она говорила: «мой спаситель, дорогой Вася, я плачу от радости

и благодарности. Ведь ты знаешь сколько я пережила, когда узнала о твоем побеге. Я не знала, что мне делать, ведь я одна и совершенно беспомощна в чужой стране, среди бунта и безвластия. Спасибо Донскову, он иногда приходил и меня успокаивал. Он говорил, что уверен, что ты не оставишь меня и выручишь. И вот, ты, мой дорогой, рискуя своей жизнью, совершил по истине рыцарский подвиг ради меня. Ты доказал свою любовь и преданность и это я буду помнить до самой могилы. Ведь понятно, если бы ты попался теперь этим варварам, они растерзали бы тебя, но слава Богу ты жив и мы вместе с тобой».

Иван Васильевич в это время распрягал лошадку и сам с собою разговаривал: «нужно подкормить лошадку... она, бедная, устала и голодная, ведь мы, ее не выпрягая, совершили далекий путь... шутка ли, верст пятьдесят».

Обращаясь к нам, он сказал: «да и нам пора подзакусить». При этом, достал маленький чемоданчик из под сиденья и предложил завтрак. Мы сели на зеленую травку, только что пробивавшуюся ранней весной и принялись усердно утолять голод жареной курицей, которую нам припасла в дорогу жена Ивана Васильевича. Наслаждаясь вкусным завтраком, мы весело шутили, вдыхая свежий воздух весеннего утра.

Наша лошадка тоже имела завтрак, она ела сено, но все время посматривала на нас. Виктория заметила это и спросила: «что она смотрит на нас? Как будто слушает, что мы говорим?» Зять засмеялся и сказал: «нет, она не интересуется нашим разговором, а просит глазами, чтобы я дал ей зерна». Он встал и навесил на ее голову торбу с зерном. Лошадка охотно принялась за еду и уже не обращала на нас никакого внимания.

После завтрака мы сидели молча. Каждый из нас мысленно обратился с благодарностью к Богу. Это минутное молчание первым прервал Иван Васильевич, он обратил наше внимание на небо: «смотрите уже и ястреба прилетели». Смотря вверх, мы увидели ястреба, который высоко, высоко стоял в небе, как бы повис, раскрыв свои крылья и зорко смотрел вниз. Жена спросила: «а что он так долго держится?» Я ей разъяснил: «он наметил свою добычу». Едва успел я сказать это, как ястреб, поджав крылья, камнем бросился на землю и схватил своими сильными лапами с острыми когтями большую ящерицу, поднялся с ней вверх и там принялся также завтракать.

К этому времени солнце уже высоко поднялось и согревало сырую землю. Земля подогреваемая солнечными лучами, парилась и это испарение стелилось по земле легким туманом.

Наш «кучер» запрягал свою лошадку, а мы с женой пошли вперед по дороге. Виктория рассказывала о своих переживаниях в Морозовской, говорила, что Донсков заходил к ней несколько раз и видимо дружески переживал наше положение. Он спрашивал не имею ли я сведений о тебе, и предупреждал, что если кто будет спрашивать, где муж, чтобы я говорила, что не знаю. Я ему сказала, что меня здесь никто не знает и я никуда не выхожу, боюсь всего и сижу дома, как самоарестованная.

Подвода нагнала нас, мы сели и поехали, удаляясь от большевиков. Колеса мерно шелестели по мягкой, еще непросохшей от таяния снега дорожке, а мы под этот шелест, утомленные бессонной ночью и всем пережитым, дремали.

Когда спускались в Юркину балку, лошадка не могла сдержаться и побежала быстро с крутизны вниз. Арбочка сильно затряслась, выехав на твердый грунт и разбудила нас от дремоты.

В самом низу подошвы балки блестел ручеек снеговой воды. Лошадка увидя воду, еще быстрее побежала, сразу остановилась у самой воды и от внезапного толчка мы с Викторией чуть не вылетели. Иван Васильевич весело рассмеялся и закричал: «держитесь».

Он отвязал поводья, кольца от дуги и лошадка стала пить чистую прозрачную воду.

Иван Васильевич набрал воды в маленькую баклажку и предложил нам напиться ключевой воды. Мы с удовольствием пили эту чистую прозрачную воду, утоляя жажду после вкусного завтрака.

В балках на откосах и солнцепеке зеленела уже довольно высокая травка и пестрели ранние цветочки. Из травы порхая, весело щебетали птички, а высоко на холмике стоял на задних ножках суслик и старательно свистел, как будто кого то звал.

Когда мы стали подниматься вверх из балки, было слышно, как блаженно изысканно выводил свои нежные переливы серый полевой дрозд.

Виктория прислушивалась к этому пению и заметила: «как хорошо в поле. С детства я жила в больших городах, а затем училась в Вене и Бухаресте и этого чудного поля не видела, но теперь оно мне особенно приятно, ибо нас отделяет от злых, обезумевших людей». Она просила Ивана Васильевича ехать медленнее, чтобы подольше наслаждаться этой чудной природой, данной Богом неблагодарному человеку.

Иван Васильевич пошутил: «виш, ты какая, тебе хорошо, ты с Васей, а я спешу домой к своей Даше, ведь она

теперь волнуется, не зная чем кончилось наше опасное предприятие». Мы все смеялись, забыв про большевиков и мое сидение в бочке и пережитые волнения. Моя милая сестра Даша действительно ожидала нас с нетерпением, беспокоилась за мужа и за меня и когда мы вернулись она призналась, что все время была в большой тревоге.

Заехав мимоходом на хутор Н. Гнутов, чтобы успокоить мою дорогую сестрицу Дашу, мы в тот же день поехали на хутор Лозной к моему отцу. Отец и два моих брата с невестками и своими детьми, моими племянниками и племянницами, встретили нас с неподдельным радушием

Вот это наши былые атаманы хуторов и станиц Дона

и искренней радостью. Дорогой моей матушки, увы, уже не было на свете. Невестки засуетились и ушли наверх накрывать стол в горнице. Когда все было готово, они позвали нас. Стол был хорошо сервирован и уставлен явствами, было вино собственного приготовления, с виноградника, когда то мною разведенного.

За столом собрались все близкие, кроме того пришел атаман хутора Григорий Михайлович, родной племянник

моего отца, по местному образованный и уважаемый казак хутора.

Первая чарка была выпита за Викторию, мою жену, ее приветствовали, как нового члена вступившего в семью Беляевских. Они все мои родные высказывали надежду, что их новая невестка, хотя и иностранка, поймет их и будет уважать обычаи и порядок ее новой семьи, которая со своей стороны с любовью будет к ней относиться. Виктория была тронута искренним родственным приемом и со слезами радости всех благодарила: «я думала, что только мой Вася хороший, но вот я убеждаюсь, что вы все своей добротой похожи на него».

Хутор наш находился в стороне от центра и не видел еще большевиков. Здесь уже чувствовались страх и предчувствие наступающих грозных событий. Того веселого настроения, какое бывало раньше, не было и это я заметил с первого же момента.

Когда мы сидели за столом, было заметно, что все присутствующие, как бы ждали от меня ответа на их наболевший вопрос, что же будет дальше в связи с событиями в России?

Отец мой старый воин, ему в то время было 75 лет, но он еще был крепкий и здоровый, встал, разгладил свою широкую окладистую бороду и, обращаясь ко мне, сказал:

— «Васятка, разве ты не видишь, что все присутствующие ждут от тебя сообщения, как будет реагировать Дон на захват нашего родного края большевиками? Неужели, мы — казаки, подчинимся лапотникам, этим, как их там называют, большевикам? Неужели мы без сопротивления отдадим все нажитое и заслуженное нашими предками? Скажи, мой сын, прямо, мы все ждем, ведь ты больше нас в курсе дела».

Я встал поклонился моему дорогому отцу и начал: — «как вам известно, я все время служил при штабе армии и в курсе всех происходивших событий. Я держал связь со всеми казачьими частями в армии и с первых дней большевицкого переворота, мы, казаки, быстро объединились и приняли меры, чтобы изолироваться от неказачьих частей, которые быстро разлагались. Мы постарались свои казачьи части свести по возможности ближе одна к другой и установили связь между частями. Была организована как бы особая армия со своим штабом, который регулировал снабжение и всем, что было нужно для наших частей. Во главе снабжения стоял я. Казаки остались дисциплинированными и оружие свое из рук не выпускали. Установлен был порядок военного времени и дисциплина.

Солдатская масса разложившейся армии бушевала и бесчинствовала. Сводила счеты со своими командирами и начальниками, срывала с офицеров погоны, наносила оскорбления и убивала.

Казаки остались верными дисциплине и защищали своих офицеров от солдатских штыков и насилий. Все казаки и офицеры сохранили присвоенную им форму. Ходили хорошо одетые при оружии и в погонах, что особенно раздражало солдатских бунтарей. Они скалили зубы, но ничего не могли сделать, ибо, как разложившаяся масса, они были для нас безопасны. Казаки, хотя по своему количеству были незначительны по сравнению с солдатской массой, но были сильны дисциплиной и организованностью. Поэтому эта солдатская банда старалась избегать столкновений с казаками. Казаки расправлялись с бунтарями по заслугам.

Но вот к сожалению после мобилизации, когда вернулись домой, то под влиянием пропаганды большевиков, некоторые пошли за ними. Это явление, я полагаю, временное и казаки фронтовики увидят и убедятся, что они ошиблись, пошли не по тому пути, на который их звал доблестный генерал Каледин.

Все здоровое казачество не должно мириться с большевицким захватом, мы должны бороться с этим злом. Мы должны защищать свое добро, свои семьи и нашу веру православную. Казаки должны сыграть роль освободителей не только своей казачьей родины, но и России. К этому мы должны приступить с твердой решимостью, верой и надеждой. Я теперь уже уверен, что все казачество достаточно убедилось в большевицкой лжи и в их преступности. Теперь уже настало время взяться за оружие и к этому есть основание».

Наши женщины стали убирать со стола, а мы: отец, атаман и два моих брата перешли в другую комнату. Отец закрыл дверь комнаты и опять обратился ко мне: «ну, уточни, как же это будет?»

Я пояснил, что в станице Нижне-Чирской и окрестных станицах казаки готовят восстание. По хуторам и станицам укрывается много офицеров, готовых принять участие в этом восстании. Оружие на первое время имеется, припрятанное казаками.

Такое же настроение у всех казаков нашего Дона, так говорить я также имею основание, ибо большевицкие хамы не учли силу сопротивления казачества. Вот пример: они, укрепившись только в Окружной станице Нижне-Чирской, стали бесчинствовать и распространять свою власть вглубь. Они организовали вооруженные отряды, которые были ра-

зосланы по станицам и хуторам. Эти отряды облагают население большими, непосильными, денежными и другими налогами. Мне известно, что некоторые станицы встречают эти отряды красных не только недружелюбно, но и обезоруживают их и арестовывают. Весть о бесчинствах и о сопротивлении им казаков, разносится по всему Дону.

Повторил, что такое настроение у всего казачества Дона, ибо большевики показали волчьи зубы, а казачество поняло их ложь и обман. Теперь нужна только искра и эта искра зажжет пожар, который охватит ярким пламенем весь Дон и тогда с помощью Божией будут изгнаны нечестивые большевицкие силы. Я здесь засиживаться не должен и обязан скорее ехать в Нижне-Чирскую станицу, ибо я там нужен.

После чего отец добавил: «Ну, сын мой, я благословляю тебя на это славное и необходимое дело — борьбы со злом. Начинайте с Богом это святое дело поскорей». Указав на моих братьев, сказал: «и они готовы к бою по первому зову, а если будет нужно и я возьму оружие, с турками воевал, буду биться и с лапотниками».

Атаман Григорий Михайлович, все время сидел и слушал и после благословения моего отца и готовности самому взяться за оружие, он сказал: «мне ясно, что действительно близко время, что мы должны взяться за оружие и я как атаман уже теперь готовлюсь к этой борьбе и уверен, что все люди способные носить оружие пойдут в бой против большевиков».

После этого разговора атаман Григорий Михайлович сказал, что его сын Егорушка, вчера ночью вернулся из Новочеркасска, где лежал в госпитале, после ранения. Пока еще никто не знает, что он дома и где он был. Егор имеет много новостей и посоветовал мне переговорить с ним.

Я хотел позвать Егорушку, но атаман Г. М. настоял, чтобы я сам пошел поговорить с ним наедине.

В доме атамана я застал Егорушку одного и долго с ним беседовал. Действительно, я узнал от него очень много нужного и важного.

Егорушка был в партизанском отряде есаула Чернецова и был ранен под ст. Глубокой 21-го января 1918 года. Его, как он говорил, подобрали в поле жители-казаки хутора В-го. Три дня он скрывался у них, они ухаживали за ним и лечили, как могли. После отвезли ночью в станицу Каменскую, где он получил врачебную помощь, а затем попал в Новочеркасск в госпиталь, откуда был отпущен домой.

Он сообщил также, что есаул Чернецов был ранен и взят в плен Голубовым, который командовал казаками под-

держивающими большевиков. В плен вместе с Чернецовым взяты и другие партизаны из его отряда. По распоряжению Голубова пленные отправлялись на хутор Астахов, где был штаб Голубова в сопровождении подхорунжего Подтелкова со взводом казаков-большевиков.

По дороге Подтелков зарубил пленного есаула Чернецова, а в это время конвойные между собою стали спорить и ссориться, чем пленные воспользовались и бежали.

При разговоре Егорушка волновался, и обращаясь ко мне сказал: «вот, дядя, (он звал меня дядей, так как я был по возрасту много старше его и по родству приходился дядей), подумать страшно и тяжело, ведь кто же зарубил Чернецова — казак казака, как обидно, что и казаки друг друга не понимают. Плохие настали времена, кругом какая то каша неразбериха». И с большим волнением и подъемом продолжал: «вот, дядя, всех этих ненормальных явлений среди казаков, наш атаман Каледин не перенес, и покончил жизнь самоубийством».

С ужасом и тяжелой скорбью я услышал эту печальную новость и она потрясла меня. После некоторого молчания, овладев собой, я переспросил Егорушку правда ли это? Он с тяжелым вздохом подтвердил: «да, дядя, к сожалению это так, хотя я сам бы не хотел верить этой для нас непоправимой утрате».

Я увидел у этого юного казака на глазах слезы, которые катились по его щекам. Я не выдержал и тоже плакал и со слезами говорил:

— «Да, мой дорогой Егорушка, если бы все понимали и рассуждали, как было бы хорошо, но к сожалению печально получилось, что казаки со своими же казаками начали воевать, поверив большевицкой пропаганде. А если бы казаки были едины, то никакого большевизма теперь не было бы, его в корне уничтожили бы. Ведь казаки вернулись с фронта организованными, со своими командирами и с оружием в руках. Кто мог бы противиться организованной единой казачьей силе? Конечно никто».

Долго и о многом мы с Егорушкой говорили. Когда я собирался уже уходить, он сказал мне: «дядя, что мне делать? Я не хочу оставаться здесь на хуторе, я хочу быть там, где бы мог отомстить большевикам за своего доблестного командира есаула Чернецова».

Я спросил его, как его рана? Он сказал, что чувствует себя совсем хорошо. Я сообщил ему, что на днях еду в станицу Нижне-Чирскую и Егорушка стал просить меня, чтобы я взял его с собой. Я дал ему свое согласие, если ему родители разрешат.

Вскоре я увиделся с отцом Егорушки и передал ему просьбу сына и он не только дал согласие, но и просил меня взять Егорушку с собой.

Через несколько дней я с Егорушкой выехал в станицу Нижне-Чирскую, оставив свою жену в доме отца. Виктория охотно осталась, так как она почувствовала родственное отношение к ней моих родных, и ей нравилась тишина маленького хутора вдали от большевиков.

В Нижне-Чирской, когда мы вошли в комнату, где жил мой сын Вася, он бросился ко мне на шею, обнимал и целовал. Он рассказал, что он переживал, думая, что я не вернусь. Вася боялся как бы я не попал в лапы большевиков. Он был очень рад, что приехал Егорушка и он будет с нами.

Эти два юных рыцаря все время борьбы с большевиками не выпускали винтовок из своих рук, но к сожалению оба погибли, защищая свой Дон милый и родной.

ГЛАВА X.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ, ПРИХОД БОЛЬШЕВИКОВ К ВЛАСТИ И ПЕРВОЕ НАЧАЛО БОРЬБЫ С БОЛЬШЕВИКАМИ НА ДОНУ ПРИ ГЕНЕРАЛЕ А. М. КАЛЕДИНЕ.

Когда совершилась февральская «бескровная» революция, генерал Алексей Максимович Каледин командовал 8-й армией, штаб которой стоял в городе Черновицах.

С приходом к власти февралистов, пришли и новые порядки, которые коснулись армии и нарушили в корне установленную стройную и необходимую военную дисциплину.

Военный министр, прапорщик запаса Гучков, заурядный болтун, адвокат Керенский и присные с ними, принялись наводить в стране и армии порядок, по Крылову: «Беда коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги точать пирожник» и пошла писать губерня.

Генерал Каледин переживал и томился, он ясно сознавал в этой начавшейся неразберихе разрушение армии, а затем и гибель России. Он как то будучи со своими близкими, переживая наступающую для России трагедию, сказал, что исполняются пророческие слова Достоевского и повторил их: «Дай им всем этим современным учителям полную

возможность разрушить старое общество и построить новое, то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, бесчеловечное, что все здание рухнет под проклятием человечества прежде чем будет завершено».

Да, вот мы современники воочию убедились, что Достоевский был прав задолго до революции, и ясно предвидел ее последствия. Он предсказал, что разрушение российского строя, коснется не только России, но и всего человечества. А ведь мы знаем, что великие державы помогали уничтожению России и падению монархического строя. А теперь что?

Генерал Каледин, по вызову, уехал в Москву на Московское совещание. На этом совещании он выступал от 12-ти казачьих войск. В своем выступлении он излил свои горечи и сказал, что при таком направлении временного правительства будет неминуемая гибель России. Он подчеркнул, что теперь, когда армия стоит на фронте, перед грозным противником — Германией, вносить новые порядки в армию, весьма и весьма несвоевременно, ибо этими новшествами ослабляется воинская дисциплина и падает ее мощь. Он указал путь спасения и настойчиво рекомендовал приостановить введение новых порядков в армии до окончания войны.

Аферистам, типа Керенского, эта речь и предложения полководца и русского патриота не понравились. Временное правительство объявило его мятежником и потребовало, чтобы он приехал на суд. Однако, в это время, Каледин был на Дону и Верховный Круг дал правительству Керенского ответ: — «с Дона выдачи нет».

Генерал Каледин надеялся, что на Московском совещании возможно будет исправить ошибки временного правительства, но убедился, что это невозможно. С полной очевидностью он сознал, что большинство членов правительства умышленно идут к разрушению российской государственности.

Когда генерал Каледин вернулся с совещания в армию, то там нашел полный хаос. В его отсутствие был прислан комиссар правительства, который вмешивался в дела командующего армией и нарушал распоряжения последнего. Начальник штаба армии ген. Романовский, в отсутствие ген. Каледина, сблизился с этим представителем и стал игнорировать своего непосредственного начальника, помогая разлагать армию.

Генерал Каледин возмутился поведением Романовского и как то сказал: «кривые души и гнилые сердца погубят армию и Россию, а людей крепких духом выдадут палачам.

Мой помощник (это касалось Романовского) и сотрудники меня не понимают. Надо ехать на Дон, там будет возможно работать».

Генерал Каледин сдал должность командующего армией генералу Черемисову, по болезни, и отбыл на Дон из города Черновицы. Но не болезнь, а интриги штаба и комиссара правительства вынудили этого крупного человека оставить армию. Дон радостно принял генерала Каледина и 17 мая 1917 года избрал его своим первым атаманом.

На фронте разложение армии принимало угрожающее положение, стали повторяться насилия над офицерами и даже убийства. Большевицкие агенты, проникая в армию вели убийственную пропаганду.

Наконец, в октябре 1917 года, большевики пришли к власти. К приходу к власти большевиков старая царская армия была разложена. Было приступлено к организации красной гвардии. В эту красную гвардию шли большевицки настроеные солдаты, отъявленные бандиты, чтобы в этом омуте свободно и безнаказанно заниматься грабежом и насилием.

Казачьи части 8-й армии не признали большевицкого переворота и выделились в самостоятельную единицу, введя строгий порядок и охрану своих частей и недопуская большевицкой пропаганды. Я в этой группе оставался начальником снабжения и продолжал эту службу до конца отправки казачьих частей на Дон и ликвидации нашего штаба.

Большевицкие агитаторы часто настаивали на том, чтобы их допустили поговорить с казаками, но им всегда отказывали.

Однажды группа большевиков под руководством ветеринарного врача Райха явилась в расположение нашего штаба и потребовала срочно созвать наибольшее количество назаков, которым они, по заданию армейского комитета, должны разъяснить о большевицком перевороте и о бесцельности сопротивления этой власти.

Все казачьи части были расположены поблизости друг от друга и связаны телефоном. Командующий казачьей группой срочно сделал распоряжение, чтобы из каждой отдельной части явилось в расположение штаба по одному взводу, при оружии, и чтобы эти казаки были при полной форме. Казаки прибыли под командой офицеров, все в погонах, при оружии и хорошо одетые.

Большевики много говорили, призывая казаков подчиниться большевицкой власти, и некоторые из них стали указывать на офицеров, называя их золотопогонниками, при-

зывая к непослушанию. Казаки, как бы по сигналу, окружили пропагандистов, отобрали у них оружие, а нескольких человек, допустивших оскорбление офицеров, разложили и в присутствии их «товарищей» выпороли.

Характерно, что на этот инцидент большевицкий штаб не реагировал и мы догадались, что пострадавшие агитаторы про свой позор не донесли по начальству.

В скорости в наш штаб, переодетый в штатскую одежду, приехал с Дона, с поручением от генерала Каледина, сотник Козловский. Каледин просил поспешить с отправкой казаков на Дон, в организованном порядке, и обязательно с оружием и лошадьми. После этого мы усиленно стали отправлять казачьи части на Дон.

Но большевики, в свою очередь, не дремали, они встречали наши части в пути их следования и пропагандировали их. Большевицкая пропаганда сильно повлияла на фронтовиков, уставших в четырехлетней войне с Германией. Даже некоторые офицеры пошли за большевиками о чем мы расскажем ниже.

Фронтовики прибывшие на Дон, вместо того, чтобы стать на защиту Донского правительства против наступавших большевиков, объявили нейтралитет, а некоторые даже присоединились к ним как-то Миронов, Голубев и др.

Генерал Каледин с нетерпением ожидал своих казаков, на которых возлагал надежды. Они ему были преданы и честно сражались против немцев, но теперь, — они своему атаману изменили.

Большевики наступали со всех сторон. В это время случилось несчастье: полковник Чернецов был убит. Чернецов был грозой для большевиков, он своим появлением нагонял на них страх и смятение.

Враг в это время подходил к Новочеркасску. В это тяжелое время, добровольцы под командованием генерала Корнилова и Алексеева, охранявшие районы Таганрога, Ростова и Батайска, уходили на Кубань, чем положение Дона до крайности ухудшилось.

29 января 1918 года, в 9 часов утра, атаман Каледин созвал последнее заседание правительства. На этом заседании председательствовал сам генерал Каледин, который обрисовал жуткую картину сложившегося на Дону положения. После некоторой паузы попросил слово С. Г. Елатонцев, который в своем небольшом, но бессмысленном и лживом слове сказал, что отчасти виной во всем является «одиозное» имя А. М. Каледина. Наступило гробовое молчание, настолько такое заявление было чудовищным и оскорбительным. Все присутствующие члены правительства были

поражены, таким бессмысленным заявлением. Чаша терпения и огорчений для генерала Каледина переполнилась и сердце его не выдержало. Он рыцарь без страха и упрека, выстрелом из револьвера покончил с жизнью.

Донской атаман
Генерал от кавалерии Алексей Максимович Каледин

У Иисуса Христа, из 12-ти учеников оказался один предатель — Іуда, продавший своего Господа за 30 сребреников. После предательства Іуда повесился на осине, но предатель Елатонцев не удавился. За гробом доблестного и честного атамана Донского Войска генерала Каледина он не пошел.

* * *

Партизан-герой, полковник Чернецов, стяжавший громкую славу и одним своим именем, вызывавший у большевиков панический ужас, погиб 22 января 1918 года близ

хутора Гусева от руки изменника подхорунжего Подтелкова, в окружении большевицки настроенным отрядом войскового старшины Голубова.

Первые сведения об этом были неопределенные и противоречивые. Обаяние этого донского героя было настолько сильно, что долгое время не хотели верить в его смерть. Хотели верить в его спасение, но рассказы очевидцев его гибели подтвердили. Смерть полковника Чернецова поколебала дух, как военного командования, так и всех защитников Дона.

Гибель степного богатыря являлась незаменимой потерей для того времени.

Были и другие партизанские отряды, как-то: войскового старшины Семелетова, прапорщика Назарова, есаула Лазарева, сотника Попова и других, но они после гибели Чернецова не могли сдержать натиска большевиков на Новочеркасск.

Горсточка верных долгу офицеров, горсточка учащейся молодежи, несколько казаков, неизменивших присяге, вот кто защищал Новочеркасск в то время и поддерживал порядок в городе. Плохо одетые, плохо вооруженные, без патронов, они стойко стояли, отбиваясь от навалившихся на них со всех сторон большевицких банд, но таяли не по дням, а по часам.

Большевики уже завладели Таганрогом, Батайском и станцией Каменской, где образовался военно-революционный комитет и где была штаб квартира Подтелкова. Особенно силен был напор красных со стороны Каменской, стремясь постепенно изолировать Новочеркасск и превратить его в осажденную крепость.

Без ропота донские партизаны напрягали последние силы, чтобы сдержать натиск противника.

Стальное кольцо вокруг города Новочеркасска постепенно съуживалось, особенно, когда Добровольческая армия ушла на Кубань. Обстановка становилась безвыходной.

Эта страшная дата 29 января 1918 года, тот день, когда генерал А. М. Каледин застрелился, останется навсегда в памяти казаков. Нахмурилась степь донская, заплакали черные тучи, холодный январьский ветер пел панихиду, а степной ковыль печально колыхал своими махровыми опушенными снегом головами. Атамана Каледина Алексея Максимовича не стало. Вечная память ему — величайшему русскому патриоту и любимому сыну донской земли.

Кровь страдальца атамана Каледина загорелась ярким пламенем, она проникла в глубину сердец казаков и очистила их затемненный большевицкой заразой разум. Казаки

старики с сыновьями и внуками взялись за оружие. Восстание разросталось и усиливалось. Казаки опомнились, взялись крепко за оружие и готовы были к смертельной схватке с большевиками.

Нужно признать, что главная причина неудачи противобольшевицкой борьбы, в период атаманства ген. Каледина заключалась в том, что обязательного приказа о мобилизации не было, а защита была организована на добровольных началах, путем организации партизанских отрядов. Между тем, время требовало поголовной мобилизации для защиты своего очага. Казак не привык к приглашениям и добровольным призывам, он искони привык к повиновению своим атаманам.

* * *

В Новочеркасске во дни Каледина собралось значительное число людей различной ценности. Среди них были люди достойные и убежденные, но в большинстве случайные, являющие собой ненужный балласт. Многие из них стремились примкнуть к власти и во что бы то ни стало доказать, что до тех пор спасение России невозможно, пока не будет образовано Российское Правительство, а портфели поделены между ними. Встречались фигуры известных политических деятелей, как-то: М. Родзянко, П. Струве, Б. Савинкова, П. Милюкова, князя Львова и др. Все они прибыли на Дон спасаясь от большевиков, под защиту казаков. И эти политики неоднократно пытавшиеся вмешаться в дела донского управления, и не думали о организации противобольшевицкой борьбы. Это были творцы «февраля», который разрушил устои Российского Государства и предал Императора и Августейшее Семейство на растерзание большевикам.

Города и станицы Дона, в особенности Новочеркасск, были переполнены шкурниками-беженцами из разных мест России. Улицы Новочеркасска были переполнены этими беженцами, которые о чем то шептались, некоторые открыто спорили и бранили Донское Правительство и военное командование, как виновников нависшего несчастья. Поднимала головы чернь и городские хулиганы. А на позициях, неся огромные потери в ежедневных боях, число защитников Дона непрерывно уменьшалось. Пополнений и помощи не было. Между тем, в городе трудно было пройти по тротуарам Московской улицы из-за огромного количества бесцельно гуляющей публики. На каждом шагу, среди этой пестрой толпы мелькали, то шинели мирного времени разных

частей и учреждений, то защитные полушубки, в перемешку с дамскими манто и белыми косынками, составляя в общем шумную, здоровую и сытую разношерстную массу. Это были праздные, элегантно одетые люди, их веселость и беспечность никак не вязались с тем, что происходило так близко на фронте, где в зловещем мраке ночи, беспомощно стонали раненные, где доблестно гибли еще нераспустившиеся юные молодые жизни, совершая чудеса храбрости и геройства. О гибели этих богатырей каждый день напоминал унылый погребальный звон колоколов величественного новочеркасского собора. Каждый день жуткая процессия тянулась от собора по улицам города к месту вечного упокоения.

Собор в Новочеркасске сооружен по обету атамана графа Платова в память победы над французами в 1812 г.

Эти патриоты, не жалея своей жизни, охотно шли на подвиг с одной мыслью: спасти гибнущую родину.

Жертвенно и красиво умирали юноши, а в то же время, в Новочеркасске бездельничало около шести тысяч офицеров, пришедших на Дон спасаться от большевиков. Молодежь: гимназисты, кадеты, реалисты защищали Россию и ее будущее счастье, а более зрелые трусливо прятались по углам, охраняли свою жизнь и готовились, если нужно, согнуть шею под большевицкое ярмо ради спасения своей жизни.

Тоже было и в Ростове. Недаром генерал Корнилов говорил: «сколько молодежи слоняется толпами по Садовой. Если бы хотя пятая часть ее поступила в армию, большевики перестали бы существовать».

Но к сожалению русский интеллигент, везде гонимый, всюду преследуемый и расстреливаемый большевиками, предпочитал служить материалом для их экспериментов нежели взяться за оружие и для защиты России. Позднее эти трусы были мобилизованы красными, или уничтожены, как негодный хлам.

ЮНЫЕ ДОНСКИЕ ПАРТИЗАНЫ—ПАТРИОТЫ

Но тогда не рыцарь в латах
На защиту стал идей,
Черни вверженных под ноги
С поруганьем и хулой...
Бросил школьные пороги
Молодежи мир простой,
Отложил наук скрижали
Дона юный реалист;
С ним к винтовке побежали
И студент и гимназист.
Стройно движутся отряды,
Где разбросан вражий стан...
Там, за гранью горизонта,
Брошен жребий роковой
О судьбе столицы Дона,
О судьбе земли родной.
Там за честь казачью бьются
Юные ее сыны,
Гимны храбрости поются,
Умирают без вины...
Нет, не счесть души усталой
Слез горючих матерей,
О погибших с честью славной,
О героях жарких битв...

ГЛАВА XI.

ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ СЫНА ВАСИ ИЗ НОВОРОССИЙСКА в ЕКАТЕРИНОДАР. НАШЕ ПРЕБЫВАНИЕ в РОСТОВЕ.

Бедствия при отступлении с Дона, Кубани к берегам Черного моря и катастрофическая погрузка на пароходы в Новороссийске описаны мною в книгах «Правда о генерале

Деникине» и «Кто виноват». В этих книгах указаны причины поражения Белого Движения, почему об этом не пишу здесь.

После возвращения сына из Новороссийска в Екатеринодар, непринятого на пароход, и моего выздоровления от тифа, когда мы вернулись в Ростов, то остановились в захолустной гостиннице на Темерницкой улице. В этой гостиннице кроме нас на втором этаже квартировало еще три человека.

Комната, которую мы с сыном занимали, была по коридору направо. В комнате стояли две железных кровати, два стула и небольшой столик. По корридору вглубь, прямо и по бокам, было три комнаты уютно обставленные: с зеркалами, столиками, креслами, диванами и коврами. Хозяином этих комнат был какой то «высокий» комиссар, как я после узнал, это был «товарищ» Пятаков. С виду грубоватый, невысокого роста, коренастый и здоровый, он старался показать себя джентльменом. Одет был во френч цвета хаки, в темно синих брюках на выпуск, с красными кантами, в щиблетах с резинами вместо шнурков. Щиблеты всегда блестели. Ходил он без головного убора. Волосы держал изящно причесанными и обильно смазанными брилиантином.

К нему часто приходили какие то люди. В субботу и в воскресение вечером собирались «гости» и оргии продолжались до утра. Слышны были веселые голоса женщин, смех и песни.

Одну из комнат, по корридору налево от нас, занимали муж с женой. Мы с ними долгое время не были знакомы, но они всегда кланялись нам, видимо хотели познакомиться, что и случилось. Однажды, при встрече в корридоре, этот господин остановился и подавая мне руку, представился, назвав себя Чесноковым. В это же время вышла из комнаты его жена. Чесноков познакомил нас, назвав ее — Эммой.

Чесноков потом часто заходил ко мне, и из разговоров с ним я почерпнул для себя многое полезное. Между прочим, он мне сообщил, что здесь в Ростове организован продовольственный комитет, люди нужны, и комитет набирает служащих. Ему, Чеснокову, предлагают работу в комитете, но он воздерживается, так как имеет литовский паспорт и стремится уехать отсюда. Сказал, что местные власти почему-то задерживают отъезд и это сильно его беспокоит.

Я как то спросил у Чеснокова: кто же в комитете ведет это сложное дело и он мне сказал, что многие из быв-

ших работников Донского Областного Продовольственного Отдела привлечены к работе и назвал нескольких агрономов. Из названных фамилий я узнал нескольких знакомых, а именно: Иванова, Гринчика и др. Гринчика он знал адрес и передал мне.

Жена Чеснокова—Эмма, была хорошенькой брюнеткой, с длинными волосами, черными, как смола и такими же черными предательски красивыми глазами. Лет ей было примерно двадцать пять. Живая и словоохотливая, она всегда весело улыбалась. Один раз, когда мужа не было дома, она поделилась со мной семейными разладами на почве желания мужа вернуться в Литву, а она не хочет.

Как то рано утром, ко мне в комнату постучалась Эмма. Я впустил эту очаровательную, молодую дамочку и увидел на глазах ее слезы, она волновалась и когда я ее спросил в чем дело, она совсем разрыдалась и сквозь слезы рассказала, что муж отсутствует вот уже трое суток. До сей поры она воздерживалась об этом говорить, полагая, что его задержали временно и он скоро вернется, но вот уже три дня, как его нет, и что делать она не знает. Она не знает бросил ли он ее, чтобы уехать в Литву, куда он все время стремился, или же он задержан ЧЕКА.

Эмма просила моего совета и спросила не сказать ли ей об этом Пятакову? Исчезновение действительно было загадочное, но я был уверен, что он задержан и навсегда ЧЕКА.

Я ей посоветовал еще подождать день или два, а затем сказать Пятакову и добавил, что так как он к ней неравнодушен, то возможно, что и предпримет что либо. Эмма сквозь слезы улыбнулась на мою шутку и, как видно, была довольна этим комплиментом.

У меня явилось подозрение, что этот комиссар постарался запрятать Чеснокова и в этом я не ошибся, как позже выяснилось. За Эммой усиленно стал ухаживать Пятаков, а Чесноков, как в воду канул. Эмма, через короткое время, стала хозяйкой всего этажа гостинницы.

После всего этого, стало очевидным, что мы, как живые свидетели этого флирта Пятакова и прекрасной Эммы, были в гостинице лишними. Оставаться там было опасно.

Имея адрес агронома Гринчака я постарался увидеть его, а затем побывал и на квартире у агронома А. Н. Иванова. Иванов был рад нашей встрече и мы с ним долго беседовали, вспоминали прошлое и сожалели о том, что наше Белое Движение окончилось трагически. После того, как я ему рассказал о своем положении, он мне посоветовал взять работу на периферии, подальше от центра. Он добавил, что как раз в это время организовываются по округам конто-

ры по прессовке сена. В данный момент еще не организованы сенопункты по первому Донскому Округу и в частности в станице Константиновской. Я подумал, что этот округ мне будет подходящим, так как я там буду новым человеком и меня там никто не знает. Алексей Николаевич советовал взять этот свободный пока округ, и продолжил: «в Константиновской организуете свою окружную контору, а затем разбросаете сенопрессовальные пункты по Дону и прилегающим железнодорожным станциям. Людей потребуется вам много». Он самодовольно улыбнулся и добавил: «я очень рад, что встретил вас, мне нужен был такой человек, которому я мог бы довериться, и признаться, я не находил подходящего и задерживал умышленно организацию заготовки сена в этом Округе». Иванов А. Н. предложил нам с Васей временно пробыть у него несколько дней, пока он оформит мой прием для этой работы.

Я очень был доволен, что оставил гостинницу и расстался с Пятаковым и очаровательной Эммой. Но самое главное был доволен результатом, что получил работу в Константиновской по прессовке сена.

С Алексеем Николаевичем Ивановым я был и раньше в прекрасных отношениях. Мы подходили друг другу и Иванов всей душой ненавидел большевиков, как и я. Мы договорились, что я буду сидеть в Окружной конторе, организуя сенопункты по всему Округу, а он в Ростове в продовольственном комитете, власть которого распространялась на весь Северный Кавказ, куда входили Донская и Кубанская области и другие губернии.

Алексей Николаевич с горечью мне поведал, что много скрывается наших людей и они находятся без всяких средств к жизни, почему некоторых из них он будет посылать ко мне на работу, чтобы я их устраивал по своим пунктам и таким образом мы спасем людей от преследования, голода и сохраним кадры на всякий случай. Мы были уверены, что борьба с коммунизмом еще не окончена.

При содействии А. Н. Иванова я был снабжен соответствующими документами и выехал со своим сыном Васей в станицу Константиновскую на Дону. Выданное мне удостоверение давало право принимать на работу служащих и рабочих по моему усмотрению.

Все шло хорошо. Заготовительные сенопрессовальные пункты были организованы по всему Округу. Работа шла успешно, а самое главное, что люди на этих пунктах работали свои.

О смерти А. Н. Иванова мною подробно описано в главе 8 моей книги «Вторая мировая война».

К этому времени большевицкая власть разворачивала свою деятельность, выполняя план уничтожения казачества. Отряды ЧЕКА вылавливали казаков, служивших в Белой армии. Кубань и Кавказские горные районы были переполнены казаками скрывавшимися от преследования.

Население Дона и Кубани и те люди, которые скрывались в горах и ущельях Северного Кавказа, с нетерпением ожидали из Крыма десанта, но к сожалению десант полковника Назарова высадился со стороны открытой и ничем не защищенной местности.

Полковник Назаров с небольшой группой офицеров и казаков внезапно высадился с моря и пошел через Мариуполь, минуя Таганрог, через станицу Верхне-Кундрюченскую и быстро занял окружную станицу Константиновскую. В это время там стоял для охраны батальон из мобилизованных татар. Назаровский отряд вступил в бой с татарским красным батальоном и полностью его уничтожил.

Полковник Назаров в Константиновской пополнил свой отряд людьми, оружием, патронами и другими военными припасами, которые ему в то время были необходимы. Но это пополнение было недостаточно, а других поступлений не было.

К отряду Назарова присоединился мой сын Вася, счетовод моей конторы Алеша Фрянсков и другие казаки из Константиновского сенопункта.

В это время я был по делам в городе Ростове на Дону.

Большевики не дремали, они хорошо понимали, что этот смелый рейд может быстро охватить пожаром восстания весь юг России. Они знали, что население узнало их настоящее лицо, а также, что многие военные притаились и ждут случая, чтобы взяться за оружие. Большевики это учли и приняли срочные меры, чтобы уничтожить этот рейд.

Из Мариуполя, Таганрога и других городов большевики бросили части, преследуя по пятам боевой, но малочисленный отряд полковника Назарова. Из Ростова в свою очередь были высланы военные части в Константиновский район, которые, не входя в Константиновскую, рассыпались в прибрежных хуторах по левую сторону Дона. Там они ожидали неминуемого отступления Назарова через Дон, так как с правой стороны Константиновская была окружена со всех сторон крупными, красными частями. Боевые припасы у отряда Назарова были израсходованы, а противник окружил со всех сторон Константиновскую. В связи с создавшимся положением отряд Назарова имел единственный путь

отступления, через Дон, на хутора левого берега, в которых засели красные. Назаровцы, конечно, об этом не знали.

Отважные назаровцы храбро сражались с многочисленной ордой красных, до последнего патрона.

Отряд полковника Назарова будучи прижат к Дону, единственному пути отступления, пустился вплавь на левую его сторону, желая укрыться в прибрежных казачьих хуторах, но там засели красные. Попав в ловушку герои назаровцы были все уничтожены и там погиб мой сын Вася.

Немногие спаслись и то только те, которые остались в Константиновской переодевшись в красноармейское обмундирование и раненные, укрывшись в госпиталях станицы. В их числе был и полковник Назаров, который после съумел сбежать обратно в Крым

Работники константиновского сенопрессовального пункта, которые остались в живых, вернулись на пункт и продолжали свою работу.

Некоторые из казаков, которые присоединились к Назарову по дороге из Мариуполя в Константиновскую, оставшиеся в Константиновской, также возвратились на свои места и спаслись от смерти. Однако, большевицкая ЧЕКА знала, что к отряду Назарова присоединялись казаки и, что некоторые из них остались в живых, систематически вела работу по их вылавливанию.

Когда полковник Назаров нагрянул со своим отрядом на станицу Константиновскую, я был в это время в городе Ростове.

В последнюю ночь перед приходом Назарова я видел сон, как будто Вася, мой сын, прибежал ко мне в Ростов и говорит: «папа, я едва спасся, попал к каким то бандитам, которые хотели меня убить, и я едва вырвался прибежал к тебе, спаси меня, смотри на мои ботинки», а сам в это время прижимался ко мне. В это время, во сне, он был совсем маленьким и каким то эфирно легким.

Этот страшный сон разбудил меня. После я долго не мог уснуть. Сердце мое предчувствовало какое то несчастье. Но все же под утро уснул и сон опять повторился.

Утром я встал разбитым и сильно волновался и боялся за сына, хотя про рейд Назарова я еще не знал. Утром, когда зашел в областную контору Продовольственного комитета, я там увидел почти всех работников из Константиновского продовольственного комитета во главе с комиссаром Пяткиным. Некоторые были при оружии в одних кальсонах и босиком, лица их были напуганы и они были похожи на помешанных.

После того, как я вернулся из Ростова в станицу Константиновскую, то от своих казаков узнал, что Вася, — мой сын, погиб, где и при каких обстоятельствах я не имел возможности выяснить.

Некоторые казаки также присоединялись к отряду Назарова и, когда отряд отступал из станицы через Дон, они видя бесполезность борьбы, вернулись по домам. Но те казаки, которые последовали за отрядом вплавь через Дон, были уничтожены еще в воде, очевидно так погиб и мой сын Вася.

Тяжело перенес я потерю своего дорогого и милого сына. Он родился в 1902 году 2-го января и ему теперь было бы 62 года. Но не суждено было ему жить, он погиб на заре юных лет, павши смертью храбрых, за честь и славу Дона.

МОИ ПЕРЕЖИВАНИЯ О МИЛОМ СЫНЕ.

Дон мой милый, Дон прозрачный тихий,
Ты в своих водах кристальных
Отражаешь блеск луны и звезд небесных,
Ты свидетель радостей и горя казачьего
Ты скажи, где сын мой Вася?
Ты скорей скажи не мучь!
Сын ушел, был день тревожный,
День назаровского прихода.
Он ушел с отрядом спасать
Славу предков и их честь.
Шашку взял с собой стальную,
Да готовность крест свой нести.
С тех пор чудится в тревоге
Образ милый часто мне:
То идет сын по дороге,
То гарцует на коне.
То мне кажется ночами,
Голос слабый слышу я,
И тревожными очами,
Он зовет меня:
— Подойди, мой папа милый,
Я изранен, тяжко мне...
Весь исколот я штыками
Страшных красных палачей,
Подойди ко мне, родной!
Спаси и облегчи мои страданья!
Слышу тихий шелест вод Дона
Погребальный скорбный стих;
Говорил, как после битвы
Здесь навеки сын затих.

ГЛАВА XII.

ДОНОС. ОБВИНЕНИЕ ПО СТ. 58-ой. АРЕСТ, МУКИ в ПОДВАЛАХ И ТЮРЬМАХ.

Не много прошло времени. Еще не улеглось тяжелое горе о потере моего дорогого сына, как обрушилось другое несчастье. Теперь уже непосредственно на меня.

Казак Сазонов с хутора Ведерникова, что близ Константиновской, во время Белого Движения служил вестовым у генерала Толкушкина.

Этот генерал командовал дивизией на царицинском фронте. В составе указанной дивизии находился и я. В пер-

вое время Суворовского восстания на Дону мне часто приходилось по делам службы встречаться с генералом Толкушкиным и Сазонов знал меня. После, когда я работал в станице Константиновской по прессовке сена Сазонов был у меня конюхом. Как после я узнал, Сазонов состоял агентом НКВД и по поручению этой организации следил за мной и другими моими работниками казаками. Все что говорилось про рейд Назарова он сообщал по начальству.

Хотя я был весьма осторожен и предупредил своих единомышленников казаков быть осторожными, но при помощи предателя-Иуды, с течением времени, НКВД смог расчитаться со мной и многими другими.

С появлением новой экономической политики в СССР, сенопрессовальные пункты, системы агронома Иванова, были ликвидированы. Я со своим семейством переехал в Ростов, продолжая работать по этой же отрасли, лично от себя заключая договоры с некоторыми заводами Донбаса. По своей деятельности я находился почти все время в разъездах. В страстную седмицу я приехал домой, чтобы дома, вместе со своим семейством, праздновать Светлое Христово Воскресение. Ночью на страстную пятницу я был арестован и посажен в подвал НКВД, на Садовой улице № 33. Там я встретил Святую Пасху.

В этом жутком, сыром подвале не было ни койки, ни стола, ни матраца и я лежал на полу на грязной и мокрой тряпке, которая служила одеялом моим предшественникам и мне осталась в наследство.

В субботу вечером, через маленькое окошко в дверях, я получил пищу состоявшую из маленького кусочка черного хлеба и миски с какой то жидкостью. Я был голоден, хотел есть эту похлебку, но один ее запах вызывал тошноту и я съел только кусочек хлеба, а вонючую жидкость вылил в парашу.

Подвал был приспособлен для одиночек-смертников. Когда то этот подвал был общим для всего дома выходящего на две улицы, а теперь перегорожен на мелкие клеточки-камеры, с высокими потолками напоминающими колодцы. Стены перегородок — кирпичные, не отштукатуренные, с гнездами пауков и других насекомых. Пол цементный и из под него выступала сырость, также и стены были сырые. Эти камеры разделял узкий корридор, хорошо освещенный, по которому ходили вооруженные часовые. Камеры имели освещение из корридора, через специальные маленькие окошки, под потолком с железными решетками. Корридор выходил на черный двор, который был огорожен высоким деревянным забором. На этом дворе стояло

несколько машин «Черных воронов», которые беспрестанно доставляли новых арестованных. [Ночью подвалы освобождались путем расстрела. Куда свозили и сваливали убитых — неизвестно. Ходили слухи, что в подвалах НКВД была устроена механическая дробилка, которая направляла остатки несчастных непосредственно в канализационные трубы. Была и другая версия, что в подвалах находилась печка, для сжигания трупов.

В этом подвале я просидел пасхальную неделю. Никто ко мне не приходил и никаких допросов не было. Очевидно коммунистам было не до меня, а что я в это время пережил знает только один Бог.

Брошенный в сырой темный подвал, без кровати и какой либо постели, можно представить те муки, безотрадную тоску, чувство безнадежности и бессилия, которые я пережил. К этому надо прибавить и страх за семью, на глазах которой меня арестовали.

Все это смешивалось в какой то хаос. Рассудок притуплялся, мысль не охватывала всего этого ужаса. Хотелось уснуть, забыться и отдохнуть хотя бы во сне от душевной и физической боли, но к сожалению это было невозможно. В подвалах было сыро, холодно, грязно и душно, так что невозможно было уснуть. Силы мои иссякали, тело тяжелело и становилось неподвижным. Я взял с пола грязную тряпку, которая служила постелью и одеялом, завернулся в нее и присел в уголок, стараясь согреться. Такое мучение продолжалось десять дней. Я измучился, отчаялся, прося Бога, чтобы скорей прекратились мои мучения. Но дни шли медленно, они казались годами, а это время казалось вечностью.

В моей камере наверху было небольшое окошко без стекла, но с толстой железной решеткой, оно было настолько маленькое, что проходящие по улице люди его не замечали. Под этим окошком я часто простаивал часами, вытягиваясь на носках, втягивая в себя свежий воздух с улицы и прислушивался к шагам людей проходивших мимо.

Семья моя знала, что я сижу в подвалах НКВД, под № 33, ибо этот номер был всем известен. Многие семьи безнадежно ожидали возвращения своих родных и близких из этого подвала, также и моя семья была в таком ожидании. Часто, то жена Виктория, то дети-сыновья, проходили по этой улице мимо дома, в котором помещалось это зловещее и страшное здание. Мой двенадцатилетний сын Геня однажды проходил мимо и я увидел его и крикнул: «Геня, я здесь сижу в этих подвалах». Он насторожился, узнал мой голос и стал время от времени повторять хождение

мимо окошка. Я поспешил на клочке бумажки написать: «Геня, пусть мама поставит в известность прокурора о моем аресте», и, когда Геня проходил мимо окошка, бросил записку ему под ноги. Геня схватил эту записку и перебежал на противоположную сторону улицы. Часовой, стоящий у парадного входа здания НКВД, заметил, что мальчик поднял брошенный ему клочек бумаги и стал преследовать его, но Геня как вихрь, не обращая внимания на крики и угрозы, скрылся за углом улицы.

Геня прибежал домой, запыхавшись от скорого бега и волнения, и показал эту полученную от меня записочку. Жена моя и дети: Коля и Женя, все окружили Геню и расспрашивали, как он мог получить эту дорогую для них весточку. Геня все подробно рассказал, как он, не видя папу, получил от него записку. Все были рады, что папа жив и, что он, Геня, слышал его голос.

Моя жена, Виктория Филипповна, записку немедленно, через свою знакомую (жену прокурора) передала прокурору Савельеву. И вот эта записочка спасла мою жизнь...

Прокурор Савельев, чтобы затянуть мое дело с расстрелом, настоял о передаче меня царицинским властям, для доследования, по месту моего преступления. На самом же деле, это был его прием, чтобы спасти меня от расстрела.

Савельев распорядился перевести меня в местную ростовскую тюрьму, для направления меня этапным порядком в город Царицин.

* * *

Во вторник, после Красной Горки, утром с шумом и вязгом замка открылась дверь моей камеры. В корридоре стоял какой то начальник НКВД, который отшатнулся, скривив рожу, так как хлынувший спертый воздух из моей камеры ему не понравился. Он грубо крикнул: «выходи», но ноги мои не двигались, и я ухватился за стены, пытаясь выйти, но не смог. Тогда два красноармейца, находившиеся с начальником, по его знаку, вывели меня из камеры и втолкнули в «Черный ворон». Захлопнулась дверь и машина покатила. У меня мелькнула мысль, что повезли расстреливать и я уже не имел страха, ибо моему терпению был предел.

На кого я мог надеяться в те страшные минуты, когда сидел в машине — только на одного Бога. Горячо и со слезами молился Господу Богу, прислонившись к железным стенкам машины. Я взывал, прося Бога взять меня под свою защиту, чтобы перенести это испытание.

Машина остановилась, дверь с визгом скрипнула и открылась.

Был май, солнце светило весело и нежно, воздух благоухал. Свежий воздух обнял меня и лучи солнца дали мне силу. Я почувствовал около себя близость Бога и был готов принять дальнейшие испытания.

Вера в Бога дала мне силу и луч надежды зародился и мне хотелось снова жить.

Оказалось, что я из подвалов НКВД доставлен в Ростовскую тюрьму, что на Багатяевской улице.

Там меня посадили также в одиночную камеру, но на втором этаже. Камера просторная, по сравнению с камерой в подвалах НКВД, была сухая и светлая. Там стояла железная, с соломенным матрасом, кровать, была подушка туго набитая соломой и шерстяное одеяло, правда с дырками, но сухое.

Как только захлопнулась дверь моей камеры, я упав на кровать, скоро и сладко заснул крепким сном. Часа в три дня примерно, через дверное окошко, меня разбудил тюремный надзиратель криком, чтобы я получал обед. Обед состоял из супа со шрапнелью (ячменная крупа) и каша из той же крупы и без какого либо жира. Обед этот я съел с большим аппетитом, так как был очень голоден. После я опять уснул и спал мертвым сном до самого вечера. Вечером получил чай, кусочек сахару и еще осьмушку черного хлеба.

* * *

Будучи в станице Константиновской, когда заведывал окружной конторой по прессовке сена, я был знаком с окружным прокурором С. М. Савельевым. Мы с ним жили в одном доме, почему часто встречались. В этом доме кроме наших двух семей больше никого не было и он, в свободное время, любил играть в шашки. Партнеров не было других, кроме меня, и очевидно он и не искал их. Я узнал, что он казак станицы Усть-Медведицкой, до революции служил чиновником в окружном суде. Человек был не плохой, скромный и трезвый. Жена его совершенно чуждалась большевицкого общества, была религиозная и читала евангелие. Она дружила с моей женой и доверялась ей во многом. Несмотря на то, что ее муж занимал большой пост, она ненавидела большевиков, ей нравилось бывать у нас, где она себя чувствовала хорошо.

В свое время, Савельев был переведен на службу в город Ростов на Дону, на должность районного прокурора.

По своей должности он часто посещал тюрьму Багатяевского района.

Через неделю, во время очередного посещения тюрьмы, прокурор Савельев зашел в мою камеру и сказал мне, что я обвиняюсь по ст. 58-ой в контр-революции за службу в дивизии генерала Толкушкина, где я, якобы, принимал участие в расстрелах советских комиссаров и партийных работников, и в содействии отряду полковника Назарова. Это обвинение грозит мне высшей мерой наказания — расстрелом, но так как оно было совершено в районе Царицина, то в силу этого я буду отправлен в царицинскую тюрьму для доследования. Он тихо добавил к этому, что этот перевод мой сделал он, чтобы спасти меня от немедленного расстрела и затем дал совет, что когда в Царицине меня будет допрашивать следователь, чтобы я отрицал все и признания во что бы то ни стало не подписывал. Дал совет во что бы то ни стало затягивать дело, чтобы выиграть время. Пожелал мне успеха в защите, где поставлена на карту моя жизнь и ушел. Перед уходом я попросил Савельева передать привет моему семейству и поддержать его, хотя бы добрым словом. Он обещал это сделать через свою жену, которая всецело нам сочувствует.

Посещение прокурора, как будто облегчило мое душевное состояние и я получил искру надежды на спасение. Ждал скорейшей отправки по этапу в Царицин.

Это происходило во время новой экономической политики, когда были допущены послабления, но без содействия прокурора Савельева я наверное бы погиб.

На следующий день я был уже в арестантском вагоне и отправлен в новочеркасскую тюрьму.

Моя жена, узнав от своей подруги, что я отправлен в новочеркасскую тюрьму, откуда через неделю буду отправлен в Царицин, постаралась получить со мной свидание через тюремную администрацию.

Свидание происходило в тюрьме через две высокие железные сетки, а между сетками с винтовкой на перевес ходил взад и вперед часовой. Жена держала на руках нашу дочку Танюшу. Танюша хотела передать мне цветы, через отверстие в решетке, но часовой-энкаведист вырвал их из рук малютки. Танюша заплакала, жена тоже. Я сдерживал себя и старался быть веселым и через решетку успокаивал свою милую дочку. Она бедная и не знала, что ожидает ее папу и в каком он положении находится. Энкаведист убедившись, что в цветах нет никакой контр-революции бросил мне этот букет и я его поймал налету. Таня, очевидно, приняла этот фокус часового за шутку и рассмеялась, вы-

тирая ручонками со своих пухленьких щечек обильно катившиеся слезы. Жена передала часовому корзинку с продуктами и бельем и он ее передал мне после, уже в камере.

Через неделю, в арестантском вагоне я был доставлен в царицинскую тюрьму, где был помещен в такой же примерно подвал, как в ростовском НКВД, с той лишь разницей, что здесь была кровать с голыми досками и обилием клопов. Крысы не стесняясь бегали по моей кровати день и ночь. Обед я получил на другой день и он состоял из полфунта черного хлеба, щей с квашеной капустой и капустными червяками, обильно плававшими в миске вместо жиров, и две-три ложки каши. Это на весь день — предупредил надзиратель.

В подвал я был брошен потому, что как после узнал, арестанты с такой статьей долго не задерживаются и их немедленно пускают в расход, т. е. расстреливают.

На третий день пришел следователь тов. Кравцов, который вызвал меня в следовательскую комнату и прочитал мне обвинительный акт, предложив правильность обвинения подтвердить подписью. Я от подписи категорически отказался, заявив, что обвинение несоответствует действительности и добавил, что это гнусная ложь и выдумка. На самом деле это была ложь, ибо по своей должности в дивизии, я этого делать не мог. Кравцов был удивлен столь категорическим отказом от подписи. Смелость моего заявления его озадачила. Он минуту подумал и предложил дать письменное объяснение со ссылками на свидетелей.

Я попросил дать время и возможность, чтобы сосредоточиться. При этом я сказал ему, что моя камера темная, не имеет стола и там нет возможности выполнить его поручение.

Кравцов морщился, нервничал и видимо, был недоволен моей смелостью.

Время было послеобеденное и ему очевидно хотелось кушать. Вид у него был усталый. Некоторое время он сидел за столом молча, а потом вызвал надзирателя, который все время находился по близости и спросил у него есть ли в этаже свободная камера. Надзиратель ответил утвердительно и Кравцов предложил ему перевести меня туда. А мне дал два листа чистой бумаги и чернильный карандаш. Я возразил, что бумаги мало и просил дать мне еще десять листов. Следователь улыбнулся, дал мне еще бумаги и ушел.

Надзиратель отвел меня в свободную камеру, все время ехидно улыбаясь. Очевидно он не понимал, почему мне такому большому «преступнику» оказана такая милость.

Разговора моего со следователем он не слышал и был озадачен оказанным мне снисхождением.

Комната наверху, на втором этаже была светлая. Окна выходили на простор и был виден весь город. Мимо тюрьмы проходили поезда железной дороги, по которой я был доставлен в эту «чудную обитель».

По какой то счастливой случайности в этой комнате я остался все время своего пребывания в тюрьме.

Дней десять меня в тюрьме никто не беспокоил. Первое время в этой камере помещался я один, хотя там стояло две койки, на одной из которых лежали какие то мешки, а с чем они были я не интересовался. Между кроватями у окна был столик.

Пища была относительно хорошей. Койка с соломенным матрасом и такой же подушкой. Одеяло военного образца, желтое и сильно вытертое мало грело, но дело происходило в мае и было тепло.

Когда снова пришел следователь Кравцов и как и первый раз вызвал меня в следовательскую комнату, я ему вручил свои объяснения на восьми листах. Он не читая, перелистал их, улыбнулся и положил в свой объемистый портфель. Затем объявил: «будем доследовать» и ушел.

ГЛАВА XIII.

ГОД В ТЮРЬМЕ.

В царицинской тюрьме я просидел около двенадцати месяцев. Всего же с пересылкой из тюрьмы в тюрьму больше года.

Сознавая прекрасно, что в глазах советской власти я был большим преступником, я подчинялся всем тюремным правилам и дисциплине без ропота. Придерживался пословицы: «лбом стены не прошибешь», а потому и завоевал снисходительное отношение к себе тюремного начальства и стражи. Все это было мне крайне необходимо в целях благоприятного исхода моего дела.

В тюрьме я скоро встретил сочувствующих мне. Один из надзирателей согласился передавать моей жене письма и от нее мне. Я рискнул довериться ему и у меня с женой завязалась переписка. Для того, чтобы пополнить свои показания сладователю, жена, по моей просьбе и моим указаниям, доставала нужный для меня материал и адреса сви-

детелей, на которых я мог бы сослаться в своем показании. Некоторых лиц жена ездила и предупреждала о том, что их могут допросить по моему делу и, чтобы они были в курсе дела и готовы к ответу. Все это, впоследствии, когда прокуратура суммировала мое дело, мне очень помогло.

Но все таки мое дело было очень сложным и следствие затянулось почти на год. НКВД и прокуратура с преступниками, обвиняемыми по статье 58-ой, расчитывались быстро. После опроса обвиняемого и подтверждения обвинения им своей подписью, его, без долгой проволоки, расстреливали. Я тоже, если бы подписал предъявленное мне следователем Кравцовым обвинение, был бы немедленно расстрелен. Савельев рисковал, выступая в мою защиту и подвергал себя опасности, но, все же, помог мне избавиться от расстрела.

После, когда я был на свободе, моя жена продолжала дружить с Савельевой и когда однажды изливала ей свои чувства благодарности за оказанную мне помощь, то Савельева обмолвилась, что ее муж также ненавидит эту окаянную систему, он знает, что рано или поздно за свое сочувствие казакам, попадет в немилость НКВД. Несмотря на это, он продолжает помогать, когда может, людям в несчастьи.

Моя жена часто посещала Царицин и каждый раз заходила в прокуратуру, передавая дополнительные бумаги и настаивала на скорейшем окончании следствия. Ей обещали, что скоро оно будет закончено. В предпоследний свой приезд в Царицин жена получила разрешение на прием к прокурору и просила его об освобождении меня из под стражи. Прокурор посовещался со следователем, который вел мое дело, и объявил ей, что я буду освобожден через две недели, после окончания формальностей по делу. Жена неожиданно для прокурора расплакалась и сказала, что имеет сомнения, ибо много раз обещали освободить, но не выпускали. Прокурор дал слово, как он выразился — «пролетарского прокурора», что на этот раз так будет точно.

Жена поблагодарила его и уехала в Ростов, а мне передала письмо через нашего приятеля тюремного надзирателя. Из этого письма я узнал, что скоро буду освобожден. Прошло три недели, а меня не освободили. Жена телеграфировала прокурору: «прошло не две, а три недели, а мужа нет, где слово пролетарского прокурора? Выезжаю, Б-ая».

Жена приехала в Царицин и явилась к заместителю прокурора т. Иванову, от которого получила справку на мое имя, что я освобожден по недоказанности преступления. Передавая справку Иванов, в виде шутки, сказал: «пе-

редайте мужу, чтобы он не попадался на глаза доносчикам». Нужно сказать, что это предупреждение было очень полезным для меня, ибо у советов нет ничего твердого и постоянного. Новый донос мог бы иметь более тяжелые и более роковые для меня последствия.

Вместе с рассыльным прокуратуры жена пришла к тюремным воротам и там ожидала, пока меня выпустят. Надзиратель, мой друг, проводил меня до ворот и видимо был рад моему освобождению.

Я искренне благодарил Господа Бога за то, что Он помог мне вырваться из объятий смерти.

В этот же вечер поездом мы отбыли в Ростов.

Год мучений в тюрьме подорвали мое здоровье и расстроили мои нервы. Я нуждался в отдыхе. Поэтому мы с женой решили не ехать в Ростов, а остановиться на станции Двойная, вблизи станицы Орловская, Великокняжеского Округа.

В поезде устроились во 2-м классе, спального вагона и утомленные происшедшим рано легли спать. Под тихое качание пульмановского вагона, вдыхал благоухающий весенний воздух, проникающий через открытое окно, мы сладко спали.

Под утро от толчка вагона я проснулся. Подсел ближе к окну и любовался красотой ночной природы.

Была чудная ночь, тихая с приятным прохладцем. Голубое небо было усеяно мирриадами мерцающих звезд, которые горели, как бриллианты, и все небо горело в алмазно-голубом огне, как это бывает у нас на юге — на Дону. Светила небесные, как будто вместе, со мной, радовались моему освобождению и изливали благодарность Творцу Вселенной. В это время я со слезами радости и умиления горячо благодарил Бога за Его милость ко мне.

В чувствах восторга и благодарности я забыл, что не один. Очнувшись, посмотрел в сторону жены и увидел, что она сладко спала. Ветерок тихо шевелил пряди ее волос, и как будто забавлялся ими. Я подошел к ней и стал гладить ее мягкие шелковистые волосы. Жена проснулась, улыбнулась, прижалась ко мне и сказала: «Боже, как много испытаний я перенесла в течение этого года в тревоге за тебя и я так рада, что ты снова воскрес для меня». На глазах ее были слезы, слезы радости и благодарности. Я крепко прижал ее к груди и благодарил ее, что она так жертвенно мне помогала, стараясь вырвать меня из объятий смерти. Она плакала от радости, радовалась, что я свободен и ра-

довалась, что сегодня Пасха — Христово Воскресение. Это так наполнило наши сердца, что мы плакали вместе.

Поезд остановился. Кондуктор крикнул: — «станция Двойная» и мы вышли.

ГЛАВА XIV.

ОТДЫХ В САЛЬСКИХ СТЕПЯХ.

Взяли извозчика и направились в хутор С., который находится от станции Двойная в 30 верстах, вглубь Сальских степей, на восток, где проживал мой друг С. Г. Вьючков. Семен Григорьевич встретил нас с неподдельной радостью. Он знал о моем аресте и был одним из свидетелей в мою пользу. С. Г. пригласил нас пробыть у него сколько времени потребуется. Он видел, что я едва стоял на ногах, так как мотание по тюрьмам меня совсем измотало, и выразил надежду, что степной воздух и каймак (ооobая сметана, изготовляемая казаками) скоро поставят меня на ноги. Жена Вьючкова, Анна Петровна, подхватила разговор и указывая на тучу цыплят, сказала: «виш сколько их бегает? А они в сметане вкусные и через месяц-два вы будете во какой», и широко развела руками.

Праздник Пасху встретили вместе с семейством Семена Григорьевича, а на 3-й день праздника жена выехала в Ростов на Дону, чтобы взять необходимое из одежды, постель и другие вещи, но самое главное, захватить нашу милую доченьку Татьяночку. Через два дня жена вернулась и мы отдыхая душой и телом, проводили время весело и радостно.

Нужно отметить, что это время, как раз совпадало с НЭП-м, когда было у казаков изобилие продуктов и цены были баснословно низкие.

Отдых в Сальских степях останется для меня навсегда незабываемым и приятным воспоминанием.

В моем распоряжении была хорошая, маленькая смирная лошадка и легкие дрожки. Почти каждый день с женой и маленькой дочкой уезжали далеко вглубь степей, где не было ни одной человеческой души, но природа жила полной своей жизнью. Целый день мы наслаждались этим чудным периодом майских дней.

Едешь бывало по этой равнине, по широкому необъятному степному пространству, и далеко, далеко вокруг, все видно. Видно, как стаи птиц с шумом спускаются в траву,

видно как вдали миражи переливаются, один за другим гоняются, а серебристый ковыль обнял все поле, как море волнуется, и под ногами у тебя, как ковром стелется. Этот чудный волшебный, величественный ковер украшен разноцветными полевыми цветами. В особенности хороши лазоревые тюльпаны. Они разных оттенков и разбросаны по всему полю, то белые, то красные, то желтые. И не пересчитаешь их разнообразных окрасок. Сказочно украшена эта степь и наполнена множеством птиц. Жирные, но быстрые перепелки, то и дело из гущи травы, из под ног вылетают. Там где-то, в гуще травы и цветов слышно, как выбивает свой точек стрепет. А куропатки с шумом гурьбой спускаются на землю и немедленно рассыпаются в разные стороны, прячась в траву. Журавли высоко в небе кружатся, поднимаются, все выше и выше, соревноваясь друг с другом на высоту, и высоко в небе перекликаются. Испуганные чем то, неуклюжие, тяжелые на подъем дудаки (драфы) перелетают в беспорядке, ища глазами места, где бы скорей сесть. Когда они садятся, то тут же на месте прячут свои головы и сидят тихо, тихо не шевелятся. Они ждут команды своего вождя — старого дудака, а он, подняв голову, смотрит во все стороны, а затем дает какой то знак, им птицам понятный, и они встают, но не сразу и не все, а осторожно, и принимаются за работу. Иные кузнечиков гоняют, некоторые просто отдыхают, разговаривая о чем то между собой, или ведут перекличку и счет: все ли они в сборе.

Когда наблюдаешь, то не трудно заметить, что птицы имеют подчиненность, послушание, порядок и есть у них командиры и дисциплина.

А сколько разнообразных мелких певучих птиц наполняют эту сказочную степь, и все они разные друг от друга воздают хвалу единому Творцу — Богу.

В каждой травке этого безграничного поля Сальских степей, в разнообразии и гармонии цветов, в мире пернатых, животных и насекомых видишь величие и присутствие Божие. Кажется, что этот ковер, покрывший необъятные донские степи, живой.

Мы возвращались к вечеру домой, как бы уставшие от беспрерывного созерцания неописуемой красоты природы. Но все таки чувствуешь в себе силу и здоровье, ибо воздух этих привольных донских степей благотворно действует.

Как-то, мы были в обычной прогулке втроем: жена, дочка и я. День был ясный, тихий, и особенно какой то нежно чарующий. Мы любовались чудной красотой и живописностью Сальских степей, вдыхали нежный приятный воздух, наполненный ароматами цветов.

Жена заметила высоко в небе журавлей и мы все заинтересовались ими и наблюдали как они кружились и между собой перекликались.

Журавли нагулявшись, камнем падали с этой высоты, со свистом, и затем перед самой землей разворачивали свои крылья и плавно опускались в траву, недалеко от нас. Маленькая Танюша особенно была очарована тем, что видела, она подошла к ним близко, и с большим детским вниманием и любопытством наблюдала, как они выгибали тонкие, длинные шеи и с очень строгим, но благосклонным любопытством смотрели на нее.

Таня осторожно подошла к ним еще ближе и села на корточки и с детским задором заглядывала в их прекрасные глаза.

Я в это время наблюдал за дочкой и журавлями в бинокль и отчетливо видел их маленькие блестящие головки, даже их костяные ноздри и клювы. Ноги их, не в меру длинные, подпирали кургузые туловища. Иногда некоторые из них становились на одну ногу, затыкали голову в свои перья, как бы стараясь уснуть. Бывало, ни с того, ни с сего, подпрыгивали, раскрывая огромные крылья; а порой важно прогуливались, не спеша, мерно поднимали лапы и все время качали головами, не обращая внимания на ребенка, уже считая его за своего.

Таня так заинтересовалась этой новинкой, что на наш зов с неохотой вернулась, и, придя к нам, задорно лепетала, рассказывая про этих никогда невиданных ею больших и необыкновенных птиц. Когда ехали домой она спрашивала, когда мы еще приедем к ним?

С приятным отдыхом я подготовлял себе работу. С помощью Семена Григорьевича я в окрестных хуторах закупил необходимое количество сена с доставкой такового на станцию Кученую. Это место было свободное от других заготовителей и в глухой степи; вот такое то место и было мне нужно, где не было конкурентов и лишних людей.

В Донбасе, на станции Финольная, в поселке Нью-Иорк, на химическом заводе у меня был знакомый, который там ведал хозяйством. Он снабдил меня документом на заготовку сена. Такая возможность была при новой экономической политике.

По особому договору я работал сдельно, получая от доставленной тонны сена. Деньги на заготовку, прессовку и доставку сена я получал авансом от указанного завода.

Таким образом я получил возможность быть материально обеспеченным и состоял как бы официальным служащим завода, но совершенно свободным и бесконтрольным.

Конечно, старался быть исправным в работе и поставлять хорошее сено. Меня эта работа устраивала, так как я находился вдали от центра, живя там, где меня никто не знал, в дебрях степей, куда коммунисты не любили показываться. Местные жители считали меня большим, чиновным человеком.

Через два-три месяца пребывания в Сальских степях я действительно окреп, поправился и полностью восстановил свое здоровье.

Семья моя, все время, находясь со мною у Семена Григорьевича, также отдыхала и благодушествовала в этих чудных Сальских степях.

СРЕДИ ДУШИСТЫХ ЦВЕТОВ ПРИВОЛЬНЫХ ДОНСКИХ СТЕПЕЙ.

Я помню день весны далекой
И не забуду никогда;
В степи привольной и широкой
Вдвоем с тобой бродили мы тогда.

Заката солнца луч игривый
Писал узоры в травах и цветах,
А я ловил твой взор счастливый,
Улыбку неги, ласки на устах.

Среди цветов степных, душистых,
Была ты краше сказочных цветов,
О, сколько слов — горячих, нежных, чистых —
Тебе тогда сказать я был готов.

Я был не в силах красочное слово,
Порыв души, волненье передать,
Как было все прекрасно, ярко, ново,
Ты мне дарила мир и благодать.

В степи Донской, широкой и привольной,
Лазоревые рвали мы цветы,
Ты рядом шла и голову невольно
На грудь мою склонила ты.

Счастливые и дивные мгновенья!
Не знали мы тогда с тобой,
Что впереди страданья и лишенья,
И длительный жестокий бой.

Каким коротким было наше счастье,
Как сказка, как неповторимый сон,
Смерть много раз грозила лютой пастью,
Но милостью Творца я был спасен.

Что от тебя осталось? Дочка Таня.
Листая книгу жизни, вижу я,
Что Бог по силам мне послал страданье, —
Хвала Творцу — Истоку бытия.

Но век твой, моя милая Виктория, был недолгий, ты скоро оставила меня.

ГЛАВА XV.

СМЕРТЬ МОЕЙ ЖЕНЫ ВИКТОРИИ.

Все описанные мои страдания, в связи с потерей моего дорогого сына Васи, моим арестом и скитаний по тюрьмам в ожидании расстрела, как будто стали улегаться. Я нашел выход в материальном отношении и возможность к благополучной семейной жизни. Жизнь стала входить в обыкновенную колею, и мы были счастливы. Залечивали свои раны и в этом семейном благополучии забыли прошлое.

Но эта семейная гармония была внезапно нарушена, порвалась как струна музыкального инструмента.

Жена моя, мать моей дорогой доченьки Танюши, неожиданно и внезапно, вследствие небрежности и недосмотра врачей, после операции, умерла от заражения крови, 11-го марта 1927 года.

Танюша моя дочка, родилась в 1923 г.

Умерла она в полном сознании и до последних минут рассуждала здраво, беспокоясь о нас. Она мне сказала: «трудно тебе, Вася, будет воспитывать нашу дорогую доченьку Танюшу. Какой не хороший ты отец, но ведь ты будешь занят работой, а для нее нужна материнская ласка и постоянный присмотр, ведь она так мала и беспомощна. Мне все равно будешь ли ты жениться или нет, но если бы ты встретил хорошую подругу жизни, то возможно было бы лучше для Танюши». Затем лежала долго молча и на глазах ее были слезы.

Ей было только 33 года и до операции она была полна жизни, здоровья и сил, жить ей хотелось.

Она знала, что минуты ее жизни сочтены и, что она должна оставить этот прекрасный мир и свою дорогую ненаглядную доченьку Танюшу. Ей было невыносимо тяжело.

В последние минуты нашего разговора, она посмотрела на меня и, уже еле выговаривая, сказала: «ну, что делать, рок мой таков, судьба неумолима, нужно преклониться перед волей Божьей. Я должна оставить вас, мои дорогие». На глазах ее были слезы, а на всем лице горькая печаль и беспомощность. Она положила на грудь свою правую руку, и я в это время заметил, как опустила под воротник своей рубашки на грудь карточку Танюши, с которой она, будучи в больнице, не расставалась.

Она умерла в госпитале, на моих руках, со словами: «не обижай Танюшу. Я надеюсь, что ты все сделаешь для нее и будешь продолжать воспитывать в моем духе, надеюсь на тебя, как на хорошего отца, я убедилась в этом за 12 лет нашей супружеской жизни. Ты ее не обидешь, я этому верю и спокойно умираю». Закрыла глаза, а затем опять взглянула на меня, и ее глаза были ясные, хотя и горели последним угасающим блеском. Они как будто вспыхивали, и этот блеск ее очей был последний, она закрыла их и с тем оставила этот чудный мир. Отошла навсегда в вечность, в неизвестность неземную.

Потеря жены отразилась на моем здоровьи. Мне было тяжело и я потерял равновесие. Поколебался в устоях веры, несмотря на то, что я с детства был воспитан в вере и страхе Божьем. Усумнился в справедливости правосудия Божьяго.

Люди — больные, калеки, дряхлые, старики никому не нужные живут, а она во цвете лет, прекрасная жена и мать своему дитяти — умерла. Как это беспощадно и жестоко.

Я задавал вопрос самому себе, почему такая несправедливость и получил ответ. Увидел во сне жену и в разговоре с ней, как будто упрекнул ее в том, что она оставила меня с Танюшей. И она мне сказала, чтобы я не сомневался в правосудии Божьем, которое непреложно, хотя и бывает непонятно человеку, но так нужно для его пользы. Я проснулся в каком то испуге и долго лежал в постели, разбираясь в этом необычайном сновидении и пришел к окончательному заключению, что был несправедлив и согрешил перед Богом. Усердно и со слезами раскаяния молился Богу, просил о прощении мне великого греха, совершенного перед Творцом Вселенной.

Танюша проснулась и незаметно подошла к моей постели, она заметила на моих глазах слезы, и сама стала плакать. Я успокаивал ее и сказал, что видел во сне маму. Она, малышка, с удивлением посмотрела на меня и сказала:

«Ну, что же такое, зачем плакать, я бы тоже хотела видеть мамочку», и повеселев, стала улыбаться.

Еще когда жена была больна, я бросил работу и ухаживал за ней в госпитале После смерти жены мне почему то не хотелось возвращаться на работу, и вообще что-либо делать. Я увлекся посещением кладбища и всегда брал с собой маленькую Танюшу. Почти каждый день я с дочкой посещал могилу жены. Танюша полюбила прогулки на кладбище, и всегда напоминала мне об этом.

Всегда, когда подходили к могиле, Танюша вырывалась из моих рук и бежала к этому бугорку с цветами, затем падала на землю со словами: «мамочка, мамуся, дорогая, мы пришли». Она раскладывала на могиле цветы, украшала по детски могилу своей дорогой мамуси и все время как бы разговаривала с ней. Когда возвращались домой, она неохотно оставляла кладбище, прощалась с матерью и говорила: «мы скоро придем не скучай, мамуся».

Так продолжалось с 14 марта до июня 1927 года.

Как то встретил на кладбище знакомого доктора с женой, который был ассистентом при операции покойной. Разговорились и я ему передал свои переживания после смерти жены и сказал: «я с дочкой бываю каждый день на могиле жены и особенно довольна этими посещениями моя доченька Танюша».

Доктор с сожалением посмотрел на меня и Танюшу, улыбнулся своей жене, которая ласкала Танюшу, и сказал: «я знаю это и потому хотел встретить вас и поговорить и очень рад, что случай теперь представился».

Доктор посоветовал мне прекратить посещения могилы и заняться работой, и рекомендовал ее вне города, чтобы отвлечься от тяжелых мыслей.

Моя квартирантка Мария Алексеевна Кормушкина уезжала в станицу Константиновскую к своим родителям на целое лето, и по моей просьбе, согласилась взять с собой мою доченьку.

Тяжело было расставаться с дочкой и могилой жены, но все это я преодолел, ибо сознавал, что это нужно для благополучия моего и Танюши.

Когда проводил дочку в Константиновскую, сам выехал в Сальские степи на заготовку сена и там в глубинных хуторах далеко от центра увлекся работой. В работе постепенно стал забывать пережитое.

Сильно скучал и беспокоился о дочке, хотя Мария Алексеевна часто писала мне письма, чем меня успокаивала. Она сообщала мне о Танюше и, что она себя чувствует хорошо и постепенно забывает свою маму.

В октябре месяце получил письмо, в котором Мария Алексеевна сообщила, что Танюша сильно заболела и в бреду часто вспоминает маму и папу. Мария Алексеевна просила, чтобы я приехал.

Болезнь дочки меня сильно напугала и я немедленно поехал и застал свою дорогую доченьку тяжело больной.

Болезнь дочки вынудила меня задержаться на долгое время и только тогда, когда она была совершенно здорова, я выехал обратно на работу. Она меня просила, чтобы я ее надолго не оставлял.

Совет врача, работа и время вылечили меня. Я убедился, что обязан жить, работать и воспитывать своего ребенка, заботиться о ней, заменяя ей мать.

Как то Танюша по детски напроказничала, а я будучи в плохом настроении ее отшлепал и она бедненькая упала на свою кроватку и горько горько плакала и всхлипывая, звала свою маму.

Было поздно я тоже лег и жена моя вошла в комнату, с шумом ветра приблизилась к моей кровати и строго сказала: «ты обещал любить Танюшу и воспитывать, как хороший отец и должен был заменить меня? Таня ребенок, ей только 4 года, а ты сильно ее обидел не по возрасту. Найди способ более разумный воздействия на ее детские шалости и ошибки».

В это время дочка проснулась, со словами: «мама, мамочка». Мне показалось, что она слышала наш разговор и проснулась. Я включил свет и как будто бы чувствовал присутствие жены здесь в комнате, хотел продолжить разговор, но ее в комнате не было. Это был сон.

Я не выдержал и заплакал, взял на руки свою милую доченьку и долго, долго целовал, гладил ее мягкие, пушистые детские волосы, пока она снова заснула на моих руках.

Я уложил ее в кроваточку, а сам приготовил завтрак, для себя и Танюши. Танюша проснулась только в 11 часов, это было в воскресенье. Когда она оделась, мы вместе завтракали. Она за завтраком разговаривала со мной, как большая и между прочим сказала: «папа мы давно не были на могиле мамы». Я схватился за это предложение и обещал сегодня побывать у мамы, ибо мы действительно давно не посещали ее могилы.

Могилу мы застали заросшей, и осунувшейся, со мной была маленькая лопаточка и мы с Танюшей привели ее в порядок и положили цветы.

ГЛАВА XVI.

НОВАЯ ЖЕНИТЬБА.

После двухлетней жизни вдовцом я пришел к убеждению, что для блага лучшего воспитания маленькой дочки Танюши, нужно мне создать семью и иметь в доме постоянную и ответственную хозяйку-жену, а не случайных, меняющихся людей, безответственных за дом и воспитание ребенка.

Когда я пришел к этому решению, то поделился со своими близкими знакомыми, которые мое решение одобрили.

Невест было много, но в особенности мое внимание привлекли три. Разведенная, доктор медицины Надя Кашаева, 32-х лет, и учительница Зоя Астахова, тоже примерно тех же лет. Та и другая были подходящие по возрасту и воспитанию. Родители этих двух невест мне были знакомы, ибо часто бывал в их домах, в особенности у Нади Кашаевой и более был расположен к ней. Мать Нади очень уважала меня и была бы рада, если бы я женился на ее дочери.

Но в это же время, часто бывая в городе Шахтах, я там познакомился с хорошенькой, молоденькой девушкой Шурой, которая работала машинисткой в «Союзхлебе». В этой конторе вместе с Шурой работал главным бухгалтером ее родной брат Александр, мне знакомый по белой армии.

Эта милая, хорошенькая девушка мне нравилась, она всегда веселая, жизнерадостная, пухленькая, как сдобная пампушечка, подвижная и живая, как мотылек. Черные мягкие, как бархат, ее волосы всегда заплетены в косу, делали ее еще более юной, а спереди волнообразные пряди этих волос своими слегка вьющимися концами падали на лоб. Черные брови, красиво обрамляли темнокоричневые, всегда веселые глаза. Губы никогда не закрывали ее необыкновенно изящные, белые, как фарфор зубы, но этим не нарушала ь гармония, ее красоты. Взгляд ее был чарующий, а голос тихий и ласкающий. Мне хотелось все чаще и чаще встречаться с этой прелестной и очаровательно, милой девушкой Годы ее мне не подходили, она была слишком молода, но я успокаивал себя, что это мимолетное увлечение, проходящее, не имеющее значение. Но на самом деле это увлечение выявилось в самую настоящую любовь и я все больше и больше привязывался к ней. Заметно было, что она ко мне также относилась с необычной симпатией и это еще больше меня привлекало к ней.

Брат Шуры Александр Константинович заметил наше сближение и дал понять, что по годам его сестра мне не подходит.

Этот его разговор со мной я передал Шурочке, а у нас с ней уже к этому времени отношения были налажены и были уже намеки на брак.

Я предупредил Шурочку, что у меня есть дети, но самое славное, это маленькая Танюша, которая нуждается в материнской ласке и в воспитании. Я сказал: «может быть, действительно брат твой прав, ты мне не подходишь из-за молодости и не сможешь заменить мать Танюше».

Шура на этот вопрос прямо не ответила, но выразила желание посмотреть Танюшу. Разговор этот происходил в субботу и мы в этот же день выехали к Танюше в город Ростов на Дону.

Через некоторое время мы побывали в Новочеркасске у родителей Шуры, которые были уже в курсе дела, так как брат Шурочки предупредил их обо всем. Отец, Константин Ефимович, был согласен со своим сыном и заявил, что Шура молода для меня, а мать Таисия Ивановна промолчала, но, как видно, была на нашей стороне.

Будучи наедине с Шурочкой я сказал ей так: «ты, моя дорогая, берешь на себя большую и ответственную обязанность, будет ли тебе под силу, создать гармонию нашей жизни и в будущем не станешь ли раскаиваться в своей ошибке? Особенно из за разницы наших лет, все это надо учесть, взвесить и хорошенько продумать. Нужно помнить, что супружество налагает строгие обязательства на обоих супругов: защищать, беречь и ограждать друг друга, делить горе и радость вместе, во всем помогая друг другу. Не лучше ли нам послушаться совета твоего отца и старшего брата и положить конец нашему сближению, оставшись друзьями. Я постараюсь уехать от тебя далеко и надолго, чтобы нам забыть друг друга». Шура прижалась ко мне и горько заплакала, я обнял ее и мне было ее жаль. Я знал, что сердцем и душой она привязана ко мне и ей было бы тяжело прервать нашу дружбу. Шура, сквозь слезы, и, по детски всхлипывая, сказала: «не хочу, чтобы уезжал от меня, этого делать не нужно, я не согласна с доводами брата и отца о нашем несоответствии, я постараюсь быть хорошей женой, хозяйкой и заменю родную мать твоей маленькой дочке Танюше, нужно сказать, что я уже люблю ее».

После этого, когда Шурочка успокоилась, на глазах ее засияла обычная веселость. Мы еще долго обо всем говорили и пришли к общему согласию.

В следующее воскресение, 2 февраля 1929 года, мы были уже мужем и женой.

* * *

Это был тяжелый, голодный 1933 год и в это страшное время у нас родилась дочка Мариичка.

Несмотря на окружающее несчастье того времени и повсеместный ужас и отчаяние, мы были рады появлению этого чудного, крошечного ребенка. Мариичка была особенная и не такая, как все дети. Бывало лежит на кроватке и долго долго играет своими маленькими рученками и не подает голоса. Она не обращала внимания на разговоры и шум окружающих. Когда мы включали радио или грамофон, она как будто прислушивалась и уже не играла своими детскими крохотными рученками, но дремала и скоро под музыку тихо засыпала. Давала о себе знать только тогда, когда приходил час ее кормления. Затем, покушав, опять продолжала быть такой же спокойной.

Мама этой крошечной Мариички, всегда находила какие то тряпочки и из них делала платья и все, что было необходимо для этой маленькой крошечки. Мама одевала ее как куколку, и выростая, она была такая же спокойная и кроткая, как ангел.

Карточки этой маленькой нашей дочки сохранились до сего времени и свидетельствуют особенности ребенка.

Мариичка и теперь с нами и она сохранила навсегда доброе сердце, почтительна и отзывчива к своим родителям. У Мариички теперь своя милая и славненькая дочка — Галочка, но не такая тихая и смирная как была ее мама, она живая и подвижная, как огонь. Родилась Галочка в 1953 г., ей теперь 12 лет.

ГЛАВА XVII.

ПОВЕСТКА С ПОМЕТКОЙ СТАТЬЯ 58 и СЛЕДОВАТЕЛЬ ИЗ ХАРЬКОВА.

В свое время, при освобождении из царицинской тюрьмы, я был предупрежден, чтобы не попадаться на глаза доносчикам, чем дано было мне понять, что дело мое, во всякое время, может быть возобновлено. Это предупреждение я принял к сведению. Призрак возможности опять попасть в пасть чекистов меня беспокоил, почему я всегда

старался быть не на виду. Но все таки, как бы я не был осторожен и предусмотрителен, я был не один в сфере советскои действительности. От ока чекистов трудно спрятаться, ибо они усовершенствовали свою работу. Они старались знать жизнь каждого человека и мало мальски подозрительного брали на учет и «обрабатывали».

Я часто с работы приезжал домой к себе на день или два. Однажды, будучи дома получил повестку — явиться к областному начальнику милиции. На повестке, которую я получил была пометка ст. 58 и номер моего старого дела. Повестка эта меня сильно перепугала, ибо я был уверен, что старое дело вновь возбуждено.

Продумав хорошо этот вопрос, я решил рискнуть и не явиться к начальнику милиции, а на второй день, в понедельник, явился к областному прокурору.

Когда я пришел к прокурору, то рассказал ему историю моего ареста по ложному доносу и, что вследствие этого я перенес год мучений в подвалах и тюрьмах, а затем был освобожден за недоказанностью преступления.

Прокурор терпеливо и внимательно выслушал мой доклад. После чего спросил: — «а откуда вы знаете, что вызываетесь по этому законченному делу?». Тогда я показал ему повестку и обратил его внимание на номер моего старого дела, 58 статью и добавил, что этот вызов меня волнует, ибо я сильно пострадал и измучен, как физически, так и нравственно, и, если это повторится, то не в силах буду вынести снова. Прокурор молчал и я тоже, была пауза. В это время я достал справку и для большей убедительности, что я говорю правду, показал ее прокурору, а в ней значилось: «освобождается за недоказанностью предъявленного обвинения». После чего я просил прокурора оградить меня от несправедливости, по той причине, что страдаю не один, ибо у меня жена и дети. Прокурор видел мое крайнее возмущение и сказал: «не беспокойтесь, я разберусь и вы не понесете невинно наказания». На этом он хотел закончить наш разговор, но я заявил: что не уйду пока не получу окончательного разрешения этого вопроса. После чего он взял телефонную трубку и стал говорить с областным начальником милиции. Долго говорил, а затем предложил мне выйти в приемную, где я должен ожидать его вызова.

Через полчаса прокурор позвал меня обратно в свой кабинет и сказал, что начальник милиции объяснил свой вызов ошибкой и что это — старое дело. При этом возвратил мне повестку аннулированную своей подписью, а также возвратил справку царицинского прокурора, с которой уже была снята копия. Передавая мне справку он сказал,

что копия сегодня же будет послана начальнику областной милиции, а подлинную рекомендовал хранить, как ценный для меня документ. К начальнику областной милиции по повестке не являться, ибо это дело прекращено. Я взял на себя смелость и спросил прокурора: был ли, все таки новый донос? Он кивнул головой и тихо сказал: «да».

За внимание ко мне я благодарил прокурора и довольный благополучным результатом, поспешил домой, ибо знал, что семья с волнением и нетерпением ожидала меня. Когда пришел домой жена и дети были в слезах. Я успокоил их и рассказал где я был и почему так долго задержался. Жена и дети были рады благополучному исходу дела.

Этот дамоклов меч всегда висит над каждым гражданином совдепии и не один я находился в тревоге и страхе, ожидая, когда этот меч обрушится на голову.

* * *

Долго после рассказанного выше инцидента с повесткой и разговора с областным прокурором, меня не беспокоили.

Но примерно в начале 1940 года, я приехал с отчетом на завод в Донбасе, где я числился на службе, работая самостоятельно в Сальских степях, по заготовке и пресовке сена, и, как обычно, остановился у помощника директора завода Крамченинова.

Вечером, после работы за ужином, Крамченинов сообщил мне, что меня вызывает НКВД в Харьков, для допроса по какому то делу и при этом передал мне повестку.

С Крамчениновым я был в хороших отношениях и мы доверяли друг другу. Долго обсуждали этот вопрос и Крамченинов советовал ехать в Харьков, ибо он не допускал неявку по вызову НКВД. А у меня не было желания попадаться в объятья этого «симпатичного» учреждения, почему я просил Крамченинова вернуть обратно повестку, мотивируя тем, что я нахожусь на работе в Ростовской области. Он с большой неохотой согласился и повестка была отправлена обратно в Харьков по принадлежности.

В Донбас и из Донбаса я ехал всегда через Ростов и задерживался на день или два дома. Так было и теперь, когда я ехал с завода на работу в Сальский Округ, то заехал домой и поделился с женой неприятными новостями о вызове меня для допроса к харьковскому следователю. Жене сказал, что я решил не ехать и при этом предупредил ее, что если кто будет спрашивать мой адрес на работе,

чтобы она говорила, что не знает. Действительно у меня определенного адреса не было, ибо ведя заготовку сена в разных местах, бывая то тут, то там, я не засиживался на одном месте. Находясь на работе, приходилось волноваться и беспокоиться, а что же там, дома, и что будет со мной?

Через некоторое время, когда я снова приехал домой, то жена передала мне повестку следователя, с вызовом меня в Харьков для допроса. Кроме того она рассказала, что к нам приходил какой то товарищ и интересовался моим адресом на работе. Он долго разговаривал с ней на разные темы и ушел любезно раскланявшись и называя ее по имени и отчеству. Я пришел к заключению, что начинается новое преследование и решил дома не задерживаться, да и вообще, в будущем, решил воздерживаться от посещения дома.

На другой день, рано утром, я уехал из осторожности не со станции Ростов, как всегда уезжал, а с маленькой станции Нахичевань.

Повестку, полученную мной от харьковского следователя НКВД, я возвратил ему с письмом, в котором просил, чтобы следователь опросил меня заочно и жаловался, что не имею времени и денег на эту поездку.

Когда я имел возможность, то переговаривался с женой по телефону и однажды она передала мне, что агент, который был на дому у нас, теперь назойливо преследует ее, где бы она не была Он старается обратить на себя ее внимание улыбкой или приветствием и всегда называет по имени и своими преследованиями изводит ее. Но это не все: – третьего дня ее вызвали в НКВД и когда она явилась в это «замечательное» учреждение, то ее отвели к начальнику оперативного отдела. Провели черным ходом, по корридорам разделяющим камеры и видно было, что они были наполнены арестованными. Наконец, спустились в подвал и вошли в кабинет, который был недурно обставлен, но в нем никого не было. Полицейский предложил мне сесть и сказал, что начальник отдела скоро придет и сам сел около дверей. В это время она пережила неописуемый ужас и представляла себя уже арестованной и не думала вернуться домой и увидеть своих родных и близких. В этот момент открылась дверь и перед ее глазами представился тот агент, который был у нас в доме, и который все время преследовал ее. Он снова назвал ее по имени и, ехидно улыбнувшись, сказал: «думали ли вы, А. К., встретиться со мной здесь?» Жена волновалась и от страха слегка дрожала. Он заметил это и также ехидно улыбаясь, сказал: «не бойтесь, присаживайтесь к столу и побеседуем с вами».

В этот момент сам сел за свой стол. Некоторое время они сидели молча и он упорно и не моргая, как то одним боком своего лица улыбался. Наконец стал говорить и говорил долго и на разные темы, и жена не понимала к чему все эти разговоры. Закончил он предупреждением жене, что, если она не выдаст меня, то останется навсегда в этом подвале. После некоторой паузы, предложил выбрать заточение или свободу и дал десять дней срока на размышление. От страха и волнения жена потеряла способность к движению и продолжала сидеть на стуле, поэтому он вызвал дежурного агента и приказал ему проводить жену из подвала на улицу. Агент взял ее за руку и вывел из подвала на улицу. А затем случилось новое несчастье: — приехал из Харькова следователь и потребовал, чтобы жена пришла к нему. Ее повели в сопровождении агента и начался новый допрос: «где муж и почему он не явился по моей повестке в Харьков?» Жена ответила, что не знает, но неосторожно сказала, что у меня нет денег и времени на эту поездку. Следователь от этих слов пришел в ярость и стал кричать, стуча кулаком по столу, что доставит меня по этапу и стал угрожать, вытаращив бешенные глаза и брызгая слюной, жену посадить в тюрьму за укрывательство.

Всего этого жена не выдержала и стала плакать и просила о помощи. На шум вошел местный, ростовский начальник НКВД, в кабинете которого разыгралась эта сцена. Этот высокий начальник не спрашивая ни о чем следователя предложил мне выйти в корридор. Был слышен их крупный разговор, но, что они говорили — понять было трудно.

Через пять-десять минут вышел этот начальник НКВД и предложил ей идти домой. Разговаривая со мной по телефону, жена волновалась и спрашивала, что ей делать, ибо она боится оставаться здесь и у нее переполнена чаша терпения и необходимо принять срочные меры, в противном случае она будет арестована. Я посоветовал ей выехать немедленно с детьми в Донбас, на один из рудников, на котором работал мой племянник Жора. После нашего разговора по телефону жена тихонько выехала с детьми по указанному мной адресу. Я работу по заготовке и пресовке сена поручил своему работнику С. Г. Вьючному и сам также выехал в Донбас к жене. На этом же руднике работал, в качестве инженера, муж моей племянницы — Лева.

Там мы гостили у своих дорогих родственников и отдыхали от преследований НКВД. Бывали, то у племянницы Ломпочки (жены Левы), то у Жоры, или вместе собирались и старались, чтобы хотя временно забыть про вседневные неприятности советчины.

В это время была объявлена война Германией. Гитлеровские войска внезапно напали на советы и молниеносно стали продвигаться вглубь страны. Советская армия почти без боя отступала и красноармейцы начали сдаваться в плен. Работники НКВД получили другое назначение и им было не до меня. Вышло по пословице: «не было бы счастья, да несчастье помогло».

Немцы скоро заняли Ростов и преследовали советскую армию, которая отступала по направлению к Царицину, упоенные победами, они растянули свой фронт и далеко оторвались от своих баз снабжения и не учли русскую зиму, которая, когда то, погубила Наполеоновскую армию под Москвой. Немцы спешили занять Царицин, но советы успели там подготовиться к последнему и решительному сопротивлению и выиграли бой. Немецкая армия дрогнула и стала отступать на всех фронтах. Это поражение немцев я описал более подробно в своей книге «Вторая мировая война».

Началось отступление немецкой армии из Ростова. У меня был один выход оставить пределы родной земли и искать убежища со своей семьей в другом месте. Свой уход с родины и, что было пережито, за все это время, я частично описал в своей книге: «Вторая мировая война» и в другой книге: «В волнах моря житейского». Эта последняя книга, хотя и под другими именами, касается меня, моей семьи и моей семейной трагедии.

ГЛАВА XVIII.

БЫЛОЕ НЕЗАБЫВАЕМОЕ.

Однажды, в начале мая, мне с моим семейством представилась возможность прокатиться на пароходе по своему родному Дону.

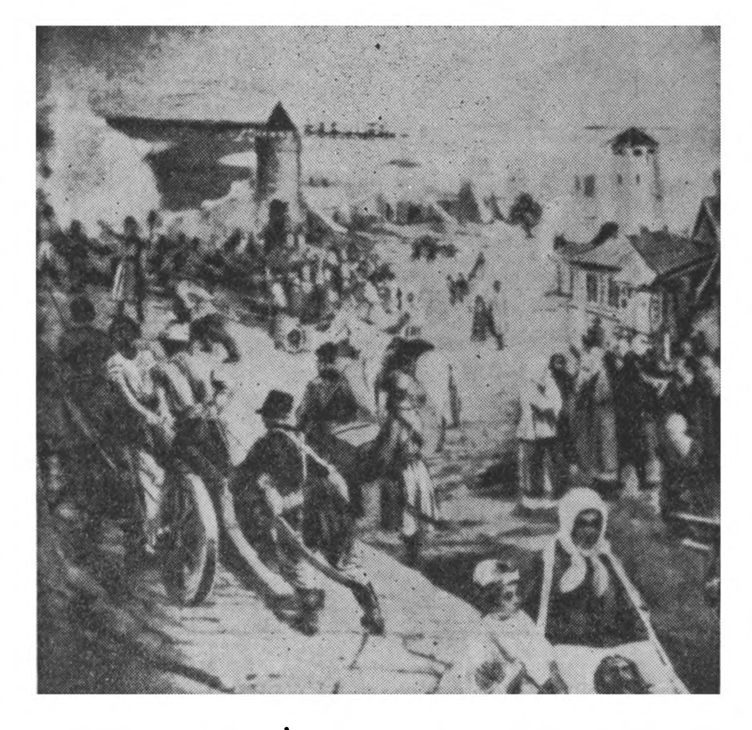
Я, жена и дочка Танюша разместились на пароходе «Москва» и отправились в это чудное путешествие по волнам родной реки.

Капитан, Гриша Греков, мой приятель, предоставил нам возможные удобства и уют на пароходе.

Весна, солнце, чудные майские дни. А ночью в небе — мирриады звезд и таинственно чарующая луна, отражавшаяся в водах широкого весеннего разлива Дона.

Эта чудная река и места, охваченные необъятным широким полноводием, полны исторических воспоминаний о событиях, напоминая о славном прошлом казачества.

Пароход приближался к станице Старочеркасской. Недалеко от этой станицы видна затопленная кругом водой часовня, увенчанная четырьмя крестами. Танюша обратила внимание на нее и обратилась с вопросом ко мне: «папа, почему эта часовня в воде, и нет близко жителей?» Я объяснил, что только весной, во время полноводья эта часовня бывает залита водой, как вот теперь, и объяснил, что история этой часовни такова: на этом месте, в общей братской могиле, на берегу Дона погребены казаки, павшие смертью храбрых, защищая Азов в 1637 году.

Азовское сиденье.
Взятие казаками Азова в 1637 году и в особенности его славная защита, известная под именем «Азовское сидение», есть геройский подвиг еще непревзойденный в военной истории. Казаки 5 лет владели Азовом, прося Москву поддержать их, но в 1642 году Москва окончательно отказала им в помощи, донцы не имея боевых припасов в 1643 году оставили его. Оставляя Азов, донцы исполнили завещание, умиравших в бою, их саратников — «Да не лежать нашим костям в басурманской земле».

В память взятия Азова и его славной защиты, известной под именем «Азовское сидение», которое является не-

превзойденным военным подвигом, в 1867 году благодарным потомством была сооружена эта каменная историческая часовня-памятник. Вокруг часовни были поставлены пушки, с которыми донцы отбивались от многочисленного турецкого войска. Здесь, у Памятника Славы, ежегодно служились торжественные панихиды, а после парадом проходили войска с отданием чести и орудийным салютом во славу Азовских героев. Эта часовня, памятник ЧЕСТИ, СЛАВЫ И ГОРДОСТИ казачьей, была священным местом донского казачества.

Бой казаков с турками на стенах Азова

В память этого же события в 1643 году был сооружен первый на Дону собор в Старочеркасске. А по окончании триумфальной победы над Наполеоном в 1812 году, атаман граф Платов дал обед, на котором сказал: «Сооружу храм Божий — по величине и красоте равного ему не будет в нашей стране». И, действительно, обет этот выполнил: в городе Новочеркасске в 1818 году построен величественный собор.

Как раз в это время, с парохода был виден этот кафедральный Новочеркасский собор и на нем ярко горевший

золотом, освещенный лучами майского солнца, крест. Когда то и вся крыша и купола этого собора также ярко и чудно горели своей позолотой, но большевики-безбожники сорвали золотую крышу и малые кресты. Крест же водруженный на самом высоком, главном куполе, остался не снятым. Одному из рабочих было приказано чекистами снять и этот последний крест, он, со словами хулы и оскорблений, стал взбираться на главный купол, но не успел совершить злое дело, как отшатнулся, как обожженный и упал вниз, разбившись насмерть. Бог покарал безбожника.

Чекисты, руководившие работой, поспешили немедленно ее прекратить. Поэтому крест и до сего времени остается на соборе, излучая собой божественный свет, подавая надежду казачеству, что солнце правды воссияет на Руси и уничтожит зло безбожного коммунизма.

Пароход сокращал свой ход, потом тихо пристал к Старочеркасской пристани и нашим глазам представилась соборная церковь, построенная казаками по обету Богу, в память чудесного избавления войска в Азовском сидении. Первая церковь сгорела, но вновь была отстроена и освящена во имя Воскресения, в 1750 году. Этот храм – прадед донских соборов, был и музеем церковных исторических

древностей. Между прочим в числе других музейных памятников, в соборном подвале, где в старину хранилась войсковая казна, на стене висят огромные железные цепи, в которых был закован Степан Разин, тот знаменитый атаман, про которого сложилась народная песня: «Волга, Волга мать родная». Таня пролепетала: «я слышала, как девочки пели эту песню, очень хорошая».

Жена в это время, прижавшись ко мне и Танюше, также слушала, и когда я закончил свой рассказ, она в полголоса запела своим мягким и приятным голосом эту чудную историческую народную песню.

Разговаривая между собой, мы так увлеклись, что не заметили, как к нам подошел молодой казак, присел около нас на корточки и сказал: «спасибо, дядя! Как ты интересно рассказывал про наш Дон и те памятники, которые нам так дороги и милы».

Вечерело. Мы спустились в каюту, уложили Танюшу спать и снова поднялись на палубу.

Пароход шел тихо, почти бесшумно, прорезая встречное течение воды родного Дона. Только слышно было мерное пошлепывание колес парохода и мы молча любовались этой величественной красотой. Синее небо было изумительно красиво и прозрачно, усеянное звездами, которые трепетали и как будто бы страшились оторваться от неба и упасть в эти широкие, разлившиеся волны. А луна ярко светила, отражаясь в водах разлива и как бы купаясь в реке.

Все, что мы встречали на пути, интересовало и радовало нас. Незабываемое впечатление производили на нас разбросанные по всему водному пространству огоньки затопленных хуторов и станиц. Стаи птиц с шумом и криком взлетали при приближении парохода и снова опускались на воду, когда он удалялся. Рыба стаями сопровождала пароход, иногда выбрасывалась на поверхность воды и красиво кувыркалась, шлепая по поверхности своим хвостом как бы играя – это очень забавляло нас.

Было поздно, тянуло ко сну. Мы вернулись в каюту, где сладко и безмятежно спала Танюша, под мерный шелест колес и тихий плеск воды.

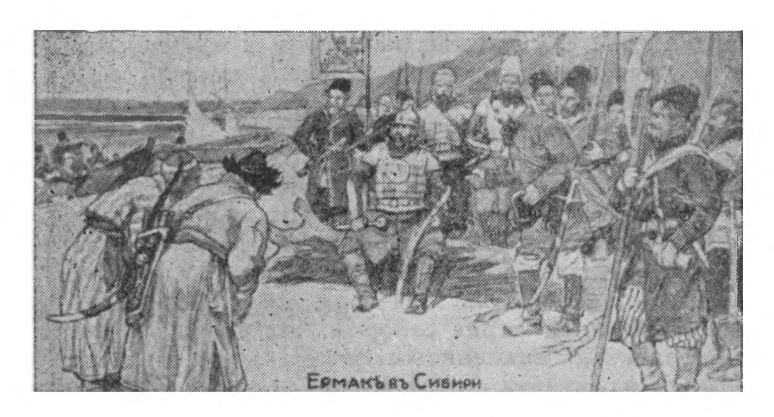
Утром причалили к пристани Раздорской – это древняя казачья столица. На этой пристани сошел наш новый знакомый юный казак; до отхода парохода он оставался на пристани, и, сняв свою казачью фуражку, приветливо махал ею, тепло прощаясь с нами. Жена и Танюша приветливо отвечали ему, пока пароход не скрылся от берега.

Побывали мы и в станице Цимлянской, когда то славившейся обильными виноградниками и прекрасным вином.

Капитан парохода, Гриша Греков, постарался достать нам выдержанного прекрасного вина.

Было раннее утро, по поверхности воды низко стлался густой туман. Пароход приближался к станице Нижне-Чирской. Впереди в дымке тумана обрисовывалась группа деревьев, державшихся как бы на поверхности воды. Деревья эти были облиты ярким пламенем утренней зари. Пока мы приближались к этим деревьям, рассвет бледнел, а солнце медленно показывалось, выбрасывая свои золотые лучи. Заря и восход майского солнца представляли картину необыкновенной красоты.

Пароход подходил все ближе и ближе, роща стала ясно видна, и нашим глазам представились громадные, толстые и высокие деревья, расположенные правильными рядами

22 октября 1964 года исполнилось 375 лет, как Ермак с дружиной в 840 казаков, «сбил с куреня царя Кучума», так простым казачьим языком сказано в Кунгурской летописи о том, как он взял г. Искер (Сибирь) — главный стан хана Кучума. Поход Ермака в далекую Сибирь и мало известную, это один из великих походов, мировых полководцев, как по трудности так и по его замыслу, весьма рискованному, со столь малочисленной дружиной. Сам Ермак говорил: — «Не множество дает победу, а разум и отвага», и этим он и победил татар. Подобно Колумбу он открыл культурному миру еще не исследованный «Новый свет» — Сибирь.

По преданиям и записям в архивах, атаман Ермак Тимофеевич имел на этом месте кош-стоянку со своей дружиной и роща эта образовалась от коновязи, которая была устроена из кольев свеже срубленных деревьев, забитых в землю. После ухода Ермака на Урал и дальше с его дружиной, колья принялись и разрослись в великанные деревья. Эта роща была под охраной закона, как заповедник и памятник о былом.

В станице Нижне-Чирской мы задержались у знакомых, в ожидании обратного рейда парохода «Москва» и на этом же пароходе вернулись в город Ростов на Дону.

В поездке по родному мне Дону мы с незабываемым удовольствием провели месяц, отдохнув и душой и телом.

* * *

Не один собор в Новочеркасске подвергся осквернению и надругательству, большевики коснулись своими грязными руками и других ценностей и памятников казачества. Памятник атаману Платову, всадник, мчавшийся на коне с обнаженным клинком, снят и брошен в кладовую музея. И там, где стоял вихрь-атаман, о котором французский генерал Коленкур сказал, что это он уничтожил большую часть французской кавалерии, тот самый, о котором сказал Наполеон: «дайте мне таких казаков и я завоюю весь мир», — теперь на его пьедестале поставлена жалкая фигура дегенерата Ленина.

Памятник покорителю Кавказа ген. Бакланову, четырехугольный черный обелиск, покрытый буркой и папахой, уничтожен и место сравнялось с землей.

Молчаливый психологический поединок между советской властью и символом исторического прошлого казачества, — памятником Ермаку, продолжался недолго. В один ненастный осенний день 1921 года, красноармейский отряд заполнил площадь перед собором, где стоял монумент Ермаку, созданный знаменитым скульптором Антокольским.

Возле памятника стояла группа военных и гражданских начальников-коммунистов, руководивших экзекуцией над величественным символом былой казачьей славы, тут же окружив памятник стояла рота красноармейцев, готовая к исполнению приказов начальства. Послышалась команда: — «вяжи!» Канат обвился вокруг могучей голени донского богатыря. Двое красноармейцев взобрались на гранитный пьедестал и торопливо обматывали бронзовую талию безмолвного великана. Казалось символичным сопоставление величия исторического прошлого, застывшего навсегда в художественном творении из камня и бронзы и двух копошившихся живых пигмеев, выполняющих волю тлетворного дыхания безвременья. Зрелище привлекало своей необычностью всех проходивших. Толпа народа все больше и больше сжимала красноармейцев, движимая единым чувством, присущим всякому, не потерявшему нормальный человеческий облик: «как это назвать? Варварство, вандализм или еще хуже?» Кто они, превращающие в бесформенную груду

одно из лучших художественных творений человеческого гения, вдохнувшего в мертвую материю целую историческую эпоху, освещенную последовавшими столетиями и утвержденную критерием исторической науки?

Чем вызвал ненависть великий завоеватель Сибирского царства у большевицкой революции, какие его деяния были не в унисон с теориями Маркса-Ленина, и какое отношение имеет казачья историческая быль к абсурдной доктрине большевизма — строить на развалинах прошлого новый мир?

— Тяни! — раздалась чья то команда. Длинный ряд красноармейцев навалился назад, ноги крепко уперлись в камни мостовой, сотни рук напряглись в единое усилие. Канат раскрутился, натянулся как струна. Ермак не дрогнул. Казалось, только вид его стал еще более суровым и величественным, как на картине знаменитого художника Сурикова, изображающей решающую битву Ермака с полчищами татарского хана Кучума, где, как и теперь в живой картине, представлено столкновение двух грандиозных сил, двух миров, двух стихий.

— Еще раз! — подается команда — сильней раскачивай!

Волной заколебалась линия красноармейцев и в ритм колебания опускался и напрягался канат. Руки красноармейцев деревенели, ноги подгибались, а стойкая фигура бронзового воина-великана была неподвижна.

Послышалась команда — отставить! Живая волна качнулась еще раз и застыла.

— Послать за трактором — скомандовал старший из штатских.

Мрачное осеннее небо становилось темнее от набегавших дождевых туч, ветер рвал и метал последние листья с оголенных тополей, злясь на несуразность человеческих отношений к своему прошлому.

Громадная толпа людей наполняла соборную площадь. Тоскливо было на душе людей, невольно ставших свидетелями одного из канибальских актов над историческим памятником прошлого казачества. Люди, наблюдая за зверством канибалов, как то невольно связывали свое будущее с вопросом: устоит ли дорогой их сердцу бронзовый богатырь-казак или им суждено видеть мертвые осколки, из которых не возродить его былой облик, а значит, и никогда не быть казачьей воле на своей потоптанной земле.

Были применены трактора, но цепи не выдержали и могущественный памятник Ермака остался неповрежденным, он и по сей день стоит на своем месте, такой же грозный и величественный.

Донской Кафедральный собор в Новочеркасске, величественный гигант, второй по величине во всей России, а по богатству украшений и внутреннему великолепию нет ему равного. Красные варвары не пощадили и этот религиозный памятник казачества. Сняли покрытую листовым золотом крышу с куполов, а также все золото и драгоценности внутреннего убранства собора, все расхитили. Собор, кроме того, подвергся оскорблению такому, которому не подвергались храмы ни в какие времена нашествия иноплеменников на христианские государства, и даже во время татарского ига на Руси. В соборе были устроены конюшни для красной кавалерии, которая на своих знаменах несла лживую советскую конституцию о свободе вероисповедания.

Много лет потрудилась советская власть над физическим истреблением казачества, много кровавых усилий потратило на уничтожение казачьего духа. Беспощадно уничтожалось старшее поколение, в страшные тиски безбожного растления человеческой личности была зажата молодежь.

Казачество крепко сковано большевицкими цепями и когда эти цепи будут сняты — ведано лишь Богу единому. Темной теменью глядит будущее на его сынов плененных большевицким варварством.

Страшно осознать свою неволю, но горечь ее смягчается сознанием величайшего подвига казачества, принявшего вызов всей большевицкой России с ее 200 миллионным населением и всех интернациональных сил коммунизма. Когда нибудь весь мир осознает грядущую для него опасность и, став на путь борьбы с коммунизмом, волей или неволей признает историческое первоначало этой борьбы, созданное неисчислимой кровью, беспримерной жертвенностью и непревзойденным мужеством и доблестью казачества.

Коммунизм в настоящее время угрожает всему миру, и если движение его не будет приостановлено своевременно, то мир будет порабощен. Об этом будет сказано особо в главе 19-ой.

КАЗАК

Тебе, казак, наездник беспримерный,
Я посвящаю этот стих.
Всегда ты в жизни скромный, в дружбе верный,
В борьбе отважен, смел и лих.

Давно победный стяг твой реет гордо
Над далью лет, над пеленой веков,
Всегда стоишь за правду жизни твердо,
Всегда за честь к борьбе готов.

Ты в годы зла и страшного разгула
С узды сорвавшихся страстей,
От рек своих, полей и до аула
Боролся с сонмом красных палачей.

В борьбе великой с темной страшной силой
Ты был, как рыцарь, одинок,
И пред разверзшейся могилой
Стоял спокойно, как пророк.

И, как пророк, скорбя, ушел в изгнанье,
Чтоб миру правду рассказать.
Какую чашу горького страданья
Ему готовит ада рать.

Культурный свет с усмешкой горделивой
Небрежно на тебя взглянул,
И сам с улыбкой вежливой и милой
Убийцам руку протянул.

Не будет длиться злая дружба вечно
Людской корысти с сатаной,
Растают горы злата скоротечно
В горниле истины святой.

И будет долго подвиг твой великий
Лить свет с надзвездной высоты,
На мир людской, несчастный, темный, дикий,
На мир духовной нищеты.

Лиенц — завершение бесчестья,
Которым долго запад шел.
Неправый путь и путь нечестья
К нему культурный мир привел.

Войдет в века позор, свершенный
В угоду воли сатаны!.
С ним век двадцатый просвещенный
На гребнях пенистой волны...

А как ты много, запад гордый,
О чести, воле толковал!
Берег для друга камень твердый
В тиши отточенный кинжал...

Укор, быть может, непонятен.
И не дойдет до сердца он.
Не смыть позора вечных пятен!
Не заглушить невинных стон!

Ю. К.

ГЛАВА XIX.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ.

«Жизнь пройти — не поле перейти» —
говорится в народной пословице.

Время быстро летит и вспять не возвращается. Летим и мы с какой то незаметной для нас быстротой. Скоро накопляются годы жизни нашей. Годы наши счастливые и благополучные, или же печальные и мрачные, — перемежаются, но конец их неотвратимо приближается.

Вот я родился 14 марта 1882 года, а теперь уже 1965 год. Период долгий и он также отмечен многими событиями.

За это время я был три раза женат — первый раз женился в 1900 г. на 18 летней скромной и славненькой девице Анфисе Денисовне, от которой было прекрасных четыре

сына: Вася, Коля, Геня и Женя. Мать этих детей была убита случайным снарядом в г. Екатеринодаре. Сыновья также все погибли. — Вася, старший сын, убит во время Белой борьбы с большевиками, остальные три сына погибли во Вторую мировую войну 1941—1945 г.г.

Второй раз женился на 19 летней красавице Виктории Филипповне в 1917 году и от этого брака у нас дочка Танюша, она живет в Америке и у нее трое детей. Мои внуки — Виктория, Коля и Женя.

Мариичка моя дочка, она родилась в 1933 г.

Третий раз женился в 1929 г. на красивой 19 летней Александре Константиновне, от которой двое детей — Мариичка и Женя. С последней женой мы прожили 33 года и по желанию жены, в 1963 г., разведены. Она осталась в моем доме с сыном Женей, а я перешел к своей милой доченьке Мариичке и в ее доме имею отдельный апартамент, предоставленный мне ею.

За этот период пришлось пережить много событий, из них главные:

Японская война, несовсем удачная для России, (1904—1905 г.г.).

Первая мировая война 1914—1917 г.г. с ея последствиями: февральской революцией, вынужденным отречением нашего добрейшего Императора Николая II, зловещим октябрем 1917 г., и утверждением коммунистической тирании над Россией.

Белая борьба с коммунистической тиранией. Варварское убийство большевиками Императора Николая Александровича с Августейшим Его Семейством.

Поражение Белого движения. Укрепление большевицкой власти в России. Террор, бедствия, голод и физическое уничтожение многих миллионов русских людей и поныне живущих под гнетом, в страхе и нищете.

Вторая мировая война 1941—1945 г.г. и ее окончание в пользу коммунизма, при помощи союзных государств — Англии, Франции и Америки.

Зверское предательство союзниками большевикам казаков (Лиенц) и множества русских людей, только за то что они были против коммунизма. Все это я видел и наблюдал а во многих событиях лично пришлось участвовать.

Я с дочкой Мариичкой, жена с сыном Женей и Галочка наша внучка посредине

КАЗАЧЬЯ ГОЛГОФА

(Из казачьего творчества последних лет).

Где бушует холодная Драва
От расстаявших выше снегов,
Каждый камень о жертве кровавой
Будет помнить во веки веков.

Где мохнатые высятся горы,
Задевая небесную гладь,
Ветер повесть греха и позора
Не устанет кружась, повторять.

Но сердца есть снегов холоднее
И бесчувственней сумрачных скал;
Сколько черных природных злодеев
Дьявол в слуги себе отыскал!

Что расскажут бессильные строфы?
Умолкают уста, не дыша...
Перед ужасом новой Голгофы
До сих пор цепенеет душа!

Обманули закон и защита
И растрогать мольбы не могли...
Кровь людей, неповинно убитых,
Вопиет, вопиет от земли!

Бьется Драва в безудержном плаче
О крутые свои берега:
Сколько было здесь жизней казачьих
Гнусно предано в руки врага!

Безоружной борьбой истомленных
Увозили на лютую смерть,
И безумные крики и стоны
Потрясали лазурную твердь...

А чудовища — танки с цепями
Волочили и рвали тела...
Кто, какими опишет словами
Торжество вероломства и зла?

Казаки, и казачки, и дети —
Цвет последней казачьей земли —
В самом страшном из бурных столетий
В западне навсегда полегли...

Там, где с гор низвергается Драва
С неумолчною песней своей,
Каждый камень о жертве кровавой,
Будет помнить, стыдясь за людей!

* * *

И вот, недавно вспоминая период своего детства и юношества, когда все было примитивно, просто и бесхитростно, и сопоставляя с современным, удивляюсь. Как все сказочно изменилось и стало непохожим на то, что было еще не так давно. Вот например, 8 апреля 1964 года, я отлетел на ракетном самолете в город Детройт к больной дочке — Тане, завтракал я в Сан Франциско, а обедал в Детройте. За 4 часа этот сказочный ковер самолет покрыл расстояние около трех тысяч миль, разве это не чудо? Еще сегодня читаю в газетах новое непревзойденное чудо: — огромный «Ранджер 7» был запущен на луну с мыса Кеннеди, во вторник 28 июля 1964 г. Этот аппарат достиг луны и сделал 4320 снимков с ее невидимой для нас, освещенной

солнцем стороны. Ученые уверенно, с восторгом и радостью объявляют, что они теперь скоро смогут запустить на луну астронавтов, т. е. людей. Человек неудовлетворен своими достижениями на земле и рвется вверх за облака, он уже облетел вокруг земли и теперь стремится еще выше.

Люди, как угорелые, вытаращив глаза, куда то торопятся, давят друг друга, бегут, жалуются, что у них нет времени, даже для разговора со встретившимся приятелем, они как бы спешат добежать скорей до конца. Приходится удивляться в чем же дело? Сравнивая старину, времена моей молодости с современной жизнью, прихожу к заключению, что хотя мы раньше жили без этих удобств но не плохо и было у нас вдоволь времени и для отдыха, и для развлечения и для науки. Куда же человечество пришло со своими совершенствованиями, в особенности с атомными бомбами, которые приготовляются для самоуничтожения в недалеком будущем.

СТАРАЯ СКАЗКА НА НОВЫЙ ЛАД.

В старину живали деды
Без волнений, без забот,
Ели вкусные обеды,
Пили пиво, пили мед.

Деды с бедами не знались,
Не тревожил их злой рок,
Веселились, потешались —
Как хотели, кто как мог.

Но прошло былое время,
На земле уж дедов нет,
Им на смену наше племя
Появилося на свет.

Стали все теперь гордиться,
Стали атом разлагать,
Думать, строить и учиться,
На луну ракеты слать.

Люд страдает многогрешный,
Жизнь теперь страшней в сто крат.
Вместо рая — ад кромешный, —
Вот вам жизнь на новый лад.

Но я хотел бы вернуться и сказать о прошлом, как наши российские мудрецы, ученые, генералы и «большие» люди подготовляли и подготовили гибель России. Я имею надежду, что наша Родина еще возможно воскреснет и освободится от большевицкого порабощения, но для этого необходимо всеобщее единение и просветление.

Многие годы российская общественность подготовляла ненужную роковую революцию.

Всякими способами и мерами подрывала государственные устои монархии.

В падении этого славного строя многие виноваты, особенно из людей близко стоявших к престолу, которые обязаны были, по своему положению, охранять этот строй. Но они или попустительствовали, или сами участвовали в разложении его. Все эти лица присягали царю служить верою и правдою и защищать Россию и своего монарха от всякой

крамолы. Но к сожалению большинство этого своего долга не выполнили, они изменили присяге, они клятвопреступники, они допустили бессмысленный пожар революции, который сжег Россию.

Высшая аристократия, которая должна была бы зорко и свято охранять священный дом Романовых допускала и подчас участвовала в создании вокруг двора недостойных и позорных сплетен, которыми оскверняли и умаляли престиж царского двора (Распутин и пр.).

После вынужденного отречения Императора от престола было образовано Временное Российское Правительство, во главе которого стал бездарный Керенский, с компанией февралистов и предателей генералов. Он, недостойный, взял бразды правления не ему принадлежащего. Он отстранял и преследовал тех людей, которые могли бы справиться с кучкой большевиков и не допустить их к власти, в самом начале революции.

Главная вина Керенского, это та, что он разложил своей болтовней царскую армию, эту гордость, славу и опору России. Русский солдат всегда был примером храбрости и исполнительности для всего мира, но преступная политика Временного Правительства погубила чудо-богатыря солдата, этого прославленного воина, любившего свою родину и полагавшего живот свой за нее.

Страшись, о, рать иноплеменных!
России двинулись сыны!
Ты в каждом ратнике узнаешь богатыря:
Их цель — или победить или пасть в пылу сражений...
За Веру, Отчизну, Царя.

И вот попустительством Керенского и ему подобных, большевицкая пропаганда сделала российского солдата врагом своего старшего брата-офицера, эта вражда разложила армию и флот. После чего солдаты и матросы пошли в тыл и помогали разрушить свою страну.

Казалось, что новое правительство из представителей «передового общества» наведет в стране порядок, но к сожалению ничего подобного сделано не было. Эти люди не были готовы к управлению великой страной. Они оказались никчемными людишками. Свергнув Императора эти пилаты умыли руки и от кучки большевиков разбежались, как крысы по помойным ямам. Мало того Помазанника Божьего с Августейшим Семейством предали на растерзание в руки большевиков, как Иуды.

Теперь эти потомки Иуды рассеялись по всему миру, отдав российский народ большевикам. Они в своем рассея-

нии организуют как бы противобольшевицкие группы, которым нет числа. Играют как дети в солдатики, устанавливают режим управления, проданной ими России, назначают министров, губернаторов и других сановников, деля шкуру с неубитого медведя. Между собою ссорятся, устраивают кулачный бой из-за системы управления и портфелей.

Какое бы не двигалось благое начинание эти «дельцы» всегда несогласны и каждый из них старается навязать свою идею, только чтобы помешать.

Оставленный предателями и трусами российский народ встретил со стороны большевиков заманчивые лозунги, как-то: мир хижинам, земля трудящимся, грабь награбленное и пр. Этим ложным обещаниям темная черная масса поверила.

В первую очередь за большевицкими вождями пошел преступный, уголовный элемент.

Эта темная чернь, не имеющая в своем сердце Бога, получившая свободу к насилию охотно присоединилась к большевикам и приступила к разрушению религии, культуры, и всего того, что было создано столетиями.

Разгул этой красногвардейской уголовно-преступной банды превосходит воображение.

Все здоровое население было терроризировано и находилось в страхе, опасности и отчаянии.

В это время из более сильных и преследуемых людей стало создаваться сопротивление этому разбою.

Большевицкие вожди убедились, что с этой разнузданной красногвардейской бандой им далеко не уйти, ибо эта свора интересовалась только грабежом и разбоем, а большевицким вождям теперь уже нужна была реальная сила для борьбы с возрастающей «контр-революцией», как они именовали всех тех кто противился их злу.

Тогда большевики призвали специалистов, бывших генералов, офицеров и унтер-офицеров, для спешного создания регулярной красной армии. В эту красную армию мобилизовались бывшие военные, одни гонимые страхом, другие не видя выхода сочувствовали большевизму, а третьи шли из любви к искусству, где воевать и для кого для них было безразлично. Но к глубокому прискорбию, с помощью и участием этого элемента, была создана миллионная армия, под руководством Лейбы Троцкого, которая спешно была брошена к границам Дона и на другие окраины, где было сопротивление. В это время Дон непризнавший большевизма оказывал упорное сопротивление и Л. Троцкий обратил особое внимание на этот фронт, он знал, что на Донском фронте решается судьба совдепии. На этот фронт он бросил свои красные полчища.

Борьба продолжалась три года. Казаки и добровольцы героически оборонялись, неоднократно переходя в успешное контр-наступление, но наконец уступили силе.

После, когда красные вожди справились с организованным белым сопротивлением, и, когда они остались свободными для проведения эксперимента над российским народом, они показали свои зубы и тому мужику, который слепо поверил их обещаниям и им содействовал. Тогда большевики отблагодарили этого мужика, и вообще всех кто помогал им справиться с сопротивлением казачества и добровольческой армией. Все, что у мужика было они отобрали и организовали колхозы, а остатки разгромленных имений обратили в совхозы. Что эти мужики разрушили, то большевики стали на свой лад восстанавливать. Недовольных посылали в лагеря принудительного труда, а более же активных ликвидировали, как контр-революционеров.

Мужик опомнился — почесал затылок и изрек: «за что боролись на то и напоролись», но было поздно, притих и успокоился, ибо красная безбожная власть зажала его в крепкие тиски НКВД.

Русский народ, прижатый к стенке, вместо обещанного рая теперь переносит нужду, голод, непосильный рабский труд и все советские прелести. Он тянет эту ужасную колхозную лямку безропотно, скрепя сердце.

В войну 1941—45 годах была мобилизована многомиллионная армия для борьбы с немцами из этих же мужиков. Обманутый большевиками народ не хотел воевать с немцами, за этих обманщиков, и вот эти мужики, теперь вооруженные солдаты, удаляли с пути тех начальников, которые были не с ними и сдавались немцам полками, дивизиями и армиями, расчитывая, что немецкая армия идет, как освободительница от большевизма. Но у Гитлера была другая цель — расчленить Россию и подчинить под свое владычество. И он вместо того, чтобы использовать эту российскую силу против ненавистных народу большевиков, безбожно и варварски уничтожал пленных, моря голодом и другими способами. Российские мужики снова просчитались и оказались между двумя огнями.

Хитрые и изворотливые большевики воспользовались невежеством Гитлера и его неумением использовать российскую могучую силу против них. Они использовали варварское обращение с русскими пленными, и это широко и умело пропагандировали по всей стране, для того чтобы мобилизованные солдаты знали, что их ожидает в немецком плену. Кроме того большевики в это для них трудное время переменили свою волчью шкуру на овечью, стали действо-

вать на русский патриотизм, при этом прикидывались, что они, как бы вернулись к прежнему-старому и чтят все старое русское. Они вспомнили Александра Невского, Суворова и других великих полководцев и вождей. Устанавливали в их честь ордена, для поощрения воинов красной армии, и даже открывали храмы и поощряли службы в них, правда священники назначались по выбору НКВД.

Для того, чтобы возбудить патриотизм и заставить армию сражаться, они пускались на обман и ложные обещания.

Пошел российский народ опять за большевиками, правда делая это скрепя сердце и затаив злобу к этим угнетателям, но другого выхода не было. Он пошел могучей убийственной лавиной, теперь уже мстя Гитлеру за умученных своих братьев в немецком плену, и смел эту казалось непобедимую железную армию, и своей силой расшатал великое германское государство, которое и до сего времени не востановлено.

Мое краткое сообщение показывает, что российский народ — сила.

Хотя российский народ и принял участие в разгроме немцев, но он вместе с тем, не забыл большевицкого обмана и издевательства, он всегда готов к борьбе с безбожной властью, но без какого то основательного толчка, внутри страны, или извне, он не может применить своей могучей силы, без оружия и руководства, ибо он окружен зорким глазом опричников НКВД.

Российский народ неоднократно испытал и хорошо усвоил бесполезность местных и неорганизованных восстаний, поэтому он ждет более удобного случая применения своей силы. Ждет прихода достойного вождя из своей среды, который бы повел по правильному пути этот народ, для окончательного и верного уничтожения ненавистной и не отвечающей желаниям народа большевицкой системы управления.

Для того, чтобы подготовлять эту борьбу для уничтожения коммунизма и стереть эту ненавистную систему, нужно действовать сообща и всем заодно, без всяких междуусобных пререканий и расхождений в методах борьбы за освобождение российского народа и восстановление былого великого российского государства.

Наш долг эмиграции — всеми способами стараться втягивать все государства мира в борьбу с международным злом. Необходимо доказывать, что коммунизм есть всемирное зло, почему и нужна активная борьба с ним всего мира.

Ведь коммунизм не так могуч, как нахален. Возьмем СССР: — на двести миллионов населения — коммунистов 7-6 миллионов, что соответствует трем процентам. Правда, эти бандиты вооружены и организованы, но ведь это соотношение нужно применить и к армии, где также много недовольных. Эту противобольшевицкую силу и возможность борьбы с коммунистами подтверждает недавний пример в Венгрии. К сожалению венгерские патриоты не встретили поддержки других стран. Они, эти страны, поступили по пословице «моя хата с краю». Но нам нужно напоминать этим беспечным, что и до их хаты скоро дойдет коммунистический пожар, который до тла может сжечь и их страны.

Коммунизм, в лице советских заправил, оказался дальновидным и напористым, он увидел, что запахло его концом, тогда он пошел на открытие своего истинного — дьявольского лица пред всем миром, он нагло, варварски бесцеремонно, вопреки всяким международным протестам и постановлениям подавил народное восстание маленькой героической Венгрии, утопил ее в море крови, раздавив железом и танками.

Конечно, единение всех народов необходимо, но мы, российский народ, должны быть застрельщиками в этой борьбе и едины, служа примером для других. Но к сожалению наш пример весьма не популярен по той причине, что нет у нас единения.

Все это россиянам надо искоренить, очистить эту ненужную накипь, придти к единению, здравому смыслу и поступить так, как поступали наши предки, а именно: они в наиболее критические моменты, когда нависала, казалось, неотвратимая беда, становились под знамя единства и страна превращалась в гранитную скалу духа и мощи и побеждала. И теперь это случится, если мы будем едины и всегда будем помнить, что в единении сила.

Одна у нас у всех народов должна быть цель и решимость, эта совместная, упорная и дружная борьба с большевиками, с этим мировым злом.

Но к сожалению борьба с коммунизмом в мировом масштабе обстоит слабо. Могущественная страна — Америка, своим могуществом, экономической силой и мощью сдерживает коммунистический натиск овладения всем миром. Но большевики всемерно стараются сломить эту американскую силу и их дьявольская работа в этом отношении проводится настойчиво и не без успеха. Они принимают всякие меры: — мирное сосуществование, лесть, угрозы войной, ибо знают, что грозить войной гораздо выгоднее, чем вое-

вать. Большевики заполучили под свое влияние весь Китай с населением в 700 миллионов, Индонезию в 80 миллионов, Тибет, половины Лаоса и Виетнама, а остальные половины скоро, возможно, будут также у них. Половина Кореи. Половина новых африканских государств. Алжир, Египет, Польша, Болгария, Румыния, Югославия, наконец Куба, у самых берегов Америки. И на все это большевики не затратили ни одного солдата.

Печальную новость сообщает начальник Эф-Би-Ай: 300 тысяч коммунистических агентов «мира» работают в капиталистических странах. Они проникли в правительственные органы свободных стран, имеют доступ к военным секретам, занимают места во всех видных организациях, наводнили пропагандой прессу, успешно разлагают молодежь свободных стран. А черная проблема, разве не дело коммунистов?

Зачем воевать! Да здравствует мир! Большевики воевать не хотят, не хотят воевать они еще потому, что как утверждает тот же начальник разведки Хувер — большевики считают, что «коммунизм должен строиться чужими руками». Чужими значит капиталистическими, и действительно, кто помогал и помогает коммунистам в их непрерывном экономическом кризисе? Только капиталистические страны. Десятки миллиардов долларов — американских долларов, переложены в коммунистические карманы.

СССР у капиталистов покупает зерно, все идет коммунистам — деньги, кредиты, зерно, машины и прочее. Коммунизм строится чужими руками, и главным образом американскими. Есть желание у американцев разрешить свободу торговли с коммунистическими странами, т. е. снять запрет на многие материалы, до стратегических включительно. Свобода торговли — это то, о чем мечтают, чего добиваются коммунисты! Зачем же им убивать курицу, которая несет золотые яйца нужные им для построения коммунизма во всем мире. Свободная торговля — уступка коммунистам, это сдача позиций чрезвычайной важности. Все это проводится, как бы для «укрепления мира» и «смягчения международных отношений». Такая политика Америки — установление дружеских отношений СССР умаляет престиж Америки пред союзными странами, да вообще она полезна только коммунистам.

Мировая организация коммунистов во главе с Советским Союзом работает чрезвычайно напористо и успешно, но особенно их работа протекает удачно в ООН, там они, в последнее время, стали полными хозяевами и эта органи-

зация готовит мир к порабощению, вот краткая история этой печальной правды. *).

В Сан Франциско в 1945 году состоялась конференция для организации ООН, в которой приняли участие 60 наций. Алджер Хисс был назначен генеральным секретарем этой конференции. К составлению Хартии он привлек членов института Тихоокеанских Отношений (прокоммунистическую организацию, способствовавшую передаче Китая коммунистам) и ряд других лиц, политическая неблагонадежность которых была впоследствии установлена.

На открытии ООН присутствовал Молотов. СССР стал одним из основных членов этой организации.

С первых шагов деятельности ООН выразилась в наблюдении за выполнением соглашений, состоявших на Ялтинской и Потсдамской конференциях. Государства Восточной Европы, кроме Греции, были превращены в сателиты СССР, и произведена была насильственная репатриация советских военнопленных, участников Власовской армии и беженцев из СССР. Берлин был разделен на две части. По окончании войны СССР с Японией, СССР получил Курильские острова и половину Сахалина. Корея была разделена на Северную и Южную.

Затем началось предательство по отношению к Китаю, в котором шла борьба между коммунистами и националистами. Китайские националисты лишились американской поддержки и континентальный Китай перешел в руки красных. Чан-Кай-Ши принужден был удалиться на Формозу.

Торжество коммунистов в Китае вызвало нападение Северной коммунистической Кореи на Южную. Под влиянием американского общественного мнения, ООН выступило на сторону Южной Кореи и американские войска под командой доблестного генерала Мак-Артура были отправлены ей на помощь. Согласно словам конгрессмена Ошера Л. Бердика, выступавшего с речью в Конгрессе, все стратегические действия американцев в Корее были контролированы Советом Безопасности ООН, вице-секретарем которого состоял тогда А. А. Соболев, коммунист из СССР, потому все распоряжения Мак-Артура становились известными командованию красных, ООН не допустило победы Мак-Артура и Корейская война окончилась для американцев бесславно, с потерей 147.000 убитыми, и стоила США более 20 биллионов долларов.

Во время восстаний в Польше, Восточной Германии и Венгрии, ООН не оказало никакой поддержки этим стра-

*) Данные почерпнуты нами из журнала «Согласие».

нам, и не выразило порицания Хрущеву за его зверскую расправу в Венгрии. Точно также ООН не выразила порицаний Китаю за разгром Тибета.

ООН совершило возмутительную по своей жестокости экспедицию в Конго для разгрома Катанги, и допустила зверства в Анголе. Интервенция в Конго обошлась за первые 6 месяцев в 66.624,000 долларов.

В Африке, Азии и Южной Америке не прекращаются восстания и войны, под предлогом борьбы с колонизацией. ООН способствует образованию мелких государств среди дикарей — вчерашних людоедов, — которые вступают членами ООН с правом такого же голоса, как и культурные государства, превращаясь в возможное орудие тех, кто заберет их в свои руки.

Куба сделалась плацдармом коммунистов в западном полушарии.

Перечисление всех «достижений» ООН за 19 лет ее существования с достаточной убедительностью доказывает, что она не только не принесла умиротворения народам, но наоборот, вызывает повсеместное брожение, причем угроза возможной третьей, атомной войны, остается в прежней силе. Разросшись в могущественную организацию, она превратилась в бюрократический аппарат для мирового господства Концентрация власти в ее руках угрожает человеческой свободе.

ООН состоит из Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи, Секретариата и Экономического Социального Совета, со множеством отделов, департаментов и агенств, которые составляют пирамиду возглавляемую Генеральным Секретарем.

Совет Безопасности предназначен для охранения мира между народами. В действительности в него входит военный штаб, который ведает стратегией всего мира. Согласно Хартии ООН, ни одно государство не имеет права взяться за оружие без разрешения Совета Безопасности, и в случае военных действий, Военный Штаб ООН берет войска других народов под свое командование. Военный штаб состоит из 5 членов, при чем один из них обязательно делегат от СССР.

Конгрессмен Джемс Уатт в своей речи в Конгрессе сказал, что Тригве Ли (первый Генеральный Секретарь ООН) в своей книге «За свободу» рассказывает, что Вышинский сообщил ему, будто составлено было тайное соглашение между Алджером Хиссом и Молотовым, по которому вице-секретарем Совета Безопасности всегда должен назначаться советский представитель.

Вице-секретарь Совета Безопасности возглавляет Департамент Политических дел и безопасности, и является первой рукой Генерального Секретаря ООН. И действительно, эту должность занимали:

с 1946 по 1949 г. — Аркадий Соболев, СССР
с 1949 по 1953 г. — Константин Зинченко, СССР
с 1953 по 1957 г. — Илья Чернышев, СССР
с 1957 по 1960 г. — Анатолий Добрынин, СССР
с 1960 по 1962 г. — Георгий Аркадьев, СССР
с 1962 по 1963 г. — Евгений Киселев, СССР, по смерти Киселева в 1963 г. Генеральным Секретарем У Тантом назначен на эту должность Владимир Суслов, также от СССР.

При свете этих фактов совершенно ясно, почему военные действия против Кубы были вдруг прекращены, она превратилась в советскую базу, а также почему борьба Южного Вьетнама против коммунистов тянется без конца.

Совет Безопасности находится в связи с Интернациональным Агенством Атомной Энергии, с Интернациональной Авиационной Организацией, с Междуправительственной Морской Консультивной Организацией и имеет в своем распоряжении множество разведывательных агенств.

В настоящее время выработан «договор о разоружении», который представлен на рассмотрение конференции в Женеве, согласно которому предложено всеобщее и полное разоружение: переобразование всех вооруженных частей и уничтожение всего оружия, за исключением того, что необходимо для поддержания порядка внутри каждой страны, и для вооруженных частей ООН: — «вооруженные силы ООН должны достичь полной мощи и силы так, чтобы ни одна страна не могла им противиться.

Под предлогом установления мира готовится рабство (свободный мир, подумай над этим, разберись и не сделай роковую и непоправимую ошибку).

Генеральная Ассамблея состоит из делегатов всех входящих в ООН наций (число их было в 1962 году — 104, теперь же оно увеличилось делегатами новых африканских государств). Каждая нация пользуется правом одного голоса (СССР имеет три голоса).

Делегаты и служащие ООН пользуются большими привиллегиями: они делегаты и служащие ООН обладают политической неприкосновенностью, не подлежат закону о квоте для приезда в Америку, получают большое жалование и пр. Они приносят присягу верности ООН.

Обширный Секретариат ООН имеет служащих всех национальностей. При организации ООН персонал от США

был набран по выбору Алджера Хисса в числе 494 человека. Большинство этих служащих, красных и розовых остались на своих местах. В настоящее время служащих в ООН насчитывается 4745, и еще 8276 в связанных с ООН агенствах.

Сенатская Комиссия расследования обратила внимание на проникновение коммунистов в число американских служащих ООН и потребовала их увольнения; 200 служащих Секретариата должны были подать в отставку, но Административный Трибунал ООН нашел это нарушением неотъемлемых прав, и всем этим лицам были выданы денежные компенсации. Куда дальше идти?

Генеральная Ассамблея имеет 7 комитетов:

1. Комитет Политики и Безопасности и специальный Политический Комитет.
2. Комитет Экономики и Финансов.
3. Гуманитарный и Культурный Комитет.
4. Опекунский Комитет.
5. Административный и Бюджетный Комитет.
6. Генеральный Комитет, состоящий из Ген. Секретариата и из 13 вице-председателей.

Все эти Комитеты ведают жизненными нервами государств и их экономики и вырабатывают систему контроля над ними.

Для того, чтобы поработить человечество, необходимо лишить его сопротивляемости, подорвать веру в Бога, принципы нравственности и обезволить его.

Задача «ЮНЕСКО» — «Культурно-научного Отдела Объединенных Наций» — воспитать «нового человека», гражданина мира, в советском духе. Эта выработка начинается с детского возраста, с «киндергардена». Детей освобождают от влияния родителей, от религии и «предрассудков». Патриотизм подвергается насмешкам, национализм считается угрозой миру. Патриотические песни исключаются из школ, религиозные и национальные праздники упраздняются. История извращается, чтобы показать «ошибки прошлого». Восхваляется ООН и братство народов. Поощряется «секс», в духе Колантай. Печатаются учебники и книги, авторы которых принадлежат к коммунистическому фронту.

Отдел ЮНЕСКО в ООН переполнен советскими специалистами. Общество «Дочерей Американской Революции» напечатало в 1963 году список советских представителей служащих в этом отделе. Главой среднего образования значится А. Ягалова, бывшая главой Инспекторского Отдела Министерства Просвещения СССР. В числе специалистов по программам значатся: Ф. Федоров, А. Кирпичников, В. Пономарев, В. Ковдо, Г. Скоров, Ф. Иванов, и К. Пучков.

В 1961 году ЮНЕСКО, при участии представителей от Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии, Украины, Белоруссии, СССР и Кубы составили трактат: «Конвенция против дискреминации в школах». Согласно этой конвенции, вся американская школьная система должна войти под контроль ЮНЕСКО и все частные и церковные школы должны быть упразднены. Эта конвенция была представлена на рассмотрение Конгресса США для ратификации, но к счастью ратификация до сих пор не состоялась. Тем не менее работа в этом направлении продолжается, и ЮНЕСКО влияет на преподавание в школах и на выбор учебников.

Решение Верховного Суда о запрещении молитв в школах следует приписать влиянию ЮНЕСКО.

Работа Гуманитарного и Культурного Комитета ООН не ограничивается — ЮНЕСКО. Для обработки мировоззрения взрослых составлен план под названием «Акт о психическом здоровьи» (Ментал Хелтс Акт) мировым Обществом Здравоохранения.

Как ни странно, но опять выплывает фамилия Алджера Хисса, при участии которого в 1948 году Объединенными Нациями было организовано «Мировое Общество Здравоохранения» (Уорлд Хельдс Организейшен). Общество это было утверждено Конгрессом США и ему было ассигновано 50 миллионов дол. в год, чтобы начать программу.

Под благой целью лечения психических болезней проводится цель «промывания мозгов».

В листке, распространенном Ассоциацией, для охранения психического здоровья говорится, что «принципы психического здоровья не могут быть успешно проведены в жизнь, если не будет осознана необходимость мирового правительства. Наша главная задача — преодолеть сопротивление реформам со стороны отдельных лиц и группировок. Нужно ввести психиатра в тесный контакт с администрацией и политическими лидерами для достижения законодательства, которое изменило бы социальные условия».

Доктор Брок Чизхольм, бывший исполнительный Секретарь О-ва Здравоохранения, которого Алджер Хисс рекомендовал как выдающегося доктора, читал ряд лекций в Вашингтоне, а также и в Калифорнии. Он проповедует, что причиной психических заболеваний является вера в Бога, христианская мораль, внушающие сознание греховности, чувство лояльности к своей стране и традициям. Люди зараженные такими предрассудками являются угрозой миру, их надо лечить, это — обязанность психиатра. Для психиатрического лечения имеются разные средства: шок, гипноз,

хирургия, химическая терапия, групповая терапия, наркоанализ и психодрама. «Некоторыми из этих методов могут пользоваться и не психиатры».

Психополитика — это наука и искусство овладеть мыслями и волей индивидуума и масс, и победить врага при помощи психиатрического лечения.

Конгрессен Ошер Л. Бердик, выступая перед Конгрессом США с разоблачением этого сатанинского плана, привел обращение главы ОГПУ Берии к студентам Ленинградского Университета: «В домах умалишенных, ваших стран нах, вы имеете тюрьмы, в которые могут быть заключены миллионы людей, которых можно держать там лишенными прав, и без надежды на свободу. И на этих людях вы можете практиковать шок и хирургию так, что они никогда не будут здоровыми. Вы должны добиться того, чтобы такое лечение стало обычным и приемлемым. И вы должны устранять тех лиц и те группы, которые хотят вести лечение успешным путем. (Архив Конгресса — «Конгрешионал Рекорд» — 12 июня 1957 года).

В области юридической ООН составлен план Мирового т. е. Интернационального Суда, которому будут подлежать лица всех национальностей, с применением наказаний до смертной казни включительно.

Согласно конвенции о Геносиде (уничтожение целых народов) нанесение «ментального» вреда (т. е. всякого кроме физического) какой нибудь расе будет караться как преступление по закону о геносиде, в духе суда в Нюренберге. За «ментальный» вред может быть признано даже слово.

Осуществление организацией Объединенных Наций плана мирового тоталитарного социалистического государства грозит человечеству беспросветным рабством.

Конгрессменом Джемсом Уттом внесен в Конгресс законопроект (Билл №9567) о выходе США из ООН и о прекращении субсидий этой организации. Сенатор и кандидат в президенты Голлдуотер высказывался против ООН.

Удастся ли мировым заговорщикам выполнить свой план порабощения народов, или ООН останется недостроеной Вавилонской башней и делегаты государств разъедутся по домам — решит будущее.

Приложение 1-ое.

ГЛАВА XX.

БИОГРАФИЯ ПОСЛЕДНИХ АТАМАНОВ ЗЕМЛИ ДОНСКОЙ 20-го ВЕКА.

Алексей Максимович КАЛЕДИН родился в 1861 г. в семье Донских казаков. Его отец воин времен Севастопольской обороны, передал сыну любовь к родине и военному делу. Казачьи колыбельные песни в напевах матери-казачки привили ему преданность и любовь Дону-Батюшке. Чуткая, бездонной глубины душа мальчика, восприняли все эти чувства с особой силой. Вот то зерно, из которого и вырос облик БЕЛОГО ВОЖДЯ и Атамана. Науки он изучал: в Михайловском Воронежском Корпусе, во 2-м Военном Константиновском и Михайловском Училищах и в Академии Генерального Штаба. Везде и всегда был выдающимся. Его нравственный облик всю жизнь был примером для окружающих. Он обладал исключительным моральным авторитетом. Всегда задумчивый и серьезный. Редкая его улыбка была праздником для близких и окружающих.

С производством в офицеры он вышел на Дальний Восток в Забайкальскую Казачью батарею и через три года поступил в Академию Генерального Штаба. Первые этапы его службы в Генеральном Штабе прошли в Варшавском Военном Округе, который в те дни выделялся своей военной подготовкой. Затем на Дону, в Войсковом Штабе. Дальнейшие три года при Управлении Резервной Пех. Бригады и снова на Дону в должности Начальника Новочеркасского Казачьего Юнкерского Училища, где и выявил свои исключительные способности облагораживать и укреплять душу будущих воинов, вселяя в их сознание понятие о долге, верности, справедливости и законности. Эти незыблемые свойства его натуры проявились в особенности, когда он получил должность Помощника Начальника Войскового Штаба на Дону и когда фактически он руководил всей военной жизнью и штабными работами в Крае. Он создал на Дону эпоху порядка. Очередным его назначением было — должность Командира Бригады 11 Кавказской Дивизии, а через полтора года он принял 12 Кавказскую Дивизию. До Великой Войны он успел прокомандовать ею два года и за этот срок превратил эту прекрасную всегда Дивизию в блестящую, равной которой на войне не оказалось. Доблести и подвиги этой Дивизии поставили Генерала Каледина в первый ряд Кавалерийских Начальников.

Осенью 1915 года он принял 12 Армейский Корпус, а весной 1916 года командовал уже 8-й Армией. Блестяще

подготовив и выполнив Луцкий прорыв, Генерал Каледин занял место в ряду первых вождей русской армии.

Свершилась революция. Его несгибаемость перед разложением, вводившемся в армии вынудили Генерала Каледина, «по болезни», покинуть ряды Действующей Армии. Донское Казачество избрало его своим Атаманом. Его деятельность на Дону в 1917 году известна читателю. Родилось Белое Движение. Он основоположник такового.

Трагическое положение на Дону приводит к роковому выстрелу. Честный, мудрый, твердый, скромный и благородный Генерал Каледин вошел яркой и непомеркнувшей звездой первой величины в историю Отечества, как Вождь и как Донской Атаман.

—

Имя Донского Атамана **Генерала КРАСНОВА** связано с героической борьбой Донского Казачества в 1918 г. с советской властью. Этот период вошел в жизнь Дона и историю Белого Движения под наименованием Красновскодо периода.

Петр Николаевич родился в 1869 году. Заслуженный род Красновых дал целую плеяду выдающихся боевых героев. Один из них, походный Атаман удостоился чести быть Шефом Донского Казачьего полка, сам Петр Николаевич достиг наивысшего поста Донского Атамана. Любовь к военному делу Петр Николаевич воспринял от своих предков при рождении. Перейдя из гимназии в Кадетский Корпус, он затем окончил фельдфебелем роты Его Величества Павловское Военное Училище. Павловская школа прочно вложила в его натуру познания сути и тонкости военного дела. Одаренная его натура восприяла начальные знания Академии Генерального Штаба, куда он поступил блестяще, но откуда при переходе на старший курс отчислился, явившись жертвой людской несправедливости и собственной врожденной гордости. Он окончил полный курс Кавалерийской Школы. Эта добровольная его «пересадка» на кавалерийское седло была «казакаманами» понята много позже, когда Генерал Краснов стал выдающимся кавалеристом. На протяжении двадцатитрехлетней службы в рядах Лейб-Гвардии Атаманского полка его знала армия, как лихого наездника и скакуна спортсмена, выдающегося Начальника разведчиков и командира сотни. Трехлетнее командование 1-м Сиб. Каз. полком на далекой окраине, у «Подножия Божьего трона» (Памир), было сплошным военным праздником и славой его и сибирских казаков. Этот полк на войне блистал

славой и доблестью. На Великую войну Генерал Краснов выступил с 10 Донским Казачьим полком, который получил в 1913 году. Он успел отшлифовать все отделы службы в полку настолько, что и этот полк был всегда весьма выдающимся. Дальнейшее командование бригадами в 1 Донской и Туземной Дивизиях, завершилось двухлетним командованием 2-й Сводной Казачьей Дивизией. На этой должности Генерал Краснов выявил себя во весь рост, как выдающийся кавалерийский нач-к.

В дни революции, после кратковременного командования 1 Куб. Каз. Дивизией, Генерал Краснов в конце падения Временного Правительства принял 3-й Конный Казачий Корпус.

Помимо боевой славы, Краснов известен как военный писатель и сотрудник военных изданий, как составитель военных очерков, памяток и руководств. Его исторические романы и повести создали ему мировую славу писателя. В рядах Русского Воинства, а в особенности среди казаков, Генерал Краснов пользовался исключительным авторитетом. Он подобно вечевому колоколу, будил уснувшие души, внедряя надежды и бодрость.

После трагической смерти Атамана Генерала А. М. Каледина, Дон был занят большевиками, которые начали проводить террор над казачеством. Казачество Дона скоро разгадало большевицкое лицо и в ответ на большевицкий террор поднялись восстания во всех уголках края и скоро низовые станицы Дона заняли Новочеркасск. Был созван Круг Спасения Дона, на котором был избран Атаманом ген. Петр Николаевич Краснов. В необычайно тяжелых условиях принял 4-го мая 1918 года Донской Атаман П. Н. Краснов пернач из рук Круга Спасения Дона. Об этом событии войска и население в тот же день были оповещены приказом ном. 1, в котором говорилось: «Волею Круга Спасения Дона я избран на пост Донского Атамана с предоставлением мне полной власти во всем объеме. Объявляя при сем Основные Законы Всевеликого Войска Донского, предписываю всем ведомствам, учреждениям и всем вообще казакам и гражданам Войска ими руководствоваться...»

После вступления на должность Атамана всюду сказывался его недюжинный организаторский талант. Всюду во всех отраслях жизни Дона, рельефно выступали достижения его огромного творчества и его неутомимой энергии. Район, очищенный от большевиков, ежедневно увеличивался; действующая армия, переформировываемая постепенно из казачьих ополчений, дружин и партизанских отрядов, в строй-

Последние атаманы В. В. Донского.
1. Генерал А. М. Каледин, 2. Ген. П. Н. Краснов, 3. Ген. А. П. Богаевский, 4. Ген. П. Х. Попов, 5. Ген. А. М. Назаров.
Внизу справа Ген. С. В. Павлов походный атаман Казачьих Войск Второй Мировой Войны и его заместитель пол. В. А. Беляевский, а в центре Ген. К. К. Мамонтов, замечательный своим непревзойденным кавалерийским рейдом вглубь противника в войну 1918—1920 г.г.
Сверху в центре — Герб Земли Донской.

ную организацию, одерживала успех за успехом, беря тысячи пленных и огромные трофеи; росла и крепла краса и гордость Дона постоянная армия и молодые казачата, словно по волшебству, превращались в настоящих дисциплинированных воинов, по духу и выправке; возростало и экономическое состояние Дона; работали полным темпом заводы и фабрики, строились новые, обещавшие дать казакам свое донское сукно, свои патроны, винтовки, мыло, стекло и т. д., появились новые деньги, но не обесцененные, а дорогие; цены на все пали и на рынках и в магазинах было полное изобилие всего; прекратился произвол и обыватель мог быть совершенно спокоен за свою жизнь и быть уверенным, что насилие допущено не будет. В общем Дон зажил своей собственной жизнью и процветал, к тому же в этом году урожай хлебов оказался небывало обильным, его снятие было обеспечено; была сформирована молодая армия из казаков по возрасту подлежащих призыву, эта краса и гордость была резервом и опорой Краснова и всего Дона. При Краснове Дон был полностью очищен от большевиков. Буквально во всем был достигнут колоссальный успех и, конечно в достижении таких реальных и блестящих результатов в короткий срок нужно отнести исключительно к таланту и большому государственному уму Донского Атамана ген. П. Н. Краснова.

Понятно, что при таких условиях популярность Краснова не только в войске, но и за его пределами росла с каждым днем. И, видимо, это кому то не нравилось.

Зародившиеся в кругах Добровольческой армии ненависть к германцам, вскоре заразила и донскую оппозицию, всегда имевшую теплую поддержку в лице Добровольческого Командования. Для примера, а таких примеров было много, на одном из заседаний Войскового Круга раздались голоса оппозиции, обвинявшие Атамана за его сношения с немцами и ставившие в пример кристальную чистоту Добровольческой армии и ее непоколебимую веру в союзников. Тогда П. Н. Краснов на это сказал: «Да, да, господа, Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь я, Донской Атаман, своими руками беру грязные немецкие снаряды и патроны, омываю их в водах Тихого Дона и чистыми передаю Добровольческой армии. Весь позор этого дела лежит на мне». Меткая фраза Атамана вызвала гром аплодисментов и нападки временно прекратились, но это не надолго. Зависть, клевета и беспричинные нападки продолжались и усиливались, которые заставили этого Донского богатыря оставить свой пост, созданную им армию и свой родной и милый Дон.

26 декабря 1918 года состоялось свидание Главнокомандующего Добровольческой армии Генерала Деникина и Донского Атамана Генерала П. Н. Краснова. Во время этого свидания в Торговой на Дону, Деникин добился титула Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России, и с того времени Донская армия вошла в его подчинение. Краснов уступил, но он знал, что с этого дня наступит начало конца его славных дел. Созданная им система и донская армия с таким трудом, будет разрушена новым руководством. В первых числах января 1919 года ген. Краснов выехал в Батум и первое время жил в маленькой даче со своей супругой.

П. Н. Краснов участвовал во 2-ой Мировой войне, возглавлял казачье движение в борьбе против большевиков, В Лиенце был выдан союзниками большевикам, вместе с десятками тысяч казаков и их семейств. Петр Николаевич Краснов погиб от руки палачей 16 января 1947 года в Москве.

—

Африкан Петрович БОГАЕВСКИЙ родился в 1872 г. Отец его — войсковой старшина Донского войска, участник Севастопольской обороны.

По окончании Донского Кадетского Корпуса и Николаского Кавалерийского Училища, он вышел в Лейб-Гвардейский полк. С 1895 года он состоял слушателем в Академии Генерального Штаба, которую окончил в 1900 году. Всю службу по Генеральному Штабу он проходил в Штабе Войск Гвардии и Петербургского Военного Округа, а последние пять лет перед Великой войной был Начальником Штаба 2 Гвард. Кавалерийской Дивизии.

В начале войны был назначен сперва Командиром 4-го Мариупольского Гусарского полка, а затем принял Лейб-Гвардейский Сводно-Казачий полк, которым командовал до 1916 года, когда был назначен на должность Начальника Штаба Походного Атамана всех Казачьих Войск. На этом посту он был зачислен в Свиту Его Величества.

После февральской революции, командовал Забайкальской Казачьей Дивизией, а в конце 1917 года принял 1-ю Гвард. Кавалерийскую Дивизию, которую оставил в городе Киеве, чтобы ехать на Дон. Службу Белому Делу начал с 5-го января, вступил в командование войсками Ростовского Района. Когда Добровольческая армия выступила в Первый Кубанский Поход, в ее рядах отправился и генерал Богаевский, приняв партизанский полк, а после соединения с правительственным Кубанским Отрядом, принял 2-ю Бригаду

Добровольческой армии. В 1918 году в дни власти на Дону Атамана генерала Краснова, он был назначен председателем Донского правительства и Управляющим Отдела Иностранных дел.

Когда 5 февраля 1919 года, в связи с создавшейся военно-политической обстановкой на Юге России, Атаман Генерал Краснов под влиянием интриг ушел со своего поста, генерал Богаевский был избран Войсковым Кругом в Донские атаманы, с ограничением полноты власти, как это имел Краснов, т. к. Верховная власть на Юге России принадлежала Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России ген. Деникину. До своей смерти, которая последовала в октябре 1935 года, ген. Богаевский продолжал состоять Донским атаманом, находясь уже за рубежом своего родного Дона.

—

Генерал **Петр Харитонович ПОПОВ** родился в 1867 году. Отец его Донской казак. После Новочеркасской гимназии и Юнкерского Училища, которое окончил вахмистром, он служил в 8-м Донском Казачьем полку. По окончании Академии Генерального Штаба, он дальнейшую службу по Генеральному Штабу нес в Московском Военном Округе и был преподавателем военных наук в Александровском Пехотном Училище. В 1910 году он был назначен Начальником Новочеркасского Военного Училища и на этой должности состоял все время до начала февраля 1918 года.

Когда походный атаман генерал Назаров был избран Донским Атаманом в первых числах февраля месяца, генерал Попов был назначен Походным Атаманом, это совпало с тем моментом когда Дон прекратил временно уже сопротивление советской власти, генерал Попов с отрядом оставил Новочеркасск и выступил в Степной Поход.

В 1918 году (5 мая) Донское Казачество избрало Атаманом генерала Краснова, генерал Попов ушел в отставку. После избрания в Донские Атаманы генерала Богаевского, генерал Попов занял должность Председателя Донского Правительства. В последующие годы эвакуации Новороссийской и Крымской он выполнял поручение по делам донских беженцев.

Вооруженная борьба Донского Казачества с советами в первый период Белой борьбы завершилась Степным Походом. Добровольческая армия 9 февраля 1918 года покинув г. Ростов и пределы Дона, ушла на Кубань. 22 января 1918 года погиб в неравном бою, душа обороны, полковник Чернецов.

Полковник Чернецов
Погиб от руки предателей Дона 22 января 1918 года.

В это время большевицкие орды со всех сторон окружали Дон и столицу Дона Новочеркасск. Когда поступили сведения о том, что Добровольческая армия покидает Дон, и выяснилось, что Северный фронт закрепиться не может, создалось безвыходное положение. Каледин выстрелом закончил свой земной путь. 12 февраля отряд Донских казаков под командой Походного Атамана генерала Попова ушел из столицы края в Сальские степи.

Руководители Степного похода были уверены, что Дон весной восстанет, ибо им было известно, что по замыслам большевиков казачество должно было быть совершенно уничтожено.

И действительно, в исполнении указанного постановления начались неописуемые грабежи, зверства, садистские жестокости, насилия и массовые расстрелы.

На Дону начались в разных местах восстания в ответ на большевицкий террор. Первые искры восстания загорелись в низовых станицах Дона 8 марта, затем в верховьях Дона и 6 апреля 1918 г. восстали казаки 2-го Дон. Округа. Это восстание носило название «Суворовского».

Руководство этого восстания имели сведения о нахождении отряда ген. Попова, они решили послать двух казаков-гонцов известить ген. Попова, что Нижне-Чирская станица и некоторые хутора заняты восставшими казаками и нуждаются в срочной помощи. Походный атаман с радостью принял гонцов и отпустил генерала Мамонтова. С ним добровольно пошли 80 офицеров и несколько казаков. Отряд ген. Мамонтова имел одно орудие и несколько пулеметов. Генерал Мамонтов придя с отрядом в стан. Нижне-Чирскую возглавил командование над восставшими казаками, а впоследствии был назначен командующим войсками Царицинского фронта. В Суворовском восстании я принимал участие, а затем в войсках ген. Мамонтова был интендантом.

Когда ген. Мамонтов ушел со своей группой в стан. Нижне-Чирскую, к ген. Попову прибыли представители от восставших низовых станиц, они доложили ему, что весь Дон охвачен восстаниями и просили возглавить восстание, как единственного сохранившего законную власть на Дону до избрания нового Войскового Атамана. Походный Атаман ген. Попов немедленно выступил с отрядом и принял бой с большевиками за столицу Дона — Новочеркасск. Отряд Попова воодушевил восставших казаков в борьбе с большевиками. Неменьшей радостью была встреча в Новочеркасске с отрядом генерала Дроздовского, который оказал большую помощь укреплением позиций под Новочеркасском.

Бытие Степного отряда сохранило приемственность Донской Власти и дало право утверждать, что Донское Казачество не прекращало борьбу с советами, каковая была начата 26 октября 1917 года.

Эти выводы определяют смысл и значение Степного Похода Донских казаков под командой Походного Атамана генерала Попова.

—

Анатолий Михайлович НАЗАРОВ родился в донской казачьей семье. Донской казачий Корпус, Михайлов-

ское Артиллерийское Училище и Академию Генерального Штаба Анатолий Михайлович окончил в числе первых. Прослужив три года в 1-й Донской Казачьей Батарее он прекрасно выдержал экзамен в Академию и блестяще окончил курс. С объявлением Великой войны он получил 20-й Донской Казачий полк. В руках генерала Назарова этот второочередной полк сразу выделился из общей среды подобных ему частей. Генерал Назаров получал самые ответственные задачи. Блестящее их выполнение закрепили за ним славу боевого начальника и авангардного и арьергардного. В 1915 году генерал Назаров командует уже отдельной бригадой на Кавказском фронте. К концу войны он назначается Начальником Кавказской Кавал. Дивизии, а затем Командиром Кавказского Корпуса. Прибыв в Новочеркасск, в то время, когда атаманом был ген. Каледин, ген. Назаров остался в распоряжении атамана и был назначен Командующим Войсками Ростовского Военного Округа. После смерти генерала Каледина ген. Назаров был избран Донским Атаманом, но за короткое время не смог организовать отпор наседавшим на столицу Дона большевикам. Город Новочеркасск был занят изменником Голубовым. Атаман Назаров был арестован и через пять дней был большевиками расстрелян. Почему ген. Назаров не отступил с отрядом Походного Атамана ген. Попова причина не выяснена. Есть предположение, что он имел намерение договориться с Голубовым, склонив его на свою сторону. 17 февраля атамана Назарова не стало.

—

Генерал **Константин Константинович МАМОНТОВ.** Жизнь и служба русского генерала с казачьей душой красочна, богата и героична. Он, окончив Николаевское Кавалерийское Училище, вышел корнетом в Конно-Гвардейский полк. В Японскую войну, в чине штаб-вахмистра он командовал казачьей сотней и получил орден св. Владимира с мечами и бантом и чин ротмистра. Столкнувшись с казаками в войну в боевой обстановке, он узнал и полюбил их, и его приписали казаком к одной из станиц Дона. С этого момента и до конца своей жизни он не покидал казачьи части, служил сначала в 1-м Донском Казачьем полку. В Первую Мировую войну К. К. Мамонтов выступил из станицы Константиновской в армию ген. Рененкампфа во главе 19-го Казачьего полка. Проявил исключительную доблесть на фронте. После был назначен командиром 6-го Донского Каз. полка. Германскую войну ген. Мамонтов кончил командиром бригады в Дивизии ген. Пономарева, с остатками

которой прибыл в станицу Нижне-Чирскую. В ст. Нижне-Чирской ген. Мамонтов сформировал партизанский отряд и с этим отрядом прибыл в гор. Новочеркасск в распоряжение ген. Каледина, а затем влился в отряд Походного Атамана ген. Попова и вместе с ним ушел в Сальские степи. Весной восставшие казаки просили ген. Попова о помощи и он отпустил ген. Мамонтова в ст. Нижне-Чирскую, где тот стал во главе восставших казаков. Затем, когда восстание охватило весь Дон, он был назначен командующим войсками Восточно-Царицинского фронта.

Боевое счастье всегда сопутствовало ген. Мамонтову. Знаменитый рейд генерала Мамонтова прославил его на весь мир и вписал блестящую страницу в историю Дона.

—

Походный Атаман **Сергей Васильевич ПАВЛОВ**, — казак Екатерининской станицы Донской Области, родился 4-го октября 1896 г. в гор. Новочеркасске. Отец его, Василий Михайлович Павлов, в чине войскового старшины, всю жизнь прослужил в казачьих войсках, а в 1921 году был замучен в застенках ГПУ.

С. В. Павлов окончил Кадетский Корпус в Новочеркасске, потом Николаевское Кавал. Училище в Петрограде, где был одним из лучших джигитов. В 1914 г. С. В. отправился на фронт в 47 Донском Каз. полку. В Белом движении на Юге России все время участвовал в казачьих частях, в которых проявлял исключительную доблесть и отвагу. С. В. Павлов имел многие награды за боевые отличия. Подробная его биография описана в моей книге «Вторая мировая Война».

17 июня 1944 года, недалеко от Новогрудка, в походе с казаками Походный Атаман Павлов был убит, имя его останется навсегда в сердцах казачества.

—

Василий Арсеньевич БЕЛЯЕВСКИЙ родился 14 марта 1882 года. Отец его участвовал в войне с турками в 1877 году, вахмистр, имел полный бант георгиевских крестов и медалей.

Отец и мать В. А. Беляевского, были религиозные, трезвые, скромные и уважаемые обществом, люди; отец многие годы и до самой революции 1917 г. был избираем хут. атаманом. Детей своих он воспитывал в духе скромности, религиозности, трезвости и трудолюбия. Вот таким и был В. А. Беляевский. Образование В. А. получил ниже-среднего. В январе месяце 1904 г. поступил в 5 Дон. полк, слу-

жил в 14 Донском ,Каз. полку, а затем был переведен в Штаб 14 армейского корпуса на должность зав. продовольственным отделом. В начале января месяца 1914 года был послан в главное Варшавское Интендантское Управление для прослушивания 3-х месячных курсов по снабжению войск продовольствием. Курсы прослушал успешно.

С объявлением войны Германией в 1914 году, 14 армейский корпус развернулся в 8 армию и Беляевский был назначен Начальником продовольственного снабжения армии.

В. А. Беляевский участвовал в Суворовском восстании.

На Царицинском фронте первое время занимал должность интенданта, а затем был вызван в Главный Штаб Донского Войска для работы в отделе снабжения, где и работал по снабжению Донской и Добровольческой армии.

Во время 2-й Мировой войны был помощником по хоз. части у Походного Атамана С. В. Павлова, а после его смерти генералом П. Н. Красновым был послан в Главное Управление Власова для связи и информации.

ДОНСКОЙ ВОЙСКОВОЙ ГЕРБ.

1. На самом верху золотой пернач войскового атамана. 2. Под ним серебрянный круг — идея Войска, как хозяина Донской Земли. 3. В серебрянном кругу Донской присуд — территория Дона, а) верхняя полоса зеленая — наша степь Донская, б) под ней синяя полоса — Синий Дон, в) ниже серая — Азовское море, которое встарину называлось «Казак-дангис» по тюрски — Казачье море. А над ним вверху, как символ нашей Донской славы, чести и гордости казачьей — крепость Азов. 4. Внизу щита сине-желто-алая широкая лента — наш Донской флаг. 5. По бокам щита четыре белых бунчука — символ нашего восточного происхождения.

Из Казачьего Календаря за 1957 год, изд. полк. Болдырева.

Приложение 2-ое.

ГЛАВА XXI.

УБІЙСТВО.*)

1 іюля, въ 8 часовъ утра, соборный протоіерей отецъ Стороженъ былъ разбуженъ сильнымъ стукомъ въ дверь.

---

*) Глава изъ книги И. П. Якобія «Николай II и Революція». Печатается съ сохраненіемъ орфографіи подлинника.

Онъ отперъ и увидѣлъ передъ собой невзрачнаго солдата съ маленькими бѣгающими глазками на рябомъ лицѣ. Священникъ тотчасъ узналъ его: это былъ одинъ из караульныхъ Ипатьевскаго дома, уже разъ приходившій позвать его служить обѣдню для плѣнной Царской Семьи. Передавъ и на этотъ разъ такое же распоряженіе отъ имени коменданта, солдатъ исчезъ.

Волнуясь при мысли снова увидѣть Царя, священникъ, сопровождаемый діакономъ Буймистровымъ, отправился въ десять часовъ въ Ипатьевскій домъ. Было свѣжо и пасмурно. Въ комнатѣ коменданта, куда ихъ ввели, была отвратительная грязь и царилъ безпорядокъ. На кровати храпѣлъ одѣтый человѣкъ. За столомъ сидѣлъ Юровскій и пилъ чай, закусывая хлѣбомъ съ масломъ.

«Сюда приглашали духовенство; мы явились. Что мы должны дѣлать?» спросилъ протоіерей.

Юровскій долго и пристально поглядѣлъ на него.

«Обождите здѣсь, а потомъ будете служить обѣдницу».

«Обѣдню или обѣдницу?».

«Онъ написалъ: обѣдницу», повторилъ Юровскій.

Замѣтивъ, что протоіерей зябко потираетъ руки, Юровскій спросилъ, съ оттѣнкомъ насмѣшки, здоровъ ли онъ.

«Я недавно болѣлъ плевритомъ и боюсь, какъ бы не возобновилась болѣзнь».

Юровскій началъ самодовольно высказывать свои соображенія по поводу лѣченія плеврита... Онъ забылъ назвать тотъ способъ, который обычно примѣнялъ въ Чека: свинцовую пулю въ голову больного.

Когда священникъ и діаконъ облачились и было принесено кадило съ горящими углями, Юровскій пригласилъ ихъ пройти для служенія въ залъ, гдѣ уже ожидали, сидя въ креслахъ, Императрица и Наслѣдникъ, а также обѣ старшія Великія Княжны.

Въ это время вошелъ Государь, въ сопровожденіи другихъ двухъ Дочерей.

Юровскій спросилъ: «Что у Васъ всѣ собрались?»

«Да, всѣ!», послышался спокойный голосъ Государя.

Въ залѣ присутствовали еще докторъ Боткинъ, дѣвушки и трое слугъ.

Всѣ жертвы были налицо.

А въ углу мрачный, безстрастный, стоялъ палачъ Юровскій.

Началось богослуженіе. Голоса служителей раздавались въ тревожной тишинѣ. И тутъ произошло одно изъ тѣхъ мелкихъ событій, все трагическое значеніе которыхъ выясняется лишь, когда они отошли уже въ прошлое; одно изъ

тѣхъ таинственныхъ предзнаменованій, которыя падаютъ какъ черныя тѣни отъ грядущей неумолимой судьбы.

По чину обѣдницы положено въ опредѣленномъ мѣстѣ прочесть молитву «Со святыми упокой». Почему-то на этот разъ діаконъ, вмѣсто прочтенія, запѣлъ какъ на панихидѣ эту полную скорби, волнующую душу молитву, запѣлъ и священникъ, нѣсколько смущенный такимъ отступленіемъ отъ устава, и тотчасъ услышалъ, что стоявшая позади вся Царская Семья опустилась на колѣни...

Это была Ея молитва въ Гефсиманскомъ саду, передъ страданіемъ и смертью, молитва души «скорбѣвшей до смерти»; послѣдняя Ея церковная молитва на этой землѣ.

Палачи, ослѣпленные ненавистью и страхомъ, могли издѣваться надъ Ихъ бренными тѣлами, души Ихъ уже были у Престола Высшаго Судьи, передъ которымъ равны великіе и малые, цари и нищіе.

Въ то время, когда взволнованный священникъ проходилъ мимо Великихъ Княженъ, ему послышалось едва уловимое слово: «спасибо».

Послѣ богослуженія всѣ приложились къ кресту, при чемъ діаконъ вручилъ по просфорѣ Государю и Императрицѣ...

Молча вышли священнослужители, подавленные мрачными предчувствіями; вдругъ діаконъ сказалъ: «Знаете отецъ протоіерей, у нихъ тамъ что-то случилось».

Отецъ Сторожевъ даже остановился и спросилъ съ тревогою: «Почему вы такъ думаете?» — «Да такъ», отвѣтилъ діаконъ, «они всѣ какіе-то другіе точно, даже и не поетъ никто». И дѣйствительно, въ этотъ разъ впервые никто изъ Царской Семьи не пѣлъ за обѣдней.

Въ то же утро изъ Москвы возвратился Голощекинъ. Послѣ обѣда было созвано совѣщаніе изъ нѣсколькихъ членовъ президіума Совѣта. Это была маленькая группа главарей, которые собирались въ особо важныхъ случаяхъ: Бѣлобородовъ, Сафаровъ, Голощекинъ, Войковъ и латышъ Тупетуль, молчаливая личность, едва понимавшая по-русски, что не мѣшало ей голосовать всегда за самыя кровавыя мѣры. Голощекинъ разсказалъ о своихъ переговорахъ со Свердловымъ и сообщилъ распоряженіе всемогущего предсѣдателя Центральнаго Совѣта: Царская Семья должна быть уничтожена.

Никто изъ этихъ большевиковъ лично никогда не пострадалъ ни отъ стараго режима, ни отъ того человѣка, который являлся представителемъ его въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ, и все же никто из нихъ не проявилъ ни малѣйшаго колебанія, не почувствовалъ ни тѣни жалости, ни

голоса совѣсти передъ истребленіемъ цѣлой семьи, женщинъ и дѣтей. Спокойно разработали подробности убійства и мѣры, которыя надо было принять, чтобы не возбудить подозрѣній. Впрочемъ Юровскій былъ человѣкъ находчивый и положиться на него можно было вполнѣ.

И дѣйствительно, вотъ что произошло за нѣсколько дней до этого.

28 іюня, около пяти часовъ вечера, по дорогѣ въ село Коптяки, лежащее въ двадцати верстахъ отъ Екатеринбурга, шелъ молодой человѣкъ въ форменной фуражкѣ.

Идти надо было лѣсомъ; остановившись отдохнуть, молодой человѣкъ машинально вырѣзалъ на корѣ березы свое имя и число. «Горный инженеръ И. А. Фесенко. 28 іюня 1918 г.». Эта надпись и позволила впослѣдствіи отыскать этого вѣрного свидѣтеля и снять съ него показаніе. Фесенко только что окончилъ горный институтъ и былъ посланъ на изысканія въ область Верхъ-Исетскаго завода. Въ этотъ же день на дорогѣ ему повстрѣчались три всадника, среди которыхъ онъ узналъ Юровскаго. Чекистъ остановилъ коня и перебросился нѣсколькими словами съ Фесенко и, только отъѣзжая, вдругъ обратился къ нему съ вопросомъ, показавшимся страннымъ молодому человѣку: «Можно ли проѣхать по этой дорогѣ на Коптяки и далѣе на грузовикѣ?» И спѣшно прибавилъ: «Намъ нужно провезти хлѣбъ, 800 пудовъ хлѣба».

На самомъ дѣлѣ въ Коптяки надо было провезти тѣла одиннадцати замученныхъ жертвъ, убійство которыхъ должно было произойти через пять дней.

2 іюля утромъ Медвѣдевъ прислалъ въ Ипатьевскій домъ четырехъ женщинъ для мытья половъ, Марію Стародумову, Вассу Дрягину и двухъ другихъ. В столовой онѣ неожиданно для себя увидѣли всю Царскую Семью, которой стали отвѣшивать низкіе поклоны, получая въ отвѣтъ милостивыя улыбки. Обрадованныя маленькимъ развлеченіемъ, Великія Княжны начали дѣятельно помогать уборщицамъ передвигать мебель въ комнатѣ, разговаривая съ ними вполголоса, чтобы не привлечь вниманія Юровскаго. Въ это время Юровскій, сидя около Наслѣдника, съ участіемъ разспрашивалъ Его о здоровьѣ. У больного мальчика было доброе сердце; Онъ довѣрчиво смотрѣлъ въ глаза бородатому человѣку, который такъ заботливо относился къ Его страданіямъ.

Но и этотъ довѣрчивый дѣтскій взглядъ не тронулъ жестокое сердце еврея.

Въ то же утро монахини Марія и Антонина принесли Плѣнникамъ передачу изъ монастыря. Юровскій принялъ ихъ самъ.

«Принесите завтра пятьдесятъ яицъ и кринку молока», сказалъ онъ имъ, «но главное хорошенько уложите яйца въ корзинку».

Нѣсколько удивленныя такимъ требованіемъ, монашки обѣщали все исполнить въ точности.

«Вотъ записка отъ одной изъ гражданокъ Романовыхъ, ей нужны нитки для шитья», прибавилъ Юровскій, передавая монахинѣ записку на клочкѣ бумаги.

Эти мелкія домашнія подробности, корзинка съ яйцами, катушка нитокъ, нѣсколько наскоро нацарапанныхъ словъ, пріобрѣли позднѣе страшное значеніе. При помощи ихъ слѣдствію удалось установить предумышленность преступленія и дьявольское лицемѣріе главнаго палача.

Этотъ день принесъ еще одно послѣднее и рѣшительное доказательство подготовки убійства. Юровскій приказалъ перевести поваренка Ивана Сѣднева изъ Ипатьевскаго дома въ домъ Попова, часть котораго была реквизирована для солдатъ наружной охраны. Наслѣдникъ лишался товарища игръ, къ которому успѣлъ привязаться. Поваренокъ плакалъ, оставляя своихъ Господъ. Онъ не подозрѣвалъ, что большевики спасали ему жизнь.

Настало утро 3/16 іюля. Плѣнники проснулись въ обычное время около 8 часовъ, вмѣстѣ пили чай, читали, завтракали, совершили Свою обычную прогулку въ саду. Казалось этотъ день ничѣмъ не долженъ былъ нарушить однообразіе Ихъ безрадостнаго и безнадежнаго существованія. Часы смѣнялись часами, какъ капля, падающая за каплей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалась какая-то неопредѣленная тревога, тяжелая и гнетущая, какъ надвигающаяся гроза.

Насталъ вечеръ, зажглись звѣзды... Плѣнники прочли вечернюю молитву... Императрица уложила и укутала Своего больного сына, поцѣловала Его со всей страстью материнской тревожной нѣжности... въ послѣдній разъ.

Въ одиннадцать часовъ всѣ уже спали въ комнатахъ Плѣнниковъ.

Юровскій почти весь день былъ въ отстутствіи. Вмѣстѣ съ Ермаковымъ онъ ѣздилъ на автомобилѣ въ Коптяки, для какихъ-то таинственныхъ изысканій въ лѣсу. Вернувшись часовъ въ 8 вечера, онъ послалъ за Медвѣдевымъ.

«Обойди солдатъ наружной охраны и отбери у нихъ наганы», приказалъ онъ.

Черезъ четверть часа Медвѣдевъ принесъ двѣнадцать револьверовъ. Тогда, глядя на него въ упоръ, Юровскій отчеканилъ:

«Сегодня «они» всѣ будутъ разстрѣляны. Предупреди отрядъ, чтобы всѣ оставались спокойны, когда услышатъ выстрѣлы».

Медвѣдевъ не дрогнулъ. Какъ онъ самъ разсказывалъ потомъ съ изумительнымъ равнодушіемъ, онъ въ этотъ моментъ не почувствовалъ ни малѣйшаго сомнѣнія или колебанія. Кто были приговоренныя жертвы — онъ отлично понялъ, но не спросилъ себя, кѣмъ и за что Они осуждены на смерть. На что такіе праздные вопросы? Онъ убивалъ Царя, женщинъ и дѣтей, повинуясь начальству, и также спокойно, будь приказано, убилъ бы самого Юровскаго.

Но сохранить сообщенную ему тайну Медвѣдевъ не смогъ и проговорился нѣсколькимъ товарищамъ. Хотя убійство и ужасное зрѣлище, но все же это зрѣлище. Въ надеждѣ увидѣть его, двое охранниковъ, Клещевъ и Дерябинъ, стали подглядывать въ окна подвальнаго этажа, и ихъ разсказы, сообщенные потомъ слѣдственнымъ властямъ, дали возможность возстановить всю картину этого кроваваго злодѣянія.

Государя, приговореннаго давно уже къ смерти евреями, долженъ былъ убить еврей. Эту роль царскаго палача, «Рыцаря-Кадоша», взялъ на себя Юровскій. И дабы чужая пуля не поразила его жертву, онъ строго приказалъ Ваганову и Ермакову не стрѣлять въ Царя, заявивъ, что онъ хочетъ самъ убить Его.

Такимъ образомъ о предстоящемъ злодѣяніи было сообщено только ближайшимъ, наиболѣе довѣренымъ лицамъ, надежнѣйшимъ изъ разбойниковъ этой шайки.

Въ этотъ вечеръ в караульной не было ни музыки, ни пѣнія. Тамъ собрались четверо: Юровскій, Бѣлобородовъ, Голощекинъ и Сафаровъ. Лица ихъ были блѣдны, и слова, которыми они обмѣнивались вполголоса, глухо терялись въ жуткой тишинѣ спящаго дома.

Полночь. Юровскій неслышными шагами поднимается по лѣстницѣ въ первый этажъ, проходитъ черезъ комнаты, погруженныя въ мракъ. Сама Смерть, какъ черная тѣнь, идетъ за нимъ. Убійца останавливается у дверей Великихъ Княженъ. Заколебался ли онъ? Нѣтъ, онъ слушаетъ. Потомъ стучитъ въ дверь. Молодой заспанный голосъ спрашиваетъ:

«Кто тамъ?»

— «Это Юровскій. Разбудите скорѣе гражданина Романова».

Проходитъ нѣсколько минутъ. Теперь слышится голосъ Царя:

«Что вамъ надо?»

Тутъ нужно тонко схитрить, но сумѣетъ ли онъ?

— «Только что получено извѣстіе, чехословацкія и бѣлыя войска приближаются къ городу. Я получилъ приказаніе перевести Васъ въ болѣе вѣрное мѣсто. Приготовьтесь уѣзжать отсюда черезъ часъ, багажъ будетъ посланъ вслѣдъ».

Предлогъ правдоподобный. Царь знаетъ, что, покидая городъ, большевики не оставятъ Его въ рукахъ бѣлыхъ. Это былъ слабый лучъ надежды на спасеніе, теперь онъ гаснетъ. Юровскій уходитъ и возвращается черезъ часъ въ сопровожденіи Никулина и Медвѣдева. Всѣ уже готовы съ той точностью, которой всегда отличались Государь и Его Семья.

Арестованные со стражей проходятъ черезъ комнаты, спускаются съ лѣстницы во дворъ и свѣжій воздухъ ночи освѣжаетъ ихъ лица.

Во мракѣ виднѣются тѣни десятка людей.

«Это отрядъ, который будетъ сопровождать Васъ», объясняетъ Юровскій.

Автомобили еще не поданы. Юровскій предлагаетъ пока вернуться въ домъ. Въ полуподвальномъ этажѣ есть какъ разъ свободная комната, гдѣ можно подождать.

Проходятъ черезъ нѣсколько грязныхъ и запыленныхъ помѣщеній.

Впереди идетъ Никулинъ. За нимъ Государь несетъ больного Сына. Мальчикъ еще не совсѣмъ проснулся отъ перваго сна. Отецъ говоритъ съ нимъ вполголоса, ласково успокаивая Его тѣми нѣжными словами, которыя подсказать можетъ только любящее родительское сердце.

Юровскій идетъ рядомъ съ Царемъ. Императрица и Великія Княжны слѣдуютъ за Ними; Онѣ одѣты по-дорожному, у двухъ Великихъ Княженъ въ рукахъ подушки, Анастасія Николаевна несетъ свою собачку Джимми. Шествіе замыкаютъ докторъ Боткинъ, камеристка Демидова, съ двумя подушками въ рукахъ, лакей Труппъ и поваръ Харитоновъ. Послѣднимъ идетъ Медвѣдевъ.

Никулинъ отворяетъ дверь въ комнату со сводами, выходящую окнами подъ гору на Вознесенскій переулокъ; напротивъ видна другая закрытая дверь. Мрачный, жуткій видъ у этого пустого подвала!

Государь, обращаясь къ Юровскому, проситъ дать стулъ для мальчика, который не можетъ стоять. Медвѣдевъ приноситъ три стула. Великая Княжна Татьяна Николаевна, при помощи подушекъ, устраиваетъ удобныя сидѣнья для Брата и Матери Царь, утомленный, садится возлѣ Сына. Императрица садится у стѣны, окруженная тремя старшими Дочерьми. Докторъ Боткинъ не отходитъ отъ больного Наслѣдника. Демидова и Великая Княжна Анастасія Николаевна прислоняются къ задней двери. Труппъ и Харитоновъ остаются въ углу.

Проходятъ нѣсколько минутъ тягостнаго молчанія.

Вдругъ слышится гудѣніе автомобиля. Юровскій смотритъ на дверь и какъ будто ждетъ кого-то. Дверь растворяет я и шайка вооруженныхъ людей врывается въ комнату. Тутъ Ермаковъ, Вагановъ и семь чекистовъ. Всего двѣнадцать палачей, вооруженныхъ револьверами и ружьями, для одиннадцати жертвъ, изъ которыхъ шесть женщинъ и одинъ больной ребенокъ.

Въ эту минуту Плѣнники поняли все. Императрица крестится, но не произноситъ ни одного слова. Юровскій подходитъ къ Царю и, вынувъ изъ кармана бумагу, начинаетъ, запинаясь, читать. . Едва можно разобрать нѣсколько словъ... попытка освобожденія... воля народа... смертный приговоръ.

«Что?» спрашиваетъ Государь, быстро вставъ съ мѣста.

«Вотъ что!» отвѣчаетъ Юровскій, стрѣляя въ Него въ упоръ. Царь, пошатнувшись, падаетъ мертвый. Начинается безпорядочная стрѣльба. Императрица бросается къ Мужу и падаетъ, сраженная нѣсколькими пулями... Великія Княжны кричатъ отъ ужаса, но крики быстро переходятъ въ предсмертные стоны.

Кровь заливаетъ лицо Наслѣдника; Онъ падаетъ на полъ и съ крикомъ протягиваетъ руки къ Отцу... Юровскій два раза въ упоръ стрѣляетъ въ мальчика... голосъ Его умолкаетъ...

Раненая Анастасія Николаевна рыдаетъ отъ боли и ужаса... Два палача, вооруженные ружьями, бросаются къ Ней и прикалываютъ штыками. Камеристка Демидова старается защититься подушками и умоляетъ о пощадѣ, но заколота десятками штыковыхъ ударовъ; озвѣрѣвшіе убійцы бьютъ съ такой силой, что штыки, пройдя черезъ вздрагивающія еще тѣла, оставляютъ глубокіе слѣды въ стѣнѣ и въ полу.

Черезъ нѣсколько мгновеній одиннадцать тѣлъ лежатъ въ лужахъ крови.

Кровью забрызганы стѣны, весь подвалъ кажется окрашеннымъ въ красный цвѣтъ. Въ воздухѣ, насыщенномъ запахомъ крови и пороха, еще стелется голубой дымъ. Убійцы блѣдные, дрожащіе, расталкивая другъ друга, бѣгутъ изъ проклятой комнаты. Даже Медвѣдевъ, не въ силахъ справиться съ собой, чувствуетъ себя дурно и спѣшитъ на воздухъ.

Комната опустѣла. Дверь закрылась за послѣднимъ изъ убійцъ, бѣжавшихъ въ ужасѣ.

Теперь Романовы одни въ Своей могилѣ; Ихъ крестный путь оконченъ, Они спятъ послѣднимъ сномъ, осво-

божденные смертью отъ Своихъ испытаній, страданій и палачей.

Противъ дома Ипатьева, въ домѣ Попова, часть котораго была отведена подъ красноармейцевъ, проживалъ крестьянинъ Викторъ Ивановичъ Буйвидъ, пріѣхавшій изъ деревни въ Екатеринбургъ.

Не спалось въ эту ночь Буйвиду. Полный какой-то смутной тревоги, онъ ворочался съ боку на бокъ. Въ мерцающемъ огонькѣ лампады передъ иконой чудилось ему послѣднее трепетаніе угасающей жизни. Около полуночи, почувствовавъ себя нехорошо, Буйвидъ вышелъ на улицу. Стояла сибирская лѣтняя, свѣжая и прозрачная ночь, но окружавшая тишина не успокаивала его взволнованнаго сердца. На той сторонѣ черезъ переулокъ, вырисовывались неясныя очертанія Ипатьевскаго дома, погруженнаго въ сонъ.

И вдругъ тишину нарушили заглушенныя щелканія выстрѣловъ; послѣднее время эти зловѣщіе звуки часто пугали по ночамъ жителей города. Они знали, что каждый такой выстрѣлъ означалъ убійство, пролитую кровь, угасшую человѣческую жизнь... На этотъ разъ стрѣляли залпами, слышался глухой шумъ, задушенные крики, которые исходили изъ этой жуткой тюрьмы.

Проходили минуты... Неподвижный и застывшій отъ ужаса, Буйвидъ, какъ въ кошмарѣ, не зналъ, сколько времени онъ простоялъ такъ... Онъ очнулся отъ шума отъезжавшаго автомобиля. Шумъ сталъ стихать и умолкъ въ ночи.

Буйвидъ, весь дрожащій, поднялся къ себѣ въ комнату. За тонкой стѣной онъ услышалъ движеніе не спавшаго сосѣда. Они стали переговариваться шопотомъ.

«Ты слышалъ?»

«Да, слышалъ».

«И... ты понялъ?»

Испуганный шопотъ: «Да, понялъ».

И, павъ на колѣни передъ иконой съ печальнымъ и строгимъ ликомъ, простой мужикъ горячо сталъ молиться объ упокоеніи душъ Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго, Великаго Государя Николая Александровича, всей Царской Семьи и Ихъ вѣрныхъ слугъ, большевиками умученныхъ.

И. П. Якобій.

ЖЕРТВА.

Тамъ объяла Россію, но черезъ нее уже пробивается на свѣтъ Божій истинная правда и образъ Государя предстаетъ передъ нами Царемъ героемъ, титаномъ по благородству и чести. Господь преобразилъ избранника по сердцу своему и Онъ свѣтилъ намъ во тьмѣ, былъ въ нашемъ русскомъ мірѣ, но міръ не позналъ Его. Но тьма не объяла Его и не обыметъ и Онъ осіянный фаворскимъ свѣтомъ пребудетъ въ Россіи во вѣки.

Страданія Царской Семьи, начиная съ ареста ея Временнымъ Правительствомъ, исполнившимъ волю темныхъ силъ, были подобны Христовымъ. Съ Тобольска уже Царская Семья готовилась къ смерти, подобно Спасителю съ Тайной Вечери, готовившемуся принять терновый вѣнецъ и крестныя страданія. Въ Тобольскѣ у Государя появилось сознаніе неисполненнаго долга, которое онъ осозналъ, какъ грѣхъ. Онъ сказалъ отцу Владиміру Хлынову, что сожалѣетъ о томъ, что подписалъ отреченіе: «Я думалъ, — сказалъ Онъ — что передаю власть народнымъ представителямъ».

Также какъ и Спаситель нашъ молился неустанно, такъ и Семья Царская молилась въ заточеніи. Чтеніемъ святыхъ книгъ подкрѣпляла она себя на крестный путь. О возможности трагическаго конца не говорили, но чувствовали его близость и возможность. Въ этомъ отношеніи особенно интересно стихотвореніе (Бехтѣева), найденное въ тетрадкѣ Великой Княжны Ольги Николаевны:

Пошли намъ, Господи, терпѣнье
Въ годину буйныхъ мрачныхъ дней,
Сносить народное гоненье
И пытки нашихъ палачей,

Дай крѣпость намъ, о Боже правый,
Злодѣйство ближняго прощать
И крестъ тяжелый и кровавый
Съ Твоею кротостью встрѣчать.

Владыка міра, Богъ вселенной
Благослови молитвой насъ
И дай покой душѣ смиренной
Въ невыносимый, страшный часъ.

Этотъ часъ подошелъ, когда плѣнники прибыли въ Екатеринбургъ. Государь былъ готовъ къ жертвѣ за Россію и, какъ солдатъ идущій въ бой, Онъ не думалъ о своей жизни. Обстоятельства требовали отъ него, однако, и жертвы дорогихъ для него существъ. Государь физически ослабѣлъ, но сохранилъ бодрость духа и глаза Его отражали чистую и свѣтлую душу. Семья Царская готовилась принять вѣнецъ мученическій. Воспитатель Цесаревича Жильяръ сказалъ позднѣе: «Ихъ истинное величіе не зависило отъ ихъ царскаго званія, но отъ необыкновенной высоты, на которую они мало по малу поднялись. Они стали духовной силой и въ несчастьи своемъ доказали чудесную ясность души, надъ

которой не имѣютъ власти ни злоба, ни насиліе, ни даже смерть».

Изувѣры, приговорившіе Государя и Его Семью къ смерти, тщательно подготовили, во всѣхъ деталяхъ свое черное дѣло. Изъ Москвы были даны точныя инструкціи и объ убійствѣ и какъ скрыть слѣды преступленія. Волею Божіей, однако, случилось такъ, что всѣ детали и подробности этого злодѣянія стали извѣстны.

Въ ночь на 4/17 іюля 1918 г. свершилось величайшее преступленіе передъ которымъ безсильно человѣческое правосудіе. Царскіе мученики заснули послѣднимъ сномъ, свободные отъ испытаній, страданій и палачей. Юровскій, игравшій роль рыцаря-кадоша убивающаго короля, на стѣнѣ комнаты забрызганной кровью, кровью своей жертвы начерталъ кабалистическій знакъ. Смыслъ его — жертва. Такъ была выполнена месть слугъ Дьявола надъ послѣднимъ Помазанникомъ Божіимъ Благочестивѣйшемъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ.

Необходимо вдуматься въ смыслъ и значеніе жертвы принесенной Государемъ во имя Россіи. Смыслъ ея въ томъ, что Государь Великомученникъ съ честью вынесъ самую идею монархіи, питающуюся изъ божественнаго источника. Самъ Онъ вѣрой и правдой выполнилъ обѣтъ царскаго служенія и намъ заповѣдалъ этотъ принципъ и основу царской власти почитать. Если мы измѣнимъ, хоть частично этому священному началу божественнаго происхожденія царской власти, то тѣмъ самымъ и измѣнимъ памяти Царя-Мученика. Въ этой измѣнѣ основнымъ законамъ нашей Имперіи и весь смыслъ нашего бѣженскаго страданія, разсѣянія и несчастья Россіи. Завѣты Императора Николая II это — символы великой Россіи: крестъ, императорская корона и державный гербъ.

В. Мержеевскій.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГИ В. А. БЕЛЯЕВСКОГО:

«ПРАВДА О ДЕНИКИНЕ» — цена 1 дол. 50 ц. (распродана).

«КТО ВИНОВАТ?» — цена 2 дол. (распродана).

«ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА» с многими иллюстрациями — цена 2 дол. 25 ц. (распродана).

«В ВОЛНАХ МОРЯ ЖИТЕЙСКОГО» — цена 1 дол. 50 ц. (распродана).

Подготовляется к печати и выйдет в свет во второй половине 1965 г. «ДОН И РОССИЯ» — Сказания о Земле Донской, которая будет заключать в себе до 50 иллюстраций и портретов замечательных людей, начиная съ IX и до конца XIX столетий. Цена книги будет 2 дол. 50 ц.

ГОЛГОФА (очерки из моих воспоминаний) — цена 2 дол. 50 ц.

Цена 2 дол. 50 ц.

Склад издания у автора:

W. A. Beljaewsky
1547 Balboa Street - San Francisco. Calif. - U.S.A.

Отпечатано в типографии Бразильской Православной Епархии
в г. Сан Пауло.

W. D. Merzeevsky — Caixa postal, 4097 — São Paulo — Brasil